ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ 5

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Тук-тук. Тук-тук-тук. Едва слышный трескучий звук проник сквозь стену яранги и разбудил меня. Тук-тук… тук-тук… Улыбнувшись в темноте, мягко убрал с мокрой от ночного пота груди женскую руку и осторожно поднялся с меховой постели. Нащупав одежду, неспешно оделся, выполз из теплой иоронги, не забыв запахнуть полог. Поежившись, глянул на едва теплящийся костерок в центре шатра и вышел наружу. Протяжно зевая, закрыл косоватую дощатую дверь и, обойдя обложенную камнями ярангу, уселся у еще одного желто-синего костра. Мирно посвистывал закипающий чайник на треножнике, с едва слышным гудением вырывался из почти скрытых в земле сопел горящий газ. Сидящий на вытертой от старости белой оленьей шкуре старый Гыргол, не обратив на меня внимания, продолжил свое занятие…»

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая

Дем Михайлов
Низший 5

Глава первая

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Едва слышный трескучий звук проник сквозь стену яранги и разбудил меня.

Тук-тук… тук-тук…

Улыбнувшись в темноте, мягко убрал с мокрой от ночного пота груди женскую руку и осторожно поднялся с меховой постели. Нащупав одежду, неспешно оделся, выполз из теплой иоронги, не забыв запахнуть полог. Поежившись, глянул на едва теплящийся костерок в центре шатра и вышел наружу. Протяжно зевая, закрыл косоватую дощатую дверь и, обойдя обложенную камнями ярангу, уселся у еще одного желто-синего костра. Мирно посвистывал закипающий чайник на треножнике, с едва слышным гудением вырывался из почти скрытых в земле сопел горящий газ. Сидящий на вытертой от старости белой оленьей шкуре старый Гыргол, не обратив на меня внимания, продолжил свое занятие.

Тук-тук. Тук-тук-тук…

Роговой рукоятью старого источенного ножа он умело выколачивал из оленьих костей сладкую мякоть мозга.

Тук-тук… тук-тук…

– Будешь?

– Ага – кивнул я, подавая вперед и сгребая пару самых больших бело-красных кусков.

Сгреб и резко припал к земле, пропуская над головой нацелившийся на мое горло разрезавший воздух нож. Выпрямившись, запихнул вкуснятину в рот и принялся неспешно жевать, глядя, как старик вытягивает из лежащей рядом кучи новую кость.

– Как моя внучка?

– Она тебе не внучка – равнодушно ответил я, задирая голову и смотря в ночное небо усеянное десятками ярких звезд.

Когда опустил лицо, увидел, как старик поспешно убирает руку с рукояти короткого гарпуна.

Тук-тук. Тук-тук.

– Я забочусь о ней как о родной – покачал седой головой Гыргол – Забочусь о каждом из племени.

– Ты мелкий диктатор любящий сладко пожрать – фыркнул я и требовательно протянул руку – Еще.

– Сейчас, сейчас.

Тук-тук. С треском стучала рукоять ножа по перебитой кости, беззвучно шлепались на шкуру и траву куски костного мозга.

– Вас принесли сюда беспомощными. Умирающими.

Отравленными. Мы спасли вас. Моя внучка – самая красивая в племени! – обогрела тебя своим телом. Я слышал ее стоны.

Забирая очередную порцию мозгов, заодно прихватил кусок оленины, снял с пояса нож. Старик дернулся, его рука дрогнула и вместо кости, он ударил рукоятью ножа себя по большому пальцу, зашипел от боли. Прожевав мозги, я уцепил зубами кусок мяса, резанул ножом снизу-вверх, отрезая у самого кончика носа. Снова неспешно зажевал.

– Каждый день мы кормили вас горячей похлебкой с монялом.

– Кормили – кивнул я – Поили.

– Я так думаю – ты неблагодарный.

– Я так думаю – ты трусливый старик привыкший повелевать покорным племенем и боящийся всего нового.

– Вы пришли оттуда! – Гыргол ткнул пальцем в землю – Оттуда! Что ждать от вас хорошего? Я так думаю – ничего! И подарков не подарили…

– И снова ты прав. Нечего от нас ждать хорошего. Мы вылезли из жопы мира. Вылезли окровавленными ошметками дерьма! Прямиком из вонючей жопы! Каких подарков ты от нас ждешь?

– Но я мудр и стар. Я понял и принял. Вы отравлены и слабы. Мы помогли вам. И что я получил взамен? Обещание смерти?

– Да.

– Ты пообещал убить меня! Перерезать мне глотку!

– Я дал тебе выбор и дал тебе время принять решение – поправил я – Ты уже стар. Уходи в Смертный Лес. Прокатись сам на аттракционе, куда ты любишь посылать других стариков. Ощути – каково это. Если не уйдешь до полудня – я убью тебя сам, а тело оттащу в Смертный Лес и брошу у колючих ветвей Доброй Лиственницы.

– Ты говоришь нашими словами, но они не значат для тебя ничего! Ты чужак! Я так думаю.

Прожевав очередной кусок, я фыркнул:

– Эвтанизируй себя. Вдруг тебе понравится?

– Мы были добры к вам!

– Они были добры к нам – я ткнул пальцем через плечо, указав на три десятка яранг стоявших на высоком песчаном берегу метрах в двадцати от невидимого, но слышимого мягкого прибоя, выбрасывающего бурые водоросли и куски льда.

– Я их вождь!

– Ты приказал бросить нас в Смертный Лес. Ты думал мы не слышим. Но я услышал каждое твое слово!

– Вы чужаки!

– Ты испугался.

– Да… – старый Гыргол опустил голову, уронил бессильно нож – Да…

– И попытался убить нас.

– Нет! Просто отправить…

– В гребаный Смертный Лес – прямиком в объятия сучьей роботизированной Доброй Лиственницы! Ты хотел бросить нас в колючий мусорный совок, что отправил бы нас прямиком обратно в жопу.

– Прямо вниз! Разве не оттуда вы пришли? Разве не там вам место? Доброе Древо не убивает – всего лишь сгребает вниз!

– Ага – зло усмехнулся я – Прямиком в могилу, да?

– Я так думаю – никто не знает куда!

– Так и узнай. Сходи в Смертный Лес. Прокатись на совке. Посмотри, что там внизу. А как надоест – возвращайся.

– Ты все еще хочешь убить меня?

– Да.

– Я так думаю…

– Тебе стоит подумать над кое-чем другим, старый вождь. Подумай над тем почему мое обещание убить тебя встретило общее молчаливое одобрение всего твоего народа! Подумай над тем почему никто не возразил мне! Почему все отвели от тебя взгляды! Почему никто не попросил пощадить их старого мудрого вождя Гыргола! Вот над чем тебе стоит подумать. И у тебя есть время до полудня.

Убрав нож, поднял кусок невыделанной кожи и с ее помощью снял с газового костерка закипевший котелок. Открыв матерчатый мешочек, выудил оттуда несколько кусков дробленного плиточного чая и бросил их в кипяток. Туда же отправил горсть сероватого сахара из старой костяной шкатулки. Поднявшись, подхватил котелок и шагнул прочь, уходя из зыбкого круга огня и от опустившего голову старого глупого Гыргола.

Увязая в песке, спустился до усыпанного ледяным крошевом водорослевого пояса. Отыскал оставленные шкуры и улегся. Покрутил котелок в холодном песке. И замер, лежа на боку и глядя на шумящее холодное море несущего соленые воды под звездным небом.

Как красиво.

Как почти по-настоящему…

Я вернулся мыслями к событиям недавнего прошлого. К моменту, когда мы только-только здесь появились. Ну или чуть позже – когда я наконец-то окончательно пришел в себя…

В те мгновения, когда нас поднимали наверх под

удивительно спокойную присказку «я так думаю», мне все же не удалось удержаться в сознании. Я отрубился. Но продолжающая работать походная паучья аптечка умудрялась возвращать меня на мгновения обратно, и я начинал дергаться – ощущая хватку на руках, слыша удивленные возгласы, женские удивленные вскрики. Тогда-то я и услышал врезавшийся в память сварливый голос Гыргола – требующего либо бросить нас обратно в дыру, либо же оттащить в какой-то Смертный Лес и отдать Доброй Лиственнице. Затем темнота. То ли аптечка исчерпала свой невеликий ресурс, то ли мой организм попросту отказался реагировать на бодрящую химию, но я отрубился.

Пришел в себя часами позже. Не сразу открыл глаза, не сразу показал, что очнулся, некоторое время прислушиваясь к медленно и спокойно разговаривающим женщинам вокруг. Пальцы тихо ощупывали удивительное мягкое ложе. Потребовалась пара минут, чтобы окончательно убедиться – я лежу на шкуре. Или на ее прекрасной имитации. Но запах… запах говорил, что шкура настоящее. Как и все вокруг.

Рискнув приоткрыть глаза, незаметно огляделся и… перестал разыгрывать из себя разведчика, медленно усевшись и уставившись на окружающее пространство широко раскрытыми глазами.

Я находился в большом шатре. В центре едва слышно шипел желто-синий костерок, булькал вместительный котел, в воздухе витал запах вареного мяса, крови, чего-то растительного и чего-то чуток подгнившего. В паре шагов от меня сидели две по пояс обнаженные женщины, занимающиеся штопкой рваной одежды – я узнал свою черную футболку и штаны. Прежде чем на меня наконец обратили внимание, успел разглядеть их одежду – что-то вроде стянутых до пояса меховых комбинезонов – длинные прямые черные волосы, чуть раскосые спокойные глаза, широкоскулые лица.

Это было лишь начало.

Обрадовавшиеся моему пробуждению женщины мигом оказались рядом и мне в рот воткнулась ложка полная темного густого супа с волокнами мяса и какой-то растительности. Вкусно. Горячо. Удивительно.

Настолько удивительно, что я от легкого шока и тотального непонимания – где я?! – покорно сожрал целую тарелку похлебки, выпил горячего сладкого чая и лишь затем поинтересовался судьбой своих бойцов.

Меня успокоили – все живы. Отлеживаются в соседних шатрах. Показать?

Я кивнул.

Мне помогли подняться, помогли впихнуть задницу в починенные штаны, накинули на голые плечи мягкую шкуру, подвели к дощатой двери и распахнули ее передо мной. В лицо ударил яркий свет. В спину мягко толкнула женская рука. Шагай, гоблин. И я шагнул.

Шагнул. И примерз к земле. Да. К земле. Не к стальному полу. Не к решетке. Не к токсичной луже дерьма и кислоты. Нет. К земле. К серому крупному песку, если точнее.

В лицо бил солнечный свет. В глазах плескалось свинцово серое море. В ушах шумел прибой и кричали грязные белые птицы, бродящие по песку и что-то клюющие. На мгновение мне почудилось, что я оказался в борделе нимфы Копулы и стою перед тем экраном с несуществующим миром.

Но нет…

Не экран.

Настоящий берег. Настоящее море. Настоящий ветер. Солнце…

Мимо прошел настоящий олень. Гребаный олень!

Ноги подкосились, и я мягко осел на песок. Успокаивающе забубнили женщины, в четыре руки оглаживая мою голову, щеки, массируя шею, удивленно что-то спрашивая – язык понятен, но я просто не слышу. Сознание не принимает ничего кроме окружающего мира.

И лишь через несколько минут в голове возникла трезвая злая мысль – нет! Не верю сука! Что-то тут не так! Эта мысль разом изгнала вялость, придала сил и снова поднявшись, я оглядывался уже с предельной внимательностью, перестав изображать из себя восторженного щенка собаки динго, впервые выпершего свою задницу из темной норы и узревшего мир.

И эта решимость тут же дала плоды. Мне хватило минуты, чтобы понять – нет, не свершилось. Мы по-прежнему заперты среди стальных стен. Вот только размеры стен потрясают.

Высокий берег – песок и галька. На нем несколько десятков шатров из выделанных шкур. Кое-где на песке сами собой горят почти невидимые в солнечном свете костерки. Вокруг костров и котлов суетятся женщины, лениво сидят поодаль полураздетые мужчины, с нескрываемым интересом наблюдая за мной.

Что за берег?

Это какая-то вытянутая коса, тянущаяся на несколько километров в стороны от… от стойбища? Лагеря? Поселения?

С трех сторон коса окружена серым морем. А сзади… сзади, примерно в километре от стойбища, виднелись деревья. Самые настоящие на вид хвойные деревья. Но все они какие-то изломанные, припавшие к земле, стелющиеся. Будто кто

наковальню уронил на небольшой лесок.

Позднее я узнал, что та рощица называется Смертным Лесом и туда уносят всех умерших. Туда же отправляются те, кто не хочет больше жить. Там, на небольшой полянке, растет Добрая Лиственница. Стоит сесть под нее и пробыть там чуть больше минуты – колючие ветви оживут, мягко сомкнутся вокруг пожелавшего умереть и утащат его в открывшуюся у корней темную дыру. Как только дыра закроется, дерево ласково запоет старую-старую погребальную песню – вроде бы. Ведь никто не понимает того языка, на котором поет Добрая Лиственница. Почему жутковатое дерево называют добрым? Потому что вонзающиеся в тело колючие ветви по неизвестной причине не причиняют боли.

Что за Смертным Лесом?

Стена. Стальная стена окрашенная снизу в темный, медленно светлеющая кверху, а затем голубеющая и медленно переходящая в высокий небесный свод, что находился метрах… ну наверное метрах в двухстах, а может и выше над моей ошеломленной головой.

Далеко от нас под потолком ярко полыхало слепящее солнце. Легкий ветер ерошил волосы, обдувал лицо, принося с собой запах соли, йода и гниющих водорослей.

Такой вот почти настоящий мир…

Мир с названием.

Мне с гордостью сказали название этого места и удивились, когда услышали мой захлебывающийся горький смех.

Край Мира – вот как называлась эта песчано-галечная вытянутая коса поросшая обильно мхом и прижатыми к земле деревьями. Остров прижавшийся к замаскированной стене. Остров с высоким берегом, с цветущей тундрой в центре и Смертным Лесом у стены. Кое-где пятна снега и льда. А еще тут имелась бурая Скала-Мать, к которой здешний люд относился с огромным уважением и благоговением. Еще бы нет – ведь это умело обрамленные диким камнем технические блага и достижения цивилизации.

Три медблока. Несколько торгматов. И ящики, дарующие оленят и спящих новых сыроедов, что приходят на смену умершим.

Сыроеды – так называли себя жители фальшивого северного острова. Еще они называли себя спасенными, сохраненными и этносом.

Спасенный-сохраненный этнос сыроедов живущий на Краю Мира.

Что я сказал, услышав это?

Ничего действительно стоящего. Но что еще ожидать от грязного гоблина? Мы то не этнос, живущий на Край Мира. Мы вылезли из Задницы Мира, едва не сдохнув при этом.

Высказавшись, вырвавшись, я окончательно пришел себя и взглянул на море. За горизонтом – смутные очертания земли. Вроде бы горы, вроде бы лес. Расстояние от острова до земли, что выглядит чуть ли не материком, не особо велико. По сторонам – скальные непрерывные гребни вздымающиеся из воды и тянущиеся к той далекой земли. Этакий огромный прямоугольник океана с высокой каменной рамкой. В одном месте скальная стена приподнята, образовав что-то вроде покоящейся на двух каменных колоннах высокой арки. Куда она ведет? Не знаю. Из моря в моря…

Вот такой вот чудесный мир…

Зрительно «нажравшись», я вернулся в темную ярангу, рухнул на постель и отрубился, проспав еще несколько часов. А как проснулся – начал расспрашивать охотно отвечающих женщин, а затем и присоединившихся мужчин. От них и узнал все это дерьмо про Край Мира, Смертный Лес, Скалу-Мать, этнос сыроедов и старого мудрого вождя Гыргола – вот про него рассказывали уже с крайней неохотой.

Спустя три часа расспросов я думал, что меня уже ничем не удивить. Но как раз тут-то и началось самое интересное и удивительное. И попав в струю, я продолжал расспрашивать, а доброжелательные, хотя и несколько медлительные сыроеды с готовностью отвечали.

У них не было шрамов на руках и ногах, комплект конечностей выглядел полученным при рождении. Но я все же спросил. Меня не поняли. Я уточнил. И наткнулся на неприкрытое испуганное изумление, а затем и первый эмоциональный вопрос-ответ с добавлением пары здешних ярких словечек, звучащий примерно так: «Как это твою мать у тебя могут забрать собственные руки-ноги, вместо них выдать другие, а потом и те забрать, если не платишь за них. Охренели что ли?!».

Поразительно… но чудеса на этом не кончились.

Вы кто, островитяне?

Мы сыроеды. Мы сохраненный этнос номер семнадцать.

Есть ли зеленые буквы перед глазами?

Случается, что и мелькают. При рождении так точно, а потом бывает и за всю жизнь ни разу. Хотя вот у старейшины Гыргыра и прочих до него – зелень письменная почаще перед взором появляется. Ну так вождь же. Высокая персона. Он получает сведения от Матери-Скалы – о прибытии новорожденных оленят, о появлении новых сыроедов после того, как погребены старые, о

начале новой кочевки. Получив известие сам, вождь извещает и остальных сыроедов.

Ага…

Новорожденные оленята?

Ну да. Приходится выкармливать некоторое время. Но на ягель переходят быстро.

Прямо маленькими появляются?

Само собой. А какими еще? Даже оленям расти надо.

Но ведь сыроеды появляются и взрослыми.

Собеседники закивали – бывает так чаще всего. Но и дети ведь появляются.

Как это?! Дети?! Реально?!

Конечно! Вот она, она, он, а там еще те трое – все появились детьми в возрасте от двух до десяти лет. Тоже выкармливали всем племенем и воспитывали. И в этом особая радость, ведь стойбище прекрасно, когда яранги полны детских голосов.

Ну да, ну да… а что насчет памяти? Не стерта?

Стерта. У всех. Видать таково веление Матери-Скалы позаботившейся, чтобы сыроеды не помнили былой горестной жизни. Да и зачем помнить темное прошлое? Лучше жить светлым настоящим.

А с чего взяли что прошлое было темным?

А как иначе? Было бы светлым – кто бы его стирал из памяти людской?

Ясно. Память стерта, руки и ноги свои от рождения, взамен умерших изредка появляются новоприбывшие дети. Понятно. А чем живете? Откуда шкуры понятно. А инструменты?

Торговые автоматы Матери всегда полны! И каждый сыроед может в любой момент купить все необходимое на святые баллы сэоб.

Как-как? Какие баллы?

СЭОБ.

И что это?

Мне пояснили охотно – это единственная здешняя валюта, что каждый день начисляется на внутренний золотой счет каждого сыроеда.

Золотой счет?

Ну да. Как захотел – глянул на него, посчитал сколько монеток сэоб накопилось. Выглядит как желтого цвета куцая строчка перед глазами:

Баллы С.Э.О.Б.: 15

И что за сэоб? Знаете?

На это ответить нетрудно. СЭОБ – баллы соответствия этническому образу бытия.

Что за хрень?

Не хрень, а сэоб! Святые монеты доброй Матери. И платят их за правильную жизнь. Жизнь сыроеда. Ведь сыроед что делать должен? Правильно. Рыбу гарпунить и ловить прибрежными сетями, на песцов охотиться, съедобные травы и ягоды тундры собирать, олешков пасти, шкуры выделывать, яранги ставить и разбирать, сказки у костров рассказывать, вкусное свежее мясо в булькающем кипятке варить, веселые песни петь. Вот настоящая самобытная жизнь сыроедов. За нее и платят монеты сэоб.

Ла-а-адно… Кочевка? Куда кочуете, этнос семнадцать? И зачем?

Как зачем? Хотя вы здесь чужие и пока многого не знаете. Кочевка необходима – олешки прожорливы, весь ягель вокруг быстро подъедают. Оттого надо всем племенем собираться, яранги разбирать, на нарты грузить и отправляться в место побогаче.

Услышав это, я встал и ненадолго покинул ярангу. Прошелся вокруг стойбища, заодно проведав бойцов и гниду. Огляделся. Вернулся в ярангу и уверенно заявил – что-то вы темните, сыроеды. Тут остров припертый к стене. Куда кочуете нахрен?! На дно морское?

Мои слова сыроедов огорчили. Но в тупик не поставили. Один из разговорчивых стариков хрипло посмеялся и, закурив трубку, спокойно пыхнул в мою сторону дымом вперемешку с пояснением – кочевка сегодня. Сам и увидишь. Начало когда? Хочешь сейчас и начнем?

Хочу!

Так сходи к вождю Гырголу. Тут все от его слова зависит. Как он скажет – так и начнем. Не слабо?

Мне?

Сцапав кусок мяса, хлебнув солоноватого бульона, я снова покинул шатер и в сопровождении доброго десятка островитян быстро отыскал сидящего на вытертой шкуре седого вождя, занятого выстукиванием мозгов из оленьих костей. Тут-то, в начале беседы, я и узнал тот голос, что требовал бросить нас обратно в стальную яму или же оттащить под ветви Доброй Лиственницы в Смертном Лесу. Тут-то ко мне и вернулась ревущая яростная ненависть, что кипела в душе от самого моего рождения в дерьмовом мире и немного поутихла при виде пасторальной островной жизни сыроедов. Не притронувшись к старику и пальцем, я повернулся к «рядовым» и уточнил про объятия Лиственницы. Выслушав, окончательно поняв функцию, заодно узнав про Добровольную Смерть, я кивком поблагодарил рассказчиков и буднично пообещал убить старого вождя к

завтрашнему полудню. Если не хочет умереть в боли – пусть уходит в Смертный Лес и заползает под колючие ветви дерева убийцы. И что там насчет кочевки? Не пор ли начать?

Охреневший от моей угрозы вождь не сразу собрался с мыслями. Махнул безвольно рукой – начинайте мол. И, растеряв всю важность, жалобно заглянул в глаза стоящих вокруг членов племени – защитите ведь любимого вождя? Ответа он не получил. Островитяне ушли к ярангам. Я потопал следом, не оглянувшись на получившего приговор старика.

Меня, как больного, усадили на небольшой пригорок. Вскоре рядом оказались остальные бойцы. И гнида с трещиной на заднице – что разошлась аж до затылка. Хлебая чай и бульон, греясь под накинутыми шкурами, мы тихо разговаривали и во все глаза наблюдали за действиями сыроедов. А те не медлили, явно стараясь начать кочевку как можно скорее.

Быстро и споро с яранг сняли шкуры, свернули, уложили на землю. Следом разобрали каркас шатров и разместили его на подтащенных санях. Сверху уложили шкуры. Стянули все веревками. На другие сани уложили пожитки, усадили пару совсем уж седых и щуплых стариков. Следом мужчины отправились к центру острова и живо пригнали оттуда всех оленей. Я уж думал – запрягать будут. И в тысячный раз задался мыслью – куда сука кочевать?! Остров! Может я все еще брежу?!

Оленей пригнали. Неожиданно зазвучала громкая и веселая, если не сказать жизнеутверждающая песня, к которое присоединилось все племя. Едва слышно послышался вой донесшийся от Смертного Леса. Песня зазвучала веселей. Гыргол торжественно махнул рукой – тронулись! Но никто никуда не пошел. Хотя все сыроеды дружно зашагали – на месте, вглядываясь при этом вдаль.

Мотали башками олени, лениво бродя по снесенному стойбищу. Привстав, я изумленно смотрел на центр острова – на жалкие остатки съеденных трав и мха. И смотрел по очень простой причине – земля крутилась! Твердь земная разделилась на десятки прямоугольных кусков, что попросту провернулись вокруг оси и снова сошлись. В центре острова появился огромный участок нетронутой цветущей тундры, от чьего разноцветье радовался и страдал одновременно привыкший к серой стали мира взор. Снова послышался хриплый короткий вой. И тут же зазвучали над стойбищем радостные и вроде как даже усталые после «долгой» дороги голоса: Добрались! Пришли! Вот тут и остановимся! Кочевка удалась. Славное место!

Охренеть…

Охренеть…

Я снова и снова повторял это простое душевное слово, глядя, как оленей гонят к богатому пищей участку тундры, как туда же идут женщины торопящиеся собрать ягоды и травы, как мужчины, устало и показушно разминая онемевшие после кочевки ноги, опять стаскивают с нарт стариков и шкуры, начинают возводить каркас шатров, ставя яранги на том же самом сраном месте!

Вот и вся кочевка…

Охренеть…

Глядя на улыбающиеся лица, на нарочитые позы, на богатую меховую этническую одежду, на то, как что-то бормоча «разводят» сами собой снова вспыхнувшие костерки.

Большое и хорошо поставленное театральное представление с названием «Кочевка сыроедов» – вот что тут только что было, мать его. Никто никуда не кочевал.

И находись я, например не здесь, среди участников гребаной клоунады, а сидя перед экраном, показывающим вот это все… что бы это было? А что тут думать. Наверняка там имелось бы конкретное название: «Обычаи и быт этноса сыроедов». С плывущими по низу экрана поясняющими субтитрами – вот сыроеды кочуют, вот режут олешков, вот строят яранги, а вот и поют… Еще бы и хорошо поставленный голос диктора звучал: «Культура сыроедов насчитывает уже тысячелетия. Она сложилась в условиях скудной и суровой природы Севера, где каждый день был посвящен выживанию. Сыроеды сумели приспособиться к жизни там, где до них не жил никто… и прочее бла-бла-бла»…

Сука…

Весь этот остров – музейный экспонат.

Живой музейный экспонат.

Вот куда мы выползли из стального мира – прямо в музейную витрину, оказавшись внутри игрушечной театральной постановки.

Монеты сэоб.

Теперь понятно почему здешняя валюта называется так длинно и своеобразно.

Баллы соответствия этническому образу бытия. Пой, танцуй, гоняй оленей, трахайся в яранге, собирай ягоды, уходи на Добровольную Смерть в Смертный Лес, снова трахайся в яранге, лови рыбу, жри рыбу, выколачивай мозг из костей, трахайся в яранге… и на твой золотой счет будут регулярно падать звякающие монетки сэоб.

Вот дерьмо…

Это какое-то сраное реалити-шоу…

Но раз есть шоу – кто-то должен и смотреть его? Должны быть и зрители, что, сидя на удобных диванах перед огромными

экранами почесывают волосатые пуза, смотрят на улыбчивых сыроедов и лениво думают – вот ведь гребаные тупые дикари, хотя вон та стройная раскосая девчонка вполне ничего, а посмотреть бы еще не только на то, как она расчесывает темные волосы сидя у костра, но и на то как она обнаженная прыгает вон на том мускулистом бугае…. Нет ли ночного платного просмотра по тройному тарифу? И рука зрителя начинает сильнее мять волосатое пузо нависшее над растянутыми трениками…

Дерьмо…

Но состояние общей охренелости только прибавило трезвости и энергии.

Дождавшись, когда стойбище вернется к первоначальному виду, подсев рядом с занятыми штопаньем шкур женщинами, я опять начал расспросы.

Кто вы по статусу?

Добровольно низшие?

Ответом было недоуменное – это еще что? Ну нет. Мы Этнос-17 (добровольно сохраненный).

А есть ли ранги и рабочие нормы?

Это еще что? Нет. Хотя старый вождь Гыргол рангом повыше. Может многое. Он же еще и шаман – взял на себя обязанности, когда старого шамана отправил в последний путь, а другого назначать не стал.

Ага…

А есть ли запреты?

Какие еще запреты? Они сыроеды – свободное племя. Ходят, где хотят, рыбачат, кочуют.

Ну да, кочуют – с улыбками маршируют на месте, изображая кочевку и, похоже, даже не соображая, насколько страшно это выглядит со стороны.

Улегшись на починенную шкуру, глядя в покрашенное небо, я чуть помолчал, пытаясь систематизировать услышанное и понял, что систематизировать особо нечего. И так все понятно. Хотя… ответ на следующий вопрос меня действительно интересовал – кому принадлежал хриплый вой, что раздался до и после так называемой кочевки?

Иччи. Дух-защитник Смертного Леса.

Кто?

Иччи. Дух Смертного Леса в обличье старого черного волка. Мы называем его просто Иччи, хотя это и относится ко всем духам природы. Но тут ведь только один Иччи. Хотя кое-кто раньше считал его не иччи, а деретником. И те, кто видел Иччи своими глазами вполне могут согласиться с тем, что иччи давным-давно превратился в Деретника.

Помассировав виски, я попытался разобраться и задал еще пару вопросов.

Кто такое иччи?

Дух природы. Благожелателен к сыроедам.

А что иччи делает в Смертном Лесу? Воет и все?

Иччи важен! Подает сигналы о том, что можно приступать к кочевке. И он же говорит, когда большой поход пора завершать. А еще иччи помогает ушедшим в лес старикам добраться до Доброй Лиственницы, если им самим сил не хватило. Иччи следит за Смертным Лесом, не давая его ломать и корчевать, отгоняет от Доброй Лиственницы глупых зверей, что суются куда не надо, иччи же изредка подходит к оленям и забирает одного – самого хилого и больного. Очищает лес и тундру от падали. Унесет тело умершего в тундре и незамеченного соплеменниками. Еще иччи защищает сыроедов.

Защищает от кого?

От всего. Мы сами не видели. Но старики бают – иччи может покинуть лес и с рыком явится в стойбище, готовый защищать сыроедов от любой угрозы.

Так. Ладно. Кто такой деретник?

Злой дух, что вселился в чужое тело.

То есть деретник вселился в иччи?

Да.

С чего так решили?

Потому что зло не может существовать в добром теле – тело борется против такого присутствия, терзая само себя.

Выслушав, я чистосердечно признался – нихрена не понял.

Так сходи к Смертному Лесу и погляди. Увидеть Деретника легко. Войди в лес. Сядь у любого дерева и подольше посиди без движения с закрытыми глазами. Но не скрещивай руки на груди! Ни в коем случае! И не ложись! И не подходи к Доброй Лиственнице, если только жизнь не наскучила тебе или же не хочешь вернуться обратно вниз – туда, куда дерево сгребает стариков и не хотящих жить.

Ага…

Потратив на раздумья пару минут, я поднялся, подхватил шкуру и потопал через стойбище, по пути порывшись в своих вещах и прихватив нож, пустую бутылку и пару таблеток «шизы». Пройдя мимо единственного источника питьевой воды острова – сбегающей по боковой стене Матери-Скалы звенящей струи водопадика-ручейка – наполнил бутылку и продолжил путь к быстро приближающемуся Смертному Лесу.

Под ноги смотреть не забывал. Несколько раз нагибался, срывая полные пригоршни разноцветного разнотравья, растирал

между ладонями, с наслаждением вдыхая запах живой природы. И заодно убеждался – тут без обмана. Все настоящее. Хоть что-то реальное внутри огромное и фальшивой музейной витрины.

Лес начался не внезапно. Сначала тундра пошла большими кочками поросшая желтым колючим кустарником. Я заметил шмыгающих в траве небольших пушистых зверьков, порхающих бабочек, пернатую задницу поспешно смывшейся птицы. Природа…

Дальше появились деревца, что выглядели насквозь больными, изломанными, потоптанными. Искривленные стволы почти горизонтальны, ветви с частыми округлыми листочками стелются по земле. Но все это деревья с пятнистыми бело-черными стволами. А за ними уже идут деревья помощней и помрачней – хвойные с бугристыми стволами. Они растут близко к друг-другу, а дальше их заросли становятся только гуще. Еще шаг – и ты понимаешь, что шагаешь уже по пусть не слишком высокому, но все же лесу.

Здесь я первый раз увидел его след. На свободной от травы мокрой земле глубоко отпечатался след звериной лапы. След размером чуть больше моей ладони. Сразу стало ясно, что волк – не выдумка. А еще стало ясно что это охрененно здоровая зверюга. Постояв над следом, озираясь, я двинулся дальше.

Мягко ступая по бурой хвое, я углубился в лес еще метров на двадцать и, увидев впереди полянку, медленно опустился под одно из деревьев и прижался к стволу спиной, не отрывая взгляда от поразительного дерева, растущего посреди свободного пространства.

Это дерево отличалось от других всем, кроме внешней болезненности. Крупнее прочих. Заметно крупнее. Растет особняком. Толстый могучий ствол искривлен в нескольких местах, отчего шел то параллельно земле, то уходил от нее свечой. Толстые ветви покрыты богатой и яркой изумрудной хвоей. Настолько яркой, что за хвоей почти незаметны черные изогнутые шипы исходящие из нижних ветвей, образовавших что-то вроде шатра над землей. Под шатром небольшое земляное возвышение покрытое высокой зеленой травой мягко колышущейся под легким ветерком и выглядящей очень мягкой – так и хочется прилечь. Вот она Добрая Лиственница, что не доставляет явившемуся за смертью старику боли.

Никакой дыры в земле я не заметил, но это вполне логично – зачем показывать обреченному могилу, что по сути и не могила вовсе, а нечто вроде мусорной ямы.

Ведь под нами что?

Правильно. Под нами мерзкий сучий стальной мир. Как не

крути – мертвое тело сыроеда или животного отправится именно туда, где и будет утилизировано. Превратится в размолотый паштет, что стечет по трубам и добавит гущи в вонючую жижу. А если однажды вытечет из прохудившейся трубы – изольется дождем на улица Дерьмотауна, чьи жители и знать не знаю о живущих над ними сыроедах.

Впрочем, не совсем «над ними». Сидя под деревом, я медленно чертил подобранным прутиком – настоящим прутиком! – схему нашего почти хаотичного передвижения, заставляя разум припомнить каждый поворот и примерную длину каждого отрезка. Чертил я начиная от финальной точки путешествия – чтобы привязать систему ориентации к острову сыроедов.

Тут мы шли чуть ли не километр по прямой, медленно и неуклонно поднимаясь. Здесь гнида сказал свернуть налево, после чего часть пути – примерно метров семьсот – мы спускались. Затем поворот направо и нас ждал короткий прямой отрезок затопленной трубы с одним решетчатым пятачком. Вот тут мы начали…

Потратив на мысленное восстановление карты минут десять, я почти добрался до намеченного финала – лифтовой шахты – когда почувствовал рядом чье-то неслышимое присутствие. Вскинул лицо… и замер. В трех – всего в трех! – шагах от меня задумчиво сидел огромный черный волк с настолько поседелой шкурой, что зверь казался белым.

Вот он – Иччи Смертного Леса.

Пристально смотрит на меня левым взглядом. Вместо правого – лишенное шерсти уродливое вздутие странной опухоли. Раковое образование? Может и так, но я что-то не слышал о такой форме рака, где организм выпучивает из себя не только перерожденную болезнью плоть, но и обрывки тончайших разноцветных проводов с болтающимися на них кусочками сломанных электронных плат. Из изуродовавшего благородную голову вздутия медленно вытекает мутная жидкость, наклоненная голова и болезненно прижатое правое ухо явственно говорят – зверь испытывает муку. Но продолжает нести службу.

А еще весь его вид безмолвно заявляет – я крайне опасен! Порву!

Сидящий волк чуть сместился. Внутри его тела что-то зажужжало, клацнуло, дернувшись, зверь едва слышно взвизгнул, на мгновение припал брюхом к земле, выгнул поясницу, вывалив почернелый язык, часто задышал, тяжело ворочая боками с проступившими под шкурой ребрами. Немалая часть страшных бурых клыков обломана под корень, изъеденные гниением десны

и язык представляют собой страшное зрелище.

Держась за ствол дерева, я медленно поднялся, глядя как следом за мной движется волчий взгляд. Выставив перед собой пустые ладони, тихо сказал:

– Мир тебе, боец. Меня тащить никуда не надо.

Секунда…

И вставший волк двинулся прочь, бесшумно переставляя массивные лапы. Одного взгляда на его походку было достаточно, чтобы даже неискушенный в физиологии мог твердо заявить – у зверя серьезная беда с позвоночником. Зад сдвинут как-то в сторону. Настолько сдвинут, что задние лапы заносит налево, волку постоянно приходится подправлять свой маршрут.

Еще одно зримое свидетельство того, что все здесь медленно, но неуклонно гниет и выходит из строя. Сколько уже десятков лет киборгизированный волк несет свою службу?

А это несомненно она – служба.

Он поставлен здесь для выполнения четко прописанных функций.

Охрана Доброй Лиственницы, очистка тундры и леса от любой падали – будь то сдохший олень или сыроед. А еще защита сыроедов и всего острова от угроз. Каких угроз? Да любых, с которыми может справиться гигантский сильный волк. А еще Иччи является мобильным системным глазом – старый стальной нагрудник с тускло поблескивающим окуляром камеры трудно было не заметить. Не знаю работает ли камера сейчас, но руки зачесались проверить интерфейс. Я удержал этот порыв. Еще успею.

Бросив последний взгляд на Лиственницу, я повернулся и зашагал прочь, обходя кочки, карликовые березы и уже не обращая внимания на шустрых хищных зверьков охотящихся среди трав и мхов. Покинув Смертный Лес, я сделал еще десяток шагов и… рухнул под очередную кочку, ткнувшись лицом в пряно пахнущее цветочное созвездие.

Дерьмо… опять?

Оглядев толстенную книгу, я опустил тяжелый том на залитый солнечным светом обрывок ковра и недовольно пробухтел, обращаясь к жилистой черной спине согнувшегося над грядкой старого Грина:

– Она слишком большая и тяжелая! Дай другую!

– Читай – не оборачиваясь буркнул старик, выливая на листья молодого дайкона десяток капель драгоценной воды.

– Зачем только она вынырнула в том контейнере… лучше бы вечные кексы были в той коробке…

– Читай.

– Но зачем?

– Чтобы понять.

– Понять что?

– Что такое настоящие непреклонность, решимость, бесстрашие и готовность пожертвовать всем и всеми ради достижения поставленной цели. О непрестанном и непоколебимом движении вперед и только вперед. А подготовке на ходу, о том, как надо становиться сильнее прямо в движении! И о том, что в сраном мире нет сраных добрячков бескорыстно желающих помочь – каждый пытается урвать что-то для себя! Держи это в голове – и читай!

– Но тут сзади написано что-то про благородного стрелка, сдвинувшийся мир и темные силы… Сказка?

– Читай!

– А можно я с друзьями вместе читать буду? Так интересней.

– Нет.

– Но книга большая… долгая…

– Нет! Съешь сам, парень! Съешь сам! Жуй и наслаждайся вкусом! И читай вслух.

– Это не дайкон, чтобы наслаждаться – вздохнул я и с надеждой вздохнул на перешедшего к следующей грядке Грина. Но старик никак не отреагировал на мой намек. Тяжело вздохнув, я откинул обложку, положил дочерна загорелую ладонь на пожелтелую страницу и начал читать, стараясь не делать столь нелюбимых Грином пауз:

– Человек в черном пытался укрыться в пустыне, а стрелок преследовал его…

Фыркнув, я сонно встряхнул головой и поднялся. Долбанный флешбэк. И опять я не помню почти ничего. Какие-то обрывки. Слова тощего чернокожего старика, рисунок выцветшего ковра, потрепанная толстая книга раскрытая на первой странице с изображением мрачной черной башни.

Мелькнула тень…

Подавшись в сторону, упал на бок. И в землю с глухим стуком ударил длинный гарпун. Перехватив древко, дернул на себя, вырывая оружие из слабых рук вождя Гыргола. Завладев гарпуном, оперся о него и поднялся с насмешливым ворчанием:

– Подлый ты старик… и глупый, раз заходишь со стороны солнца.

– Не убивай меня – попятился Гыргол, с надеждой оборачиваясь и глядя в сумрак Смертного Леса.

– И не собирался – усмехнулся я, поворачиваясь и шагая

прочь – До завтрашнего полудня.

Я, как и старый Гыргол, заметил стоящего в тени дерева седого волка, что внимательно наблюдал за происходящим. Еще целый пласт информации для размышления. Если меня убьет вождь – Иччи накажет его? А если я убью вождя? Или волку плевать на внутренние раздоры сыроедов? Кто знает. Но проверять на практике я не собирался – очень уж опасно парадоксально выглядел Иччи Смертного Леса. Умирающим, но при этом полным опасных сил.

Гарпун – деревянное древко, стальной двузубый наконечник – я оставил у первой яранги. Чуть подправил маршрут и двинулся к высящейся над стойбищем скале, невольно вспомнив безликую белую стелу, вздымающуюся в центре безобидных дэвов великанов. Тут прослеживается что-то общее. Будто лепили по одному лекалу… по одной системе… только внешний вид различается. Но оно и понятно – там пародия на никому ненужный лагерь рабочих-чистильщиков. А здесь как-никак живая музейная витрина…

Гарпун.

Этот примитивный смертоносный гарпун.

А если точнее – копье.

Во время беседы с гнидой Хваном, он пару раз упомянул о торчащем в его животе копье. Что и понятно. Когда увидишь в своем животе глубокую рану и ушедшее туда оружие – поневоле запомнишь на всю жизнь. Меня заинтересовал внешний вид копья, и я задал пару вопросов. И получил пару неожиданных автоматических ответов.

Какое древко? Рукоять?

Я думал он ответит – железо или пластик.

Но гнида, сам не замечая, что он говорит живущим в стальном мире гоблинам, сказал – дерево.

Точно дерево?

Конечно! Он отчетливо видел срезы рядом с насаженным наконечником. И глубокие отпечатки чьих-то зубов – будто некто, кому пронзили живот, изогнулся и с яростью обреченного впился в убивающее его оружие…

Наконечник какой?

Железный. Вроде плоский. Очень длинный. Примотан к древку чуть разлохмаченной бечевкой.

Я кивнул и велел рассказывать дальше про скитания ползком в вонючей тьме. Но уже решил – чем бы не закончился его рассказ, мы в любом случае пойдем к тому «соленому свету», где новорожденных призмов убивают копьями с деревянными древками и примотанными бечевками листовидными

наконечниками.

И в голове снова ненадолго возникло это долбанное слово – эльфы. Эльфы, эльфы….

Это ведь с ними как-то связано волшебство, жизнь в лесах, ненависть ко всему чуждому и чарующая внешность? Копье с деревянным древком вряд ли могло напрямую относиться к высшим созданиям, но оно точно не имело ни малейшего отношения к нашему стальному миру, где копье – это заточенная арматурина, которую тебе вбивают в печень в темном закоулке.

К тому же деревянное древко – это дерево. Настоящая древесина. Обточенная ветка или ствол молодого прямого деревца. Так ведь? Подобные мысли и стучали в моей голове, когда я тащил бойцов по безымянным стальным коридорам и заполненным вонючей жижей трубам.

И вот мы здесь…

Внутри музейной витрины с регулярно устраиваемыми клоунскими представлениями, что должны показать древние обычаи и уклад жизни племени сыроедов…

Что ж… не совсем то, что я ожидал. Но ведь вон в той стороне море. А за морем земля. Вроде как темнеет кромка леса, а за ним к небу вздымается что-то еще…

Поэтому, оставив за спиной бессильно скрежещущего остатками зубов злобного старого Гыргола и куда более старого Иччи, я с воодушевлением двигался к скале, оттуда намереваясь прямиком двинуть к ярангам и задать уже куда более конкретные вопросы.

* * *

Скала-Мать, она же Мать-Скала, а попросту выдолбленная изнутри бурая глыбища, не впечатлила. Разве что визуально порадовала – приятно увидеть обильные поросли зеленого и бурого мха на камне там, где до него не дотягивались пасущиеся рядом олени. А дотягивались они высоко, вставая на задние ноги и вскидывая рогатые головы.

Осмотрев скалу, увидел декорированные входы в медблоки и замаскированные под обычные валуны торгматы. Это только еще сильнее убедило в дикой фальшивости здешней жизни – хотя она как раз-таки была настоящее. Ведь сыроеды жили и умирали по-настоящему, отправляясь затем в мусорку в Смертном Лесе.

Содержимое торгматов увидеть не удалось – стоило прижать палец к едва заметному темному кружку сенсора, раздался короткий и резкий сигнал, в узкой щели презрительно вспыхнуло

красным.

Гоблин не дурак. Гоблин сразу понял – этот торгмат не по его грязную харю. Тут могут отовариваться только благородные сыроеды. Снова до безумия сильно захотелось забраться в интерфейс. И снова я себя удержал, хотя понимал, что мои бойцы, скорей всего, такой терпеливостью не отличаются и давно уже ознакомились с реакцией потерявшей нас системы. Потерявшей и опять нашедшей – вот только далековато от Дренажтауна и его окрестностей. Облепленные дерьмом эльфов гоблины выбрались наверх… Что делать?

Вот и узнаю попозже, как система решила с нами поступить.

Ведь я лидер группы. И для системы это не пустой звук. Раз ко мне до сих пор не бегут бойцы с выпученными от ужаса или возбуждения глазами – ничего особо страшного пока не случилось. Есть время осмотреться тщательней.

Так я и поступил.

Отойдя от Скалы, извилистым путем прогулялся вокруг лагеря, затем побродил между ярангами, изредка останавливаясь, задавая мужикам с оружием пару вопросов и снова топая дальше.

Спрашивал я рождении и оружии. Не стеснялся повторять вопросы, задавая их следующему сыроеду – даже если уже ответивший стоял рядом и все слышал.

Рождает ли Скала-Мать кого-нибудь еще кроме сыроедов?

Нет. Не рожает. Да и с чего бы раз здесь их земля? Всегда так было.

То есть призмов не рождает?

Таких вот уродов что в яранге лежит с жопой треснутой? Нет, не рождает. Упаси Мать от таких родственников.

Ясно. А оружие? Копья с деревянным древком и листовидным наконечником?

Гарпуны с деревянными древками имеются. Иногда Иччи позволяет уронить засохшую лиственницу. Или сам ее роняет и дает знать Гырголу о том, что можно забирать. Сыроеды шустро разбирают дерево на составляющие, пуская в дело каждый сучок. Но вот наконечники листовидные, то бишь плоские – нет. Таких нет. Оленей валят ножами – быстро и умело. Рыбу гарпунят орудиями с двумя-тремя игловидными наконечниками. А с листовидным… на кого тут охотиться с таким?

Похмыкав, я подсоседился к женщинам и, получив от них миску с бурой от сваренной крови похлебкой полной полупереваренного мха и мяса, принялся уплетать сытную пищу, одновременно обдумывая дилемму.

Как на острове очутился почти безрукий и безногий призм с обломанным копьем в животе?

Я еще не был у ямы, откуда мы явились в этот мир, но знал где она примерно находится. Туда и двинулся – когда очистил тарелку и вернул посуду одобрительно цокающей при виде моих мышц женщине. На мне штаны и распахнутая меховая куртка. Идеально очерченные грудные мышцы и кубики пресса притягивают женские взгляды – больше удивленные, чем зачарованные. А вот сыроеды брутальным мощным телосложением похвастать не могут. Среди них есть высокие и низкие, широкоплечие и пузатые, но в целом телосложение у всех крепкое, но при этом… рабочее. Они жилистые и сильные, такую силу можно заработать, таская тяжести, гоняя и арканя оленей, но не работой со штангами.

Ведущую в наш миру дыру отыскал быстро. Она располагалась в стороне от поселения, спрятавшись среди нескольких каменистых пригорков в узкой части вытянутого острова. Яма закрыта решеткой. Даже не решеткой, а почти сплошной металлической солидной плитой с редкими узкими прорезями. Имеется и два крепких на вид запора. В паре шагов от закрытого люка несколько гниющих «блинов». Уродливые разумные твари реально похожие на позеленевшие и почерневшие подгнившие блины. Одаренные прекрасной мимикрией и способностью передвигаться по любой поверхности. И с жутко ядовитыми когтями.

Присев, я вгляделся в тонкую «лапшу» переплетенных мертвых лап. Прозрачные изогнутые когти, а внутри что-то вроде капсул с ядом. Тела медленно расползаются и уже начали попанивать. И пахнут они знакомо – как любой двуногий дохляк что хорошенько попрел на солнышке.

Поэтому сюда и явились сыроеды – от пригорков приполз шальной шевр. И успел убить оленя. Шевра истыкали гарпунами, прошли по его следу и обнаружили распахнутый люк – чего не допускали никогда. Люк открывался только по приказу Матери. Строго на определенное время. Строго в день Змеиного Прилива.

Что за чудо такое этот Прилив? А это когда из моря вдруг с гудением выползал длинный водяной язык и, взлетев по склону каменной горки, обрушивался в раскрытый люк. Тут не требуется много мозгов, чтобы сделать вывод – промывка. Обычная техническая промывка многочисленных труб. Я бы даже сказал – система делала контрольный смыв унитаза. Во время промывки сыроеды с гарпунами стояли вокруг люка на торжественной страже. Чаще всего обходилось без происшествий, но иногда из дыры неведомым образом вырывался шевр и порой даже ему удавалось кого-нибудь зацепить и отравить. Но это никого не

пугало – от яда имелся антидот. После Прилива, когда уходила вода, они закрывали люк, щелкали запорами и уходили всем довольные – за непыльную работенку система щедро платили баллами соответствия.

Хорошо…

Наметив кратчайший маршрут, прошелся от края люка до черты прибоя. Кивнул. Да. Тут немного – метров шесть. Склон пологий, выглаженный в меру. Даже на культяпках забраться теоретически – только теоретически – можно. А открыть запоры культями? Там длинные рычаги и их надо поднимать. Если лечь на бок, упереться бедрами или плечом и податься вверх…

Ну предположим…

Еще не обратившийся в гниду изуродованный человек с принудительно стертой памятью выпал из воды на берег, прополз вверх по склону до ложбины, где и наткнулся на закрытый люк. Действуя на адреналине, мучаясь от боли, он открыл люк и, перевалившись через край, рухнул вниз. Упав в глубокую лужу, нехило приложился о стальной пол, словил дополнительный болевой шок и отрубился. Чудо что он вообще очнулся – обычно это уже смертный приговор. Но он ведь призм… Ладно. Пролежав в луже соленой воды под люком, он очнулся и обнаружил себя в пятне «соленого света» – вкус морской воды и падающий сверху свет. Чуть пришел в себя, понял, что нихрена не помнит, оценил свои повреждения – и пополз вперед. Следом контроль на себя взяла вторая голова, а будущий Хван снова отключился.

Ладно…

Эту часть я себе прояснил.

Но…

Стоя на берегу в шаге от лижущего камень прибоя, приложил ладонь ко лбу и огляделся.

Никого и ничего.

Откуда мог взяться на острове призм?

Я могу согласиться на то, что марш бросок вверх по склону был ему под силу. Но я не соглашусь, что кто-то с обрезанными конечностями, с копьем засевшим в животе, сумел бы преодолеть вплавь такое расстояние – тут ведь счет на километры. И это холодное море – вон плывет айсберг формой напоминающий сплющенную ударом молота голову гоблина. Тут не поплаваешь – мигом поймаешь переохлаждение и булькнешь ко дну. Глянув еще раз на несущие ледяное крошево мелкие волны, вдоль берега пошагал к виднеющейся поодаль одинокой фигуре.

Может это мудрый вестник судьбы, что с охотой даст мне все ответы?

Нет. Не вестник. На песочке сидел сутулый дедуля с чашкой в

руке. Завидев меня, зло оскалился и махнул трехпалой рукой – мимо иди! Я и пошел. Знаю таких – сдохнет под пытками, но из принципа ничего не расскажет первые десять минут. А на одиннадцатой, раскрыв рот и сказав первые три вступительных слова, словит инфаркт и сдохнет. Так чего время терять?

Тут полно куда более говорливых островитян сыроедов.

Первые же три встречные женщины с удовольствием выслушали меня. Потом, переглянувшись, дружно махнули рукой в сторону моря и хором ответили:

– Лодка!

– Лодка? – повернувшись, я показал на берег, где на гальке лежало три широких челна, что никак не подходили для долгих морских переходов. Это было ясно даже профану в морском деле.

– Большая лодка – добавила самая старшая – Парус. Синий!

– И желтый! – ревниво дополнила ее рассказ вторая.

– Бывает два паруса! – победно вступила младшая, протягивая мне чуть потрепанный жизнью кусок серого вареного мяса.

Парусная лодка? Надо же…

Отправив угощение в рот, благодарно кивнул и некоторое время потратил на жевание и обдумывание. Мне не мешали – женщины снова вернулись к сортировке различных ягод. Ну да – мы ведь совершили большой кочевой переход и на новом месте полно ягод и мха…

– Лодка к берегу подходила? – начал я снова.

Из дальнейших распросов и ответов стало ясно, что лодки появлялись не так уж часто и к берегу не подходили никогда. Держались так далеко, что можно было увидеть только парус и очертания корпуса. Но не более.

Вообще никогда к берегу не подходят?

Да было говорят разок. Еще при предках – пару поколений назад. А может еще раньше дело случилось.

Так говорят – подошла однажды к берегу большая лодка. От нее отошло три поменьше и причалили к берегу. Сыроеды обрадовались гостям. Олешка повалили, резать стали. Но пирушки не случилось – прибывшие шатались, пьяно орали, ворочали с натугой языками и смотрели только на женщин помоложе. За них и взялись – двух поволокли к шлюпкам, трех к ярангам, с одной прямо на берегу начали одежду срывать.

Плохие гости оказались. Недобрые.

И что потом? Сыроеды взялись за гарпуны и прибили придурков?

Нет. Не успели. Пришел Иччи Смертного Леса и всех убил.

Это было произнесено так буднично, что не сразу и поймешь,

о чем речь. Поэтому я уточнил – пришел старый волк и убил всех чужаков?

Женщины подтвердили – пришел волк и убил всех чужаков. А потом по одному утащил их в Смертный Лес и отдал Доброй Лиственнице.

Ага…а что большая лодка?

Уплыла. И быстро.

А те маленькие лодки что причалили?

Мать приказала – и сыроеды разбили их на куски и сожгли.

Приняв второй кусок мяса, я сжевал его, в упор глядя на женщин. Те ничуть не смущаясь, кликнули проходящую мимо девушку и она принесла котелок бульона, заодно стрельнув в мою сторону взглядом, что выражал очень многое. Тем же вечером мы заснули вместе в крайней яранге. Но в тот момент я мог думать только о чужаках. Попытался расспросить и узнать больше, но женщины разводили руками – это легенда. При них такого не случалось. Единственное что припомнили – в тот день говорят море взбушевалось. И погналось за большой лодкой, что на всех парусах уходила к большой земле. Гигантская волна поднялась и рухнула – и на следующий день на берег выбросило чуток различных обломков. Но не поймешь – то ли лодку серьезно потрепало, то ли разломало и пустило ко дну. Почти все найденные обломки были сожжены или отнесены в Смертный Лес – там Иччи от них избавился.

«Почти»?

Уцепившись за это слово, я задал вопросы, получил важные ответы, после чего встал и торопливо зашагал к Скале, заодно позволив молоденькой и хитрой сыроедке вроде как оступиться и упасть мне на руки. Женщины понятливо засмеялись. Покрасневшая деваха вывернулась из моих рук и упала за их спины, накрылась накидкой. Еще бы не ей не покраснеть – я ведь успел немало интересного поймать и ощутить ладонями. Мягко и эротично. А от соседней яранги уловил совсем другие эмоции и внимательно оглядел полускрытого за шатром невысокого парня, хорошенько запомнив его лицо. Тут все понятно. Что ж – у него есть время доказать, что он мужик.

А пока все мои мысли занимала Скала.

Оказавшись у Скалы – опять – я оббежал ее кругом, выбрал наиболее подходящее место и принялся взбираться. Поднимался неспешно – узнал, что это не табу. Скалу уважают, взбираться на нее даже и не думали никогда, но прямого запрета нет.

Лез я туда по очень простой причине – женщины рассказали, что часть выброшенных на берег вещей молодые сыроеды хотели оставить себе. Но тогдашний старейшина – строгий и

принципиальный старик – забрал присвоенное и в сердцах забросил на вершину Скалы, после чего взялся за посох и принялся учить молодых жизни, после чего им понадобился медпункт.

А вещи?

Так ведь выбросил же. Нет их больше.

Ну да…

Подтянувшись, забросил ногу на вершину и перекатился. Охнул – в бок впилось острое. Выругавшись, извернулся и посмотрел.

Твою мать…

У меня в боку торчал меч.

Настоящий меч. Не просто стальная заточенная полоса с приваренной перекладиной. Нет. На скале лежал покрытый ржавчиной и патиной средневековый меч имеющий красивую рукоять, хитро закрученную перекладину – гарду? Эфес? – что-то крутится в голове, но я точно не спец в истории.

Меч воткнулся едва-едва – попортил гоблину куртку и шкуру. Сев, провел ладонью по рукояти, сдирая лишайник. Вот черт – рукоять была украшена тремя мелкими красными камнями. Рубины?

Скользнув взглядом по вершине Скалы, встал, прошелся по кругу, сгребая все чужеродное. Уселся у кучи и, задумчиво глядя на кучу ржавья, пробормотал:

– И откуда же вы приплыли насильнички гребаные? Прямиком из прошлого что ли?

А откуда еще, если судить по предметам?

Передо мной лежали: меч украшенный рубинами, смятый шлем похожий на ведро, ржавая рваная кольчуга и крайне серебряная статуэтка обнаженной девушки сидящей на камне и обхватившей себя руками.

Выйдя из ступора, оглядел еще раз все предметы и, оставив их на Скале, спустился вниз. Едва спустился – накатила слабость. Споткнувшись, едва не упал и вовремя остановил дернувшуюся ударить руку – ко мне метнулась стройная фигурка.

– Я так думаю – помочь? – улыбнулась девушка.

– Ну помоги – улыбнулся я, чуть наваливаясь на нее своим весом – Помоги…

На этом день и закончился.

А утро началось со стука ножа о оленьи кости.

Тук-тук… тук-тук-тук… Старый Гыргол выколачивал мозги из костей, вызывая меня на беседу…

И вот я здесь – лежу на холодном берегу и смотрю в море,

перебирая в голове факт за фактом, пытаясь слепить их во что-то имеющее хоть какой-то смысл. Кое-что вырисовывалось. Но…

Услышав тихие, но тяжелые шаги, я поморщился.

Дерьмо.

Омрын.

Приперся все же. Уже после. Кто же тебе мешал прийти до?

Парень лет двадцати с небольшим. Невысокий, крепкий, длиннорукий. Остановившись в паре шагов, он, крутя в руках короткий гарпун, задумчиво смотрел на медленно светлеющий горизонт. Вид у него был невеселый, но за грустью скрывалась злость. Коротко глянув на меня, отвернулся, дернулся плечом. Я поморщился:

– Не делай так, дитя ты громом трахнутое.

– Как не делать?! – Омрын живо обернулся, с радостью набычился – Я так думаю – тебе какое дело, чужак?

Еще бы ему не радоваться – он только и ждал повода для конфликта, а тут чужак сам ему помог.

– Чуть лучше сейчас – я одобрительно кивнул – Вытащил смелость из задницы наконец-то. Еще агрессии добавь и вообще отлично получится. Мужик только с обидой, но без смелости и агрессии – баба плаксивая. Такие только и умеют кричать про свои сраные права…

– Она для меня предназна…! – крикнул Омрын и осекся, задумался.

– Вот – вздохнул я, разводя руками – Опять эти гребаные крики. Как ты мог, ведь она для меня, а у меня сраные глубокие чувства, я думал это судьба, а тут пришел ты и уже с ней в чуме, а она так страстно стонет. И ведь чужак может и уйдет, есть надежда – но вдруг у чужака моржовый клык больше, чем и у меня, и со мной ей никогда не понравится так как с ним…

– Молчи! Я так думаю – лучше молчи! – рука крепыша сжалась на древке, щелки глаз сузились сильнее.

Он был готов ударить. Или?

Задумчиво глядя на трясущийся наконечник гарпуна, я выждал минуту. Поняв, что продолжения не будет, с презрением сплюнул в песок и сказал:

– Ну что? Ты уже идешь нахер?

– Почему?

– Почему идешь нахер?

– Почему она со мной не легла, а с тобой – сразу! Почему?! Чем Омрын плох?!

– Вот и думай, напрягай тупую голову, размышляй. И не трахай мне мозг, гребаный ты неудачник – дернул я зло плечом и едва не расплескал чай – Свали нахрен, придурок!

– Ты ответь! Почему не я?

– Потому что ты вонючая жопная слизь! Потому что настоящий мужик должен был вмешаться сразу. До того, как девушку, в которую он влюблен, уложит в свою постель пришлый грязный гоблин. Ты долго мялся. И опоздал. Даже сейчас ты пришел сюда не сам! Тебя привели сюда тихие вкрадчивые речи старого Гыргола, что успел нашептать тебе что-то про сладкую месть. Но ты трусишь… стоишь с гарпуном рядом с лежащим безоружным гоблином – а ударить духа не хватает…Гребаный трус! Мямля! Неудачник со стояком на первую красотку племени! Свали отсюда и не порть рассвет!

Омрын замер. Ни слова. Ни движения.

– Свали! Или я встану и сделаю из тебя калеку!

На моем лице эмоций было немного. Но того, что он увидел, ему хватило, чтобы отступить и пойти прочь. Зажатый в бессильно упавшей руке гарпун волочился по гальке.

Я остался в одиночестве. Но собраться с мыслями не удалось – снова послышались шаги. И снова мне не пришлось оборачиваться, чтобы узнать, кто именно неспешно подходит ко мне со спины.

Глава вторая

– Давай – буркнул я и сделал большой глоток обжигающего терпкого напитка – Говори то, что должен сказать. Раз уж так решили.

Интересно любил ли я чай раньше? Наверняка любил, раз пью с таким удовольствием…

– И снова ты удивил – признался Баск, мягко опускаясь рядом – Как ты?

– Не ходи вокруг да около – попросил я – Не разочаровывай до конца.

– У каждого свой путь, верно, командир?

– Тебе помочь? Выдавить из тебя отрепетированные слова?

– Мы остаемся здесь – наконец-то решился и выдохнул Баск – На острове. Я и Йорка. Так уж сложилось, что…

– Оставь это дерьмо при себе.

– Понял… слушай… мы просто так решили…

– Нет – покачал я головой – Она так решила. А ты с внутренним облегчением согласился. Зомби прозрел, отмяк душой, растерял мстительность и захотел теплого и спокойного будущего. Где он будет просыпаться в яранге и слышать рокот близкого моря. Где над костром булькает крепкий сладкий чай. Где всегда есть мясо и рыба. Где можно пойти в тундру и набрать гребаной морошки. Где можно побродить по пляжу гарпуня рыбу, затем жарить ее на рожне и с пылу с жару угощать любимую гоблиншу с расписной рукой, что, сидя у входа в ярангу, штопает меховую куртку и с улыбкой смотрит на тебя…

– Да пусть даже так! Я устал от боли и крови – опустил голову Баск – Я устал куда-то идти. Я… я боюсь куда-то идти. Потому что…

– Потому что теперь тебе есть что и кого терять – усмехнулся я – Ты услышан, зомби. И ты свободен. Как и она. Интерфейсом и группой займусь чуть позже. Если можете выйти из группы сами – выходите.

– Командир, послушай…

– Мне неинтересно, Баск.

– Понял…

– Сейчас ты встанешь – и уйдешь. И чтобы ни ты, ни она ко мне не подходили.

– Жестко ты…

– Я желаю вам удачи. Честно. Но и только. С прибытием на новую родину. Обживайтесь. И помните – отныне вы сами по себе.

– Теперь и ты услышан, командир – Баск поднялся.

Постоял пару секунд и пошел прочь. Я остановил его:

– Баск. Не расслабляйтесь. Тем путем что пришли мы – придут и другие однажды. И не исключено, что это будут злые гномы желающие отыскать гребаных гоблинов посмевших убить их жрицу. Когда гномы явятся сюда – они убьют вас.

– Если явятся…

– Нет. Они явятся. Рано или поздно – но явятся обязательно. И тогда прольется кровь.

– Вот наша разница – я все же верю в светлое будущее.

– Будущее всегда светлое. Просто не для всех оно наступит. Помни, зомби – рано или поздно кто-нибудь вылезет из той вонючей дыры и постарается поиметь вас. Постарайтесь не облажаться.

– Хорошо. Удачи вам, командир…

– Валите нахрен.

Зомби ушел. Я не глядел ему вслед. Я смотрел на быстро светлеющее море и пил крепкий сладкий чай. Но недолго. Звук очередных шагов заставил меня тихо застонать и пообещать:

– Я могу убить тебя и до полудня, гребаный ты Гыргол.

– Погоди! Погоди, чужак! Я так думаю – могу тебе кое-что показать! Кое-что интересное!

– Свою печень? Я бы глянул…

– Погоди! Что тебе моя печень? Давай зарежем молодого олешка, сварим, посидим у костра, а затем я станцую и покажу тебе кое-что очень интересное! Я так думаю – такого ты не видел!

– Убедил – после короткой паузы признал я – Люблю интересное. Показывай. А олешек пусть живет. И без танцев. Не хочу блевать таким прекрасным утром.

Гыргола пошатнуло от моих слов:

– Без танца нельзя – солнце Мать не услышит и не увидит!

Недоверчиво оглядев старика, обратил внимание за зажатую в его руке странно изогнутую железяку, на шапку приспущенную на переносицу и снабженную длинной бахромой прикрывающей лицо. Видя мое недоверие, Гыргол пояснил:

– Недолго. Без камлания никак.

– Без камлания?

– Камлания – кивнул старик.

Потерев переносицу, попытался понять о чем речь, но понял, что не преуспею.

– Ну камлай – кивнул я, усаживаясь и скрещивая ноги – Точно недолго? Видеть твои трясущиеся в танце мослы…

– Мать добра. Не требует долгого танца – успокоил меня приговоренный вождь и, отступив на пару шагов, поправил шапку, звякнул пару раз той железякой, после чего медленно

закрутился, гремя галькой и шурша песком.

С непроницаемым выражением лица я наблюдал, неспешно допивая чай. И не забыл коротко оглядеться, убедившись, что это не отвлечение моего внимания на себя, в то время как сзади подкрадывается верный старику сыроед с дубиной в лапах.

Старый Гыргол закрутился быстрее, что-то протяжно прокричал, после чего внезапно замер с воздетыми к рукотворному солнцу руками. Замер в этой позе. Я протяжно зевнул, хотел сказать пару язвительных слов, но тут на фигуру старика упал яркий солнечный луч, и я поспешно захлопнул пасть, весь обратившись во внимание.

Миг, другой… Гыргол подался в сторону и указал рукой на тянущуюся вдали скалистую гряду идущую по воде от стены к большой земле. Прокричал пару коротких слов. Топнул. И, выставив перед собой вытянутые руки с горизонтально поставленными ладонями, с хрипом начал сгибаться в пояснице. Выглядело все так, будто старик положил ладони на голову оленя и пытался силой пригнуть ее к земле. Освещающий Гыргола солнечный свет стал ярче, заиграл золотыми красками и… с далеким протяжным грохотом высокая скальная арка… начала опускаться в море, закрывая проход в гряде.

– Лопнуть и сдохнуть… – неожиданно для самого себя выдал я любимую поговорку Йорки, вскакивая на ноги – Охренеть…

– Я шаман – скромно улыбнулся выпрямившийся Гыргол, утирая пот со лба – Как тебе моя сила? Я так думаю – тебе понравилось?

– Понравилось ли мне? – сказал я, глядя на «выпрямившуюся» стену и лихорадочно прокручивая в голове примерно воссозданную карту наших подземных перемещений – Сука ты плешивая…а ну признавайся – когда в последний раз поднимал арку?

– А?

– Ну! Когда?!

– Много лун назад. Двенадцать или даже больше лун назад – вздрогнув, торопливо заговорил старик – Поднимал потому как рыбы желтобрюхой меньше стало гарпуниться. А рыбы вкусна и нами любима. Вот и камлал… рыбы ради…

– Ну ты сука и накамлал – рассмеялся я, падая задницей на шкуру – Рыбы ради?

– Рыбы ради – с робкой улыбкой подтвердил Гыргол и, радуясь потеплению наших отношений, скромно спросил – Ты убьешь меня, чужак?

– Больше никаких добровольных смертей – не отрывая взгляда от океана, произнес я – Кто захочет уйти сам – пусть

уходит. Ты в Смертный Лес никого посылать не станешь.

– Не стану.

– Два моих гоблина останутся здесь жить. И к ним отнесешься как к родным. Обучишь обычаям, научишь гарпунить и обращаться с оленями.

– Обучу и приму.

– Ответишь на мои вопросы – и живи – принял я решение.

– Я так думаю – правильно ты говоришь! – расцвел диктатор и шаман крохотного островка, умеющий поднимать и опускать скалы – Спрашивай!

– Обновим чай и поговорим – буркнул я, вставая.

Пока нес к костру опустевший котелок, все пытался убрать с лица косую ухмылку.

Мы ошиблись.

Я ошибся – когда предположил, что система подняла что-то вроде домкратов, дабы укрепить стальные своды умирающего гребаного мира. Те домкраты, что прикрывали собой дверь с экраном, через которую прошло любознательное звено Трахаря и погибло, натолкнувшись на впавших в бешенство дэвов, были подняты совсем по другой причине.

И эта причина – нехватка желтобрюхой жирной рыбы так любимой островным племенем сыроедов.

Вот что послужило спусковым крючком целой цепочки событий.

Старый Гыргол звякнул железной штукой, мотнул с хрустом тощей задницей – и поднялись мощные домкраты, воздев над морем многотонную тяжесть скал.

Старый Гыргол топнул – и взорам пауков открылась дверь.

Пока старик танцевал – пауки приняли игровой вызов и открыли дверь.

– Сила нашего племени – с нескрываемой гордость прогундел мне в спину торопящийся следом вождь.

– Всего лишь открытие дверцы в большом аквариуме – не согласился я, садясь у костра и бросая взгляд на скалистую гряду – Замаскированное под еще одно представление с бездарными актерами. Рациональное спрятанное в иррациональном. Желтобрюхой рыбы стало больше?

– Много больше!

– Трахарь сдох не зря – хмыкнул я и снова зашелся в лающем смехе – Вот дерьмо! Сучье невезенье Трахаря!

– Кто такой Трахарь?

– Ты убил его, камлающий старик – фыркнул я, успокаиваясь – И еще целую толпу боевых пауков. И все ради вкусной рыбы…

– Я не понимаю.

– И ты открыл мне дорогу сюда – уже с умыслом добавил я, нехорошо усмехаясь – Ты открыл мне дверь, когда поднял гряду.

– А сейчас? – после короткой паузы осведомился Гыргол.

– Сейчас дверь надежно закрыта – развел я руками.

Старый вождь задумчиво поглядел в море, и я понял – даже если вновь оскудеет число желтобрюхой рыбы у берегов его острова, Гыргол лучше откажется от этого деликатеса навсегда, чем поднимет арку. Больше он дверь открывать не станет. Без чужаков жить лучше…

– Как часто можешь поднимать скалы? – спросил я.

– Гыргол сильный шаман! И мудрый вождь!

– Так как часто?

– Это большая магия. Тяжелая. Раз в год могу поднять. Опустить сразу можно. Но зачем? Пусть больше рыбы найдет проход. Я так думаю – рыбы много не бывает.

– Мудро – согласился я, глядя, как Гыргол набивает котелок крошенным льдом и снегом – Мудро…

– Спрашивай, чужак. Спрашивай.

– Я не видел здесь птиц.

– На берегу, в Смертном Лесу и тундре есть птицы – не согласился со мной старик – Разные.

– Настоящих птиц – добавил я – Летающих.

– Таких нет.

– Ясно – кивнул я.

Разумно. Над нами стальной потолок. И за летающими птицами сложно уследить, их сложно проконтролировать. А вот нелетающие клуши – в самый раз. И глаз радуют и слух. Добавляют реальности этому выдуманному мирку.

– Это что за птицы? – я указал на грязных белых гигантов бродящих вдоль прибоя и выклевывающих съедобное из гниющих водорослей.

– Чайки.

– Чайки разве не летают?

– Я так думаю – эти не летают. Яйца вкусные.

– Ладно. Что вон за той стеной знаешь? – я указал на скалистую гряду, что отходила от стены и тянулась к большой земле.

– Вода.

– И все?

– Вождь до меня говорил – там другой остров. Похожий на наш.

– И снова логично – буркнул я – На острове другое племя, верно?

– Вроде так… но не сыроеды.

– Другой остров и другой этнос добровольно сохраненных – буркнул я, нагибаясь вперед и грея ладони над пламенем костра – А этносов может быть хоть десяток. По одному острову на сектор со стенами из скал. Чтобы рыбное разнообразие не истощилось в одном из секторов – есть возможность открывать проходы для морской флоры и фауны. Каждый остров – самобытная музейная витрина. Тут сыроеды, там самоеды, здесь ничегонееды, а еще дальше… еще одно этническое племя.

– Я не понимаю тебя, чужак. Мозги будешь? Мясо?

– Мясо – кивнул я и ткнул рукой в горизонт – Большая земля. Что там?

– Люди – пожал плечами старик – Живут. Умирают.

– Ты их видел?

– Никогда. Я так думаю – никто из живущих сыроедов не видел. Только слышали.

– Как туда попасть? – задал я вопрос в лоб – И помни, когда отвечаешь – чем быстрее я уберусь с твоего острова, тем быстрее вы заживете по-прежнему.

– Не знаю – с сожалением вздохнул Гыргол – Раньше тут бывали большие льдины. Но давно уж не подходят они близко к берегу. А плыть в воде…

Вода холодная. Глянув на медленно проходящий мимо айсберг, я задумчиво потеребил мочку уха и на этот раз ткнул пальцем в сторону Смертного Леса:

– А если я срублю три-четыре толстых дерева?

– Я так думаю Иччи с радостью убьет тебя.

– Когда последний раз здесь была большая лодка с парусом?

– Много лун назад.

– Примерно? В то время, когда ты поднял скалу и открыл путь рыбе?

– Где-то так… Да! Так! – ожил Гыргол и часто закивал – Так! Сначала скалу я поднял. Потом пришла большая лодка с двумя парусами. Но близко шибко не подходила к нам.

Получается гнида Хван вполне мог оказаться на той большой лодке. Но для чего бы он там оказался? Лишенный конечностей призм со стертой памятью – так себе моряк. Такой парус не поднимет и якорь не отдаст.

– И очень большая рыба была тогда же! – вспомнил Гыргол – Ух билась на цепи!

– На цепи? – уцепился я.

– На цепи. Проглотила я так думаю большой крюк с цепью. Лодка тащит цепь к себе, рыба бьется, воду пенит.

– Крюк с цепью… а рыба прямо большая?

– Большая!

– Насколько? Меня проглотит?

– Двух как ты проглотит! – с уверенностью ответил Гыргол и я понял – не врет.

Вот и определилась наиболее вероятная роль призма…

Если Хван и был на борту той рыбацкой лодки – то только в качестве наживки. Каким-то образом сумел избежать насаживания на крюк и смылся за борт. Но побег прошел не совсем удачно и призм словил копье в пузо… Осталось эту теорию как-то доказать.

Хотя звучит логично – открылся проход и в этот сектор вошла не только мелочь, но и преследующая ее крупная рыба. И очень крупная. Тут же явились рыбаки и бросили в воду цепь со вкусной и почти разумной наживкой…

– Как часто приходит большая лодка?

– Мимо часто ходит. А к нам не подходит. Я так думаю – нельзя им. Мать не велит.

– Мать не велит – повторил я – Тут ты думаю прав. Когда Иччи колбаснул гостей незваных, правила их жизненные система должна была ужесточить. Туда – можно. А сюда – нельзя.

– Я не понимаю.

– И не надо. Расскажи-ка мне о своей магии старик. Чего еще камлать умеешь?

– Я?

– Ты-ты – кивнул я, с трудом сдерживая прущую из меня брезгливость.

Это ставший таким милым и улыбчивым дедуля – мерзота блевотная.

Сидя на старой шкуре, поглядывая по сторонам, он год за годом отправлял безропотных стариков на «добровольную» смерть в колючих ветвях Доброй Лиственнице. Он в буквальном смысле смывал людей в унитаз, старательно оберегая свое положение. И не забыл упрочить свое положение, к полномочиям вождя добавив и «должность» племенного шамана. Два в одном – Гыргол Великолепный!

– Олешка молодого призвать могу – скромно начал перечислять старик, не заметив обуревающие меня эмоции – Сыроеда нового призвать могу, коли смерти случались, а Мать еще не заметила. Но не сразу – Мать сначала оком зорким окинет остров наш. И потом решит.

Полезные функции. Позволяет поддерживать на одном уровне популяцию оленей и сыроедов, нивелируя ошибки далеко не вездесущей системы – как тут вовремя сосчитать каждого оленя в стаде.

– Что еще?

– Костры могу жарче или тише сделать – похвалился Гыргол – Каждый день! Сколько хочу!

Тоже полезно… здешние газовые костры служат и кухонными плитами, и системой обогрева. Если похолодает – старик можно изобразить из себя танцующий пульт от климат-контроля. То есть он и тепло держит в своих руках? Слишком много власти в одних руках. Слишком много даже для этого крохотного острова. В первую очередь именно поэтому – это остров. Уйти некуда. От власти старика не скрыться.

– Когда много простуженных или раненых – могу танцем упросить мать породить нам новые мхи и травы в тундре. Чтобы без кочевки. Могу призвать на помощь, если беда какая случится.

Покивав, я задумчиво перебрал в голове полученную информацию и спросил:

– Ты видишь зеленые строчки перед глазами, да, Гыргол? А танец считай один и тот же… или?

– Ну… – замялся старик – Я так думаю…

– Да или нет? – надавил я – Ты выбираешь из списка? Или нет?

Я попросту не могу поверить, что система на самом деле заставляет шаманов учить больше десятка разных танцев на различные случаи. Это же бред. Учитывая пародийность здешней «кочевки» – шаманский танец тоже не более чем пародия.

– Да… – признался Гыргол – Выбираю.

– Потом?

– Что потом?

– Зачем танцевать, если уже выбрал вариант?

– А… так ведь цифры бегут перед глазами. И пока не дойдут до нуля – надо камлать.

– Таймер – понял я – Выбираешь нужный тебе вариант – например, рождение олешка – включается таймер на несколько минут и пока время не истечет – ты камлаешь. Так?

– Ты мудр не по годам. Скушай мяса.

– Скушаю – усмехнулся я, опуская недобрый взгляд – Скушаю. Так… вот тебе еще один вопрос. Заметил я, что у всех сыроедов особые имена. Необычные. Гыргол, Гыронав, Пычик, Тыгрынкээв… я не спец, но эти имена точно не просто так придуманы, верно?

– Наши имена. Имена сыроедов. Так думаю…

– Кто их дает? Память ведь стерта. Так?

– Стерта. Ничего не помним о прошлой жизни. Может и к лучшему?

– Речь о другом, старик. Кто дает имена сыроедов?

– Так я и даю!

– Опять ты? – видимо в моем лице что-то дрогнуло и Гыргол отшатнулся в страхе.

– Шаман! Шаман дает! Всегда так было! И мне дали!

– Когда?

– На втором танце рождения!

– На втором? А первый когда?

– Когда призываю на остров нового сыроеда. Как появится, придет в себя, оденется в шкуры, съест первый кусок оленины и выпьет бульона с кровью – я провожу второй танец рождения. Предлагаю новорожденному три имени – и он делает выбор.

– Вот как… – медленно кивнул я – А имена ты берешь из?

– Списка… большой список имен. Много имен. Я выбираю. Если не хочу выбирать – жму «случайно» и Мать сама предлагает.

– Потрясающе – фыркнул я – Старик… мы ведь с тобой договорились – я тебя не убиваю, а ты нам помогаешь. Верно?

– Все верно!

– Хорошо. Тогда сиди здесь и никуда не уходи, хорошо? Мне пора кое-что проверить.

– Велю женщинам принести еще чаю и мяса.

– Ага…

Вернувшись к Скале, в медблок я вошел без малейших опасений. Миновав распахнувшуюся дверь, улегся на чуток замаскированное под каменное, но все то же дырчатое изогнутое ложе. Вытянувшись, выжидательно взглянул наверх.

Бояться было нечего – со своими я не общался, но при этом видел, как сюда заходил Рэк, заметил и шмыгнувшую недавно Йорку. Все они благополучно покинули медблок – причем в полной комплектации. Стало быть, на части сбежавшего низушка-гоблина система резать не станет. Вопрос – окажет ли помощь? Интерфейс я по-прежнему не открывал, не давая системе шанса показать мне строчки предупреждения или повеления вернуться в недра стальной родины.

Секунда…

Напряжение чуть подросло…

Еще секунда…

Скучающий электронный разум будто бы разглядывает меня со скукой, задумчиво считывая показатели с «чуждого» чипа и размышляя что делать с этим распластавшимся на ложе засранцем…

Ожившие манипуляторы быстро и плавно опустились к моему телу. По груди и животу пробежало несколько зеленых линий. Три коротких укола дали знать – я получил свои инъекции. Одна

из них должна быть самой важной – иммунодепрессанты. Чтобы чужие руки-ноги не загнили и не отвалились, будучи отторгнутыми организмом-расистом.

Уколы получены.

Ладно.

Теперь понятна веселая прыгучесть Йорки, когда та покидала медблок.

Есть повод для небольшой радости. А что в перспективе?

Покинув медблок, еще разок ткнул пальцем по сенсору торгмата. И снова получил отказ. Живительные инъекции система предоставила, а вот допускать гоблина до сыроедских товаров не собиралась.

И вот теперь самое время проверить мою догадку.

Стоя у Скалы, я активировал интерфейс.

И у меня не получилось.

Еще раз…

Эффект нулевой.

Ни единой зеленой строчки. Ни единой зеленой буковки. Система отключила нас. Может сначала и были какие-то предупреждения с ее стороны и требования, но сейчас она попросту заблокировала доступ к меню.

Но при этом уколы я получил.

И кое-что о системе я знаю совершенно точно – в долг она не дает. Раз я получил инъекции – с моего счета было снято определенное количество солов.

Сколько гоблины платят в день? Если по минимуму?

Пять солов.

Четыре – за комплект конечностей.

Один – за укол иммунодепрессантов.

Иногда к этому добавляются уколы витаминов, обезболивающего и усилителей. Еще гоблины Окраины – да и других зон родного мира – каждый день платят за воду и еду. Но тут этого не требуется – ручей бесплатный, всегда можно загарпунить рыбу, получить чуток оленьего мяса, набрать ягод и трав в тундре. Не умеешь – научат сыроеды. И ягоду собирать и рыбу гарпунить. С голоду тут не пропадешь.

Итого – пять солов в день.

Сколько у меня на счету? Не помню. Но сумма не слишком маленькая, чтобы начинать переживать прямо сейчас. Но и не слишком большая, чтобы окончательно расслабиться.

Если у меня пятьсот солов на счету – я смогу безбедно прожить на острове сто дней.

Когда кончатся деньги – кончатся инъекции имуноподавителей. И я сдохну. И все мои сдохнут. Еще система

может при очередном визите попросту отхерачить ногу или руку – как неплательщику.

Звучит мрачновато. И все упирается в количество солов на внутреннем счету. Уверен, что Баск уже допер сам и пояснил Рэку и Йорке наши не слишком веселые перспективы. Все вместе это звучит как «короткий и дорогой отпуск в островном раю».

И меня это не устраивало. Но…

Повернувшись к ярангам, я набрал побольше воздуха в грудь и заорал:

– Рэ-э-эк!

Ответный рев донесся через секунду:

– Ту-ут!

– Сюда топай!

– Ща! Только руку вытащу!

– Откуда?!

– Из жопы Хвана!

– Из трещины, сука! Из трещины! – поспешно заорал из той же яранги Хван – Он проверяет что там!

– Да у тебя тут хрен поймешь, где жопа, а где трещина! – рявкнул Рэк – Из каждой щели дерьмо сочится! Иду, командир! С собой брать что?

– Одежду здешнюю! Прихвати шкуру оленью. И подходи к скале.

– Ага!

Решив часть задачи, прошвырнулся по стойбищу и благодаря женской помощи, за пару минут собрал все необходимое. Вернувшись к Скале – и невольно притащив за собой стайку любопытных – обнаружил скучающего орка, вытирающего о бурый камень позеленевшую от какой-то жижи лапу.

– Что за дерьмо?

– Из Хвана зелень липкая поперла – вот и щупал – буркнул орк – И нюхал.

– И чем пахнет? Гнилью?

Рэк удивленно развел лапами:

– Травой…

– Травой?

– Я серьезно. Травой. Ну или салатом свежим… даже приятно нюхать… я голову туда пиханул и нюхаю… а он орет – че мол ты там делаешь, сука?! А я свежесть нюхаю… это ведь нормально? Или я псих отмороженный?

– Ты орк Окраины – ответил я – Что для нас нормально? Серая слизь на стенах и черви-ампутанты плещущиеся в уличных лужах? Так… готов?

– Конечно. А к чему?

– Рожать тебя будем – буднично произнес я, лишь слегка вежливыми взмахами ладони подзывая к себе сидящего поодаль Гыргола – Вождь! Глубокоуважаемый! Сюда иди. И ту хрень звенящую не забудь!

– Что происходит-то? – не сдержал любопытства опустившийся на шкуру Рэк – И че делать?

– Тест происходит. Тут другие законы, Рэк. Мы – низушки. Добровольно низшие. Бесправные. Даже конечности не свои. А вот сыроеды…

– У них прав куда больше – уверенно сказал орк – Я уже в курсе. Да и по жизни их видно. И заданий считай никаких – главное соответствовать.

– Именно. Но не суть. Главное – они не низшие и здесь свои законы. Ты интерфейс проверял?

– Блок. Пытаюсь вспомнить сколько солов на счету.

– Блок – кивнул я – Но у них ведь меню работает. Ты помнишь, как начался у тебя твой первый день на Окраине?

– Когда очнулся?

– Да.

– Меня поставили на копыта и вытащили в коридор. Под полусферу. Та глянула разок – и все закончилось.

– Это какая-то кастрированная, но обязательная процедура активации. Наша. Гоблинская. Родился гоблиненок – на улицу его пинком. Под взгляд полусферы. И все. Активация пройдена. Причем вроде глупо ведь – система так и так в курсе, что ты родился. Ведь это она тебя выплюнула из дырки в стене в лужу на полу. Но все равно – тебя тащат под ее взгляд. И сразу ты получаешь что?

– Сообщение! – ответил не Рэк, а привычно вставший за моим левым плечом Баск – Точно! Сообщение о активации интерфейса!

– Да – кивнул я, бросив на зомби короткий взгляд – Текст перед глазами был и до этого. Но активация произошла только в коридоре. Хотя во всем этом гребаном ритуале вообще нужды не было. Так и так система бы тебя углядела. Верно?

– Верно – прохрипел Рэк и зло глянул на Баска – Свали, островитянин сраный! Не видишь – боец с командиром разговаривает!

Зомби промолчал. Но уходить и не подумал. Засек я и Йорку – стоящую в задних рядах. Оделась как все и считай затерялась среди местных женщин. Надо же – ради того, чтобы быть как все отказалась даже от любимых коротких шортиков.

– Активация – продолжил я – Это суть. Сегодня я пообщался с уважаемым вождем, и он рассказал о танце рождения. О втором танце рождения. Первый – призывает нового сыроеда. А во время

второго новорожденный получает имя. И вот в чем главный вопрос – я повернулся к первому попавшемуся сыроеду – Что они видят после того как выбирают имя?

– Активация интерфейса – успешно – тепло улыбнулся мне невысокий мужик и протянул кость с обрывками вареного мяса – Перекуси. На разговоры тратится много сил.

– Ага – кивнул я, принимая кость и отрывая зубами кусок мяса – Вот так-то… Осталось проверить насколько законы сыроедов подойдут к грязным гоблинам. Рэк… я передумал…

– Ты о чем?

– Тестировать будем на гоблинше. Йорка! Хватит прятать жопу среди чужих юбок! На шкуру садись. Рэк, Баск – тащите сюда треснутого.

– Призма волочь? – уточнил вскочивший орк.

– Да. Прокатит с нами – хорошо. Не прокатит с нами – может прокатить с призмом. Короче – проверим на всех.

– Ща.

Орк с зомби протолкались сквозь увеличившуюся толпу любопытных, по пути прихватив с собой несколько мужиков. Гниду бронированную таскать – дело тяжкое.

Когда я повернулся обратно к шкуре, на ней уже сидела опустившая взгляд Йорка. Убедившись, что она одета как надо, поставил перед ней все принесенное. Котелок с бульоном и кровью, котелок с чаем, большая тарелка с вареным мясом. Глянув на Гыргола, кивнул. И мысленно пожелал старику не брыкаться, а просто сделать все что я от него прошу – иначе на острове образуется сразу две свободные вакансии. Будут искать нового вождя и шамана.

А может я даже хотел, чтобы он начал кобениться? Давай, старик… покажи сварливый характер. Упрись замшелым рогом…

Но Гыргол и слова лишнего не сказал. Наоборот – проявил похвальные инициативу, деловитость и расторопность. Скинул с себя лишнее, поправил шкуру под Йоркой, расставил чуть иначе котелки и тарелки, взмахами велел чуть раздаться кругу, повел плечами и, нащупав расфокусированным взглядом шар искусственного солнца, завел протяжную песню. Влившись во внутренний ряд сыроедов, я глянул назад и убедился, что к нам уже тащат глыбу гниды. После чего принялся ждать окончания песни.

Ждать пришлось минуты три. Буднично все. Без искорки. Без фанатичности.

Едва песня оборвалась, старик повернулся к Йорке и, выдержав секундную паузу, предложил:

– Тынэ-нны?

Йорка призадумалась. Она уже знала, что к чему – усевшаяся позади нее старуха успела нашептать и пояснить. И гоблинша отрицательно покачала головой.

– Гитиннэвыт?

Пауза… и осторожный кивок.

– Гитиннэвыт! – торжественно объявил вождь – Гитиннэвыт! Гитиннэвыт!

Я впился глазами в лицо Йорки. И не пропустил момента, когда ее глаза засияли дикой радостью. С восторженным визгом вскочив, она закружилась на месте, а затем с безумным воплем побежала к морю. Останавливать ее не стали, поспешно уйдя с пути. С берега донеслось ликующее:

– Активация успешна! Успешна-а-а-а!

Хмыкнув, я уселся на нагретую шкуру и кивнул. Подарив ответный кивок, Гыргол снова запел солнцу, зазвенел, закружился, затопал. Мне почудилось, что я слышу хруст его старых костей. Минуты через три был задан вопрос – и я тут же кивнул. Плевать мне какое-там имя даст старый вождь или система. Мне важен сам статус. Поэтому я ответил утвердительно на первый же предложение, даже не став вслушиваться. И показал в широкой усмешке клыки, когда прочитал такое знакомое и родное:

Активация интерфейса – успешно.

Перечень последних трех событий:

Ввод иммунодепрессантов (ПРН) – успешно. Оплата комплекта.

Активация интерфейса – успешно.

Попробовал активировать меню – снова успешно. Мельком глянул и убедился – я больше не одиннадцатый. Эти цифры остались лишь татуировкой у меня на груди. У меня теперь есть имя. А еще я больше не добровольно низший.

О нет.

Гоблин Оди больше не низушек.

Гоблин Оди теперь сыроед и принадлежит к сохраненному этносу № 17.

Такие вот дела…

С днем рождения тебя, гоблин. С днем рождения…

Я только что поднялся на ступеньку выше в социальном статусе. И прояснил для себя – подняться по социальной лестнице вполне реально. Неизвестно насколько ступеней и что это за лестница – но это реально.

Встав, я кивнул Рэку, приглашая его занять мое место. Следом ткнул пальцем в Баска и гниду, устанавливая очередность «причащения». Чтобы не сцепились из-за желания поскорее стать

сыроедами. А сам покинул круг и, скользнув тем же пальцем по сенсору торгмата, вернулся на берег. Оставшийся за спиной торгмат приветственно осветил витрину, но сейчас мне было не до покупок – просто проверил и эту возможность. На краю прибоя замерла Йорка, глядя в море и медленно раскачиваясь. Рыбу гипнотизирует?

Плюхнувшись на песок, вывел перед глазами интерфейс. Что нового? Что старого?

Статус. Физическое состояние. Финансы. Бытие.

Имя: Эрыкван. Ранг: Этнос-17 (добровольно). Текущий статус: (2Б + 2Н)

Я обрел имя… и потерял номер…

Нет больше «низших». Теперь я островной сыроед из семнадцатого этноса.

Главное – сохранился мой статус. Ну или я так решил, хотя не уверен полностью. 2Б + 2Н. Второй боевой + две награды. Полурослик вполне соответствует рангу 2Б, если поместить УРН на «нулевую» отметку.

УРН. ОРН. ПРН.

0Б. 1Б. 2Б. Ну и награды.

Физическое состояние.

Общее физическое состояние: норма.

И никакого упоминания о комплекте. Я задумчиво ущипнул себя за бицепс левой руки – теперь это все мое? Думаю да. Мое навсегда. Ведь у сыроеда не может быть арендованных конечностей. Он не низушек. Он на ступеньку выше. И раз так – мой внутренний счет солов будет ежедневно подрастать на пару копеек – учитывая наградной бонус в четыре сола. Я могу жить на острове до глубокой старости, а затем мирно сдохнуть на каменистом берегу, и седой волк Иччи оттащит меня под Добрую Лиственницу, где меня перемолют стальные жернова, чтобы бывший гоблин Оди мог вернуться в родной мир в виде кучи грязи и дерьма…

А если этносам еще и уколы бесплатно делают…

Все чушь и бред. Я здесь задерживаться не собираюсь.

Что с деньгами?

Баллы С.Э.О.Б.: 100

СЭОБ – Соответствие Этническому Образу Бытия.

– Ах ты сука – сказал я, падая спиной на камни и начиная хохотать – Хитрожопая ты сука!

Вот это я понимаю конвертация денежных средств. Я не помню сколько у меня оставалось на счету солов. Но там было куда больше, чем жалкая сотня баллов сэоб. Система меня

обсчитала. И даже не удосужилась об этом сообщить.

Ладно… если честно меня мало волнуют деньги.

Куда сильнее меня беспокоят игстрелы.

Я теперь сыроед. Смогу пользоваться игстрелами? Вряд ли это соответствует моему нынешнему этническому бытию. Сыроед с винтовкой – нонсенс? Тут все вооружены гарпунами, ножами, топорами, видел пару небольших и явно слабых луков для охоты за нелетающей птицей. Тут живой музей, где кучка сыроедов неумело, но старательно отыгрывает жизнь по всем этническим правилам и ритуалам. Дешевенькое такое представленьице…

Проверим.

Задания? Хотя название раздела сменилось на нечто куда более смутное – бытие. Я шевельнул пальцем, наводя на нужный раздел. Щелкнул. Полюбовался на странноватую, но вполне понятную надпись:

Соответствие этническому образу жизни. Ежедневные начисления: 5 баллов с.э.о.б.

Ну да. Опять логично. Зачем каждый день вывешивать новое задание, если можно закрепить надпись-напоминание, причем сразу на всю жизнь? Я знал, что иногда сыроедам выпадает задание системы – охрана люка во время промывки, например. Но сейчас тут было пусто.

Живи и наслаждайся жизнью, сыроед. Запихни булки в меховые штаны, ходи с бубном, живи в яранге, жуй оленину, пей кровь, гарпунь рыбу, кочуй с весельем – и система за это ежедневно отстегнет тебе пятерку баллов сэоб на мелкие житейские расходы. Потому что ты сохраненный этнос…

Дерьмо…

Следующее мое открытие – нет больше бестиария. И нет больше раздела «группа». Да и самой группы больше нет. Я сам по себе. Как и остальные мои бойцы.

– Командир! Какого хрена?! Где группа?!

– У островитян нет группы. Но это ничего не меняет – ответил я спешащему Рэку и взмахнул рукой, останавливая его.

– Че такое?

– Топай в ярангу. И тащи сюда все наше с тобой барахло.

– Ща…

До того, как он вернулся, я успел еще раз пройтись по всем разделам интерфейса и закрыть меню с отчетливым пониманием – все изменчиво. Представителям «этноса» ни к чему возможность составлять группы. У них своя валюта. Они живут в своем мирке со своими правилами. Но это же говорит о том, что, если где-нибудь и когда-нибудь снова «сменим шкуры» – меню опять может измениться.

Ритуал рождения. Активация. Эти понятия я запомнил накрепко.

Когда Рэк вывалил на землю кучу рваных и прожженных тряпок, я не сразу сообразил, что эта убогая куча мусора – наше снаряжение. А вон тот сплющенный и покрытый почерневшей кровью мешок – мой рюкзак.

– Начали – вздохнул я, подтягивая к себе рваный жилет с выпадающими из гнезд пластинами.

Орк молча кивнул и с треском принялся разматывать комки из защитных пластин и клейкой ленты.

– Есть план как убраться с этой дыры, командир? – спросил он как бы между делом.

– Конечно – кивнул я, не отрывая взгляда от жилета – Торопишься убраться отсюда?

– Как и ты.

– Как и я.

– Как уходить будем?

– Есть два очевидных пути – дернул я плечом – Морем. И под морем.

– Опять в коридоры? К обиженным гномам? Лучше уж по воде.

– Так же думаю.

– А еще путь?

– По любой из этих гряд – указал я на две скалистые гряды, тянущиеся от стены к далекой земле – Но вряд ли система одобрит.

– Она и заплыв может не одобрить. Второй побег. Пора и расстрелять…

– Рискнем.

– Что с Хваном?

– А что с ним?

– Он теперь сыроед. Уродливый, но сыроед.

– Да ладно? – хмыкнул я – Не думал, что прокатит…

– Я тоже – признался Рэк – Но по документам он больше не призм. А вот внешне…

– Гнида.

– Ага. Треснутая гнида. И сегодня, похоже, вылупится. Весь кокон трещит, зеленая хрень уже не льется, а прямо брызжет. И Хван часто отключается.

– Когда поймем, что он вылупляется – оттащим к Смертному Лесу.

– Это та сраная рощица-кладбище с огромным волком?

– Она самая.

– На тот случай если вылупится не разумный Хван, а злобное

и тупое насекомое?

– Схватываешь на лету. Пойдет все не так – убьем и отдадим волку.

– Понял. Насчет Йорки и Баска – тебе говорить, что я же говорил?

– Их решение – ровно ответил я – Их путь.

– Их путь кончился – скривился орк – Все. Вот он сладкий жизненный тупик. Яранга, общая меховая постель, мясо в море и тундре.

– Их решение – повторил я – Ломаные пластины сразу отбрасывай. И все рванье туда же.

– Тут можно найти немало выделанной кожи.

– Видел – кивнул я – А у нас как раз есть крепкие шила… попробуем сделать себе что-то более… средневековое…

– Нахрена?

– Скалу видишь?

– Ну.

– Как заберешься на вершину – увидишь там кучу.

– Кучу чего?

– Увидишь. Но не сейчас. Сперва чистка, орк. Сперва чистка…

* * *

– Все. Вот и оно… Кажется я сдохну ща… – просипел-пробулькал полупрозрачный бугор некогда бывший головой Хвана – Сука… растворяюсь… Если что – прощайте.

– Заткнись и растворяйся молча – буркнул я, прислонившись к боку гниды спиной и играя в гляделки с сидящим неподалеку седым волком.

Волк в гляделки играть не хотел. Отставив явно не слишком послушную левую переднюю лапу, он мягко опустился прямо на заросшую желтой травой кочку. А я машинально отметил – предпочитает ложиться на возвышения. Лучше обзор? Или с возвышения куда проще подняться с больными-то лапами?

– Командир, чем помочь? – голос подошедшего от поселения Баска был полон уныния.

– Хватит себя бичевать, зомби – поморщился я – Реально уже до хохота. Ты принял решения. Следуй ему, а не сожалей о нем.

– Ты много сделал для нас.

– Ну и вы что-то для меня. Давай так – мы в расчете, зомби. Вали и живи.

– Я так не считаю. Ты спас меня. Спас Йорку. Спас тупого Рэка.

– Эй – лениво буркнул обожравшийся рыбой орк, вытянувшийся на оленьей шкуре – Пасть прикрой, абориген.

– Ты и гниду спас.

– Нье отлицаю – едва слышно отозвался Хван.

– Ты че приперся? – вздохнул я – Дифирамбы петь?

– Помочь чем-нибудь. Хочу отплатить.

– Ладно – принял я решение – Раз уж тебя это так терзает, давай сойдемся на том, что ты мне чуток должен. Как отдашь долг – свободен от любых переживаний.

– Согласен! Что делать?

– Когда мы уберемся с острова – а мы это сделаем скоро – выжди два дня. На третий день – убей Гыргола. А как его тело отправится под ту лиственницу – зажги из сушняка и мокрых водорослей дымный костер на берегу. Подай нам сигнал.

– Да мы не увидим – зевнул орк.

– Понадобится – увидим – ответил я и, продолжая смотреть на дремлющего волка, спросил – Ну что, зомби. Ты сделаешь это ради любимого командира?

Тишина…

Долгое молчание тянулось около минуты, пока я сам его не нарушил:

– Вот и ответ. Вали отсюда, зомби. И запомни на будущее – когда приходишь с вопросом «как мне отдать долг?» будь готов к тому, что попросят сделать что-то опасное и не слишком приятное. Ты чего от меня ожидал? Что я попрошу мне спину помассировать? Пятки почесать? Метнуться за копченой оленьей ляжкой? Этим хотел долг отдать?

– Я не знаю – глухо произнес Баск – Но такой просьбы точно не ожидал. Командир… мы хотим жить спокойно. Здесь жить. Наслаждаться покоем и вкусной едой. Убийство Гыргола родит новые проблемы для меня и Йорки.

– То есть старого вождя тебе не жалко – рассмеялся я – Видишь как все просто в этой сраной жизни. Ты не хочешь убивать вождя не потому, что тебя жалко губить старого хренососа. Нет. Ты боишься рисковать вашей новой мирной жизнью. Не умеешь ты долги отдавать, Баск. Я ошибся в тебе.

– Командир…

– Я тебе не командир. Вали к подруге, абориген. И живите счастливо. Ко мне чтобы больше не подходили.

– И ко мне – добавил Рэк.

Через несколько секунд послышались тихие шаги. Зомби уходил. Я же, поняв, что в гляделки старый Иччи играть точно не будет, повернул голову и глянул на Хвана. И обнаружил вместо раздувшегося головного бурдюка сморщенный и поникший почти

пустой мешок.

– Хван?

Ответа не последовало.

– Хван!

Реакции ноль. Гнида растворился.

– Вот дерьмо – пробухтел Рэк, садясь на корточки рядом с опустевшей двойной головой – Тут только слизь и осталась желто-зеленая. Гребаные сопли. Может проткнуть?

– Что в трещине? – спросил я, поднимаясь.

В трещащий раскол мы заглянули одновременно. И увидели верные признаки того, что Хван – или хотя бы его тело – еще жив. Внутри бронированного кокона плескалось и бурлило зеленое море, исходящее невероятной вонью. Когда вырывался очередной вонючий фонтан, на мгновение обнажалась буро-зеленая трясущаяся плоть скрытая жижей. Из кокона исходила не только вонь – оттуда летели липкие брызги, слышалось странное урчание и треск. Гнида походила на живую устрицу брошенную на раскаленную кухонную плиту. Она еще жива. Но содержимое уже закипает…

– Подождем – принял я самое очевидное решение – Топор прихватил?

– Ага. Пробьем все же броню?

– Говорю же – подождем. А топор вон для того бревна – я указал на короткую толстую лиственницу, чьи корни не удержались в земле.

Дерево рухнуло, но продолжало жить. Сам ствол меня мало интересовал – изогнутый дугой, болезненный, сырой и тяжелый. А вот длинные крепкие ветви… они-то мне и нужны.

Радующийся физическому занятию орк взялся за топор и неумело принялся кромсать дерево. Именно неумело. Я сам вроде как не профессиональный лесоруб и совсем не древесный вивисектор. Но глядя на движения Рэка мог с уверенностью сказать – у него нет практики по рубке деревьев. Но… у кого они вообще могли быть из добровольно низших?

Благодаря долбанному наркотику соблазнительной паучихи, я сумел вспомнить немало. Или придумать. Но склонялся все же к «вспомнил» пусть и вперемешку с болезненными галлюцинациями ошарашенного наркотой мозга. Даже так – меня устраивает.

И в отрывочных восстановленных воспоминаниях я что-то не припомню шумящих лесов и зеленых долин. Не припомню цветущей тундры и чахлого лиственничного леса. Только стекло, бетон и сталь. И ослепительная роскошь внутри. Вот что в моих воспоминаниях.

А еще в них много крови и смерти. И ощущение привычности к такой жизни.

Ну… еще помню промороженный трескучий кедровый лес. Но по отношению к этому воспоминанию у меня нет внутреннего отношения как к чему-то природному, к чему-то естественному. К тому лесу у меня точно такое же отношение как сейчас к вот этому притертому к стальной стене островку с сыроедами. Вроде все мило. Живая природа и древние обычаи. А на самом деле музейная витрина с живыми экспонатами…

Закончив с одним деревом, орк перешел ко второму. А я, решив размяться, начал с переноски срубленных ветвей к берегу, двигаясь только бегом. Пара ходок – и разогретое движением тело благодарно задышало горячим воздухом. Отнеся еще пяток толстых ветвей, вернулся в лесок и принялся отжиматься. Минута предельно быстро – минута предельно медленно. Затем пара минут среднего темпа. И опять с начала. Меня хватило на три полных круга, после чего мышцы отказали, на минуту выйдя из подчинения. Неплохо. Поднявшись с мохового ковра, глянул на подрагивающую тушу гниды, принюхался. И хмыкнул – вроде все нормально. Увидев вопросительную харю Рэка пояснил:

– Пахнет травой. И чуток кровью. Хороший запах.

– Может и не сдох – подытожил Рэк и, коротко глянув на продолжающего наблюдать волка, опустил топор на следующую ветвь.

– Не вздумай тронуть нормальные деревья! – предупредил я орка, отправляясь в следующую ходку к берегу.

– Да тут нормальных нет! Все искореженные, ломаные и будто на весь сучий мир обиженные!

– Прямо как мы – хмыкнул я, взваливая на плечо толстую ветвь – Следи за мордой Иччи. Поднеси топор к ветке, глянь на волка – если он продолжает спокойно лежать, разок тихо рубани. Снова глянь.

– Понял – кивнул Рэк.

Вернувшись, увидел интересную картину – бродящий между деревьями орк со все возрастающим нетерпением, с рыком подносил топор то к одной подходящей ветке, то к другой, но волк каждый раз лениво встряхивал головой и, убрав инструмент, Рэк шагал дальше. С каждой секундой рычание несдержанного орка становилось все сильнее. Но вот, коснувшись лезвием топора очередной ветви, орк увидел, что волк остался равнодушен. И с радостным рыком рубанул, вложив в удар все эмоции. Ветвь упала на мягкий растительный ковер. Одновременно с этим внутри закостеневшей туши гниды раздался резкий треск. Поглядев на мертвую глыбу несколько секунд, убедились, что

больше ничего не происходит и вернулись к работе.

Орка я остановил через полчаса – ветвей вполне хватало для моей задумки примитивного и считай, что одноразового плавсредства. Следующий этап – найти что-то получше держащееся на воде. Этим и занялся, велев бойцу наблюдать за треснутым пациентом, а сам пойдя по большому кругу.

Тут на острове надобности у невеликого населения своеобразные. Ничего лишнего у природы не берут. Олешки жрут мох, сыроеды жрут олешков и гарпунят рыбу. Инструментов для этого много не надо. У женщин – и то больше приспособлений, чем у охотников и рыболовов. Обогрев идет от поступающего из-под земли газа. И потому вся древесина попросту гниет. Стоило сделать вдоль берега несколько ходок, и я подтащил к куче нарубленных ветвей пяток тонких, но сухих сучковатых бревнышек. Пара бревен явно не от хвойных деревьев – что заставило меня снова задумчиво воззриться на далекую большую землю.

Немного постоял. И поймал себя на мысли сходить за чайком и вареной олениной, посидеть на шкуре, чуток отдохнуть. Вот она гребаная зараза подобных мирных мест. Ленивая атмосфера. Спокойствие. Безмятежность. Знание того, что будет завтра и послезавтра. Это незаметно расслабляет. И рождает складки в мозгу и на пузе. Встряхнув головой, я перешел на стремительный бег, решив пробежаться по островному периметру. Встряхнуться и заодно осмотреться.

Остановился дважды.

Первый раз в месте, где стальная стена вплотную примыкала к земной тверди. Там, в небольшом узком кармане, плескался «отстой». Сюда забивалась вся грязь приносимая морем. Мое внимание привлекла радужная пленка на водной поверхности. И серая загустелая пена приставшая к камням и покрашенному металлу. Зачерпнув воды, принюхался. Пахло водорослями, гнилью и отработанным машинным маслом. Вот он запах реальности – мы все внутри гребаной огромной машины. Кто-то на ролях трутней – вроде музейных сыроедов. Кто-то в роли бесправных муравьев-рабочих – добровольно низшие. А где-то должны быть и управляющие, верно?

Прижав ладони к стене, чуть постоял. Показалось или же ощущается легкая вибрация? Что за этой стеной? Пустота? Ничто? Или что-то? Я на самом деле стою на самом краю мира?

В следующий раз остановился в Смертном Лесу, где застал пыхтящего от усилий Рэка, боксирующего с лиственницей. Обмотанные уже окровавленными тряпками кулаки с силой били по дрожащему стволу. Постояв, побежал дальше, финишировав у

крайней яранги, где у старого улыбчивого сыроеда, после первой же просьбы, получил несколько старых веревок. Еще в трех ярангах увеличил количество веревок и сбросил на гальку несколько солидных мотков. Не возникло проблем и с получением десятка старых оленьих шкур – еще прочных, но уже облезших. Так же мне достался кусок сшитых шкур некогда бывших частью яранги. Это было легко.

Получится ли так же легко с челнами?

Как оказалось – старый Гыргол был рад отдать мне два челна из трех. Более того – старый вождь настолько воодушевился моей просьбой, что самолично отправился на пляж и призвав туда несколько молодых мужчин, повелел им помочь мне во всем. А собравшимся поглазеть женщинам сказал обеспечить нам необходимым для поддержания сил. Я уж думал все, но вождь удивил, вернувшись и отдав мне третий челн, пояснив, что все равно пора менять это гнилье и будет чем племени заняться. Я не протестовал – голодная смерть островным обитателям не грозила.

Сыроеды взялись за дело с удовольствием. В результате уже через пару часов дело было сделано.

Метрах в пяти от берега стояла неказистая, но прочная конструкция.

Три стоящих бок о бока лодки закрыты шкурами, поверх уложены ветви и шкуры. В центре невысокая кривоватая мачта – на всякий случай. И вроде как есть у меня ощущение, что с небольшим парусом я управиться сумею. По бокам привязаны бревна – для дополнительной плавучести.

На этом все.

По сути плот. Небольшая плавучая платформа, что достаточно устойчива.

Оглядев конструкцию, удовлетворенно кивнул, перекинулся парой слов с женщинами и пошел к Смертному Лесу. Что там с процессом рождения?

– Вот дерьмо…

– Дерьмо – жизнерадостно осклабившись, поддержал меня сидящий на бревне усталый потный Рэк – Причем живое.

– Дерьмо – прострекотал жвалами стоящий на четвереньках Хван, легко вывернувший голов на сто восемьдесят градусов назад и взглянувший на нас огромными изумрудными глазищами – Дерьмо-о-о-о-о…

– Жрать хочешь?

– Да… подайте мне сучьего ублюдка что сделал это со мной! Сука! Сука! Сука!

– Вот и мотив двигаться дальше – усмехнулся я, внимательно изучая поразительную фигуру скорчившуюся среди обломков

кокона и комков пенной слизи – Ты с нами, сыроед? Или здесь жить будешь?

– С вами! Оди… пообещай мне – мы найдем того ублюдка! И ты дашь мне порвать его на лоскутки!

– Да мы много кого порвем на лоскутки – ответил я – Собирайся.

– Да норм все – прогромыхал орк – Чем паришься, зеленый? Член же остался! Хотя чем ты его держать будешь когда поссать решишь…

– Заткнись!

Рэк заржал. А Хван, которому наконец-то надоело стоять раком, принялся медленно выпрямляться, с хрустом расправляя конечности.

Две вполне человеческие ноги покрытые частыми пластинами зеленого хитина. Вполне человеческие чресла и задница. Полностью бронированный торс и верхние конечности. Именно конечности – руками это назвать нельзя. И полностью нечеловеческая голова. Если точнее – голова насекомого. Огромные застывшие глаза. Крохотная пасть с иззубренными жвалами.

Руки идеально подходили к жвалам. Шли в комплекте гребаной эстетичности. От плеч до локтей – тонкие и круглы. От локтей и дальше – просто плоские хреновины вроде мечей. С одной стороны море зубцов, на конце длинный шип, с внутренней стороны лезвия.

Рэк прав – такой рукой себя лучше не трогать. Нигде. Если только не хочешь заживо себя нашинковать. Все выглядит так, будто при желании Хван может легкостью снести себе голову с плеч одним небрежным ударом.

– Рубани-ка – кивнул я на ствол.

Движение. Два быстрых – очень быстрых – скользящих шага. Свист. Звук удара. И от ствола лиственницы отвалился солидный ровно срезанный кусок.

– Отлично – улыбнулся я.

– Охренеть круто! – поддержал меня орк.

– Я найду ушлепка сделавшего это со мной! – прострекотал Хван – Найду… и убью! Медленно!

– Для начала найдем штаны – решил я – Потом медблок. Следом – час свободного времени. И в путь.

– Сделал? – дернулся Рэк.

– У нас есть плот – кивнул я – Женщины готовят запас еды и воды. Хотя расстояние тут плевое. Двинулись, сыроеды. Море ждет.

Глава третья

Берег встретил нас жестко, но приветливо – разогнавшийся на мелководье плот с треском наполовину вылетел на песок, где и затих облегченно. Покосилась мачта, хрустнула и переломилась рея с парусом. На этом наши повреждения закончились. Пусть через плот перехлестывали волны, но рюкзаки с припасами давно на наших спинах. Ноги сырости тоже не бояться – их защищают высокие и на совесть проклеенные сыроедские сапоги с высокими голенищами. Головы прикрывают глубокие меховые капюшоны.

Мы трое выглядим обычными сыроедами. Да таковыми и являемся вполне официально, вздумай кто сейчас спросить о нашей принадлежности и согласись мы любезно ее пояснить.

Сыроеды, семнадцатый этнос, островитяне.

Первые проблемы могли бы начаться, вздумай кто пристальней всмотреться в сумрак под низко опущенным капюшоном сыроеда Хвана, со стороны выглядящего высоким и сутулым сыроедом с чуть длинноватыми рукавами.

Впрочем, их скорее заинтересует сыроед с игстрелами – полностью заряженными и прекрасно смазанными.

Еще одно подтверждение моей смутной теории о том, что раньше здесь все было по-другому. У Скалы-Матери не оказалось торгмата с функцией подзарядки. Но это ее не смутило – открылась глубокая ниша, откуда выдвинулся еще один стальной ящик торгового автомата. Покрытый толстенным слоем пыли, дребезжащий, мигающий витриной, но функционирующий. И приятно удививший – перезарядивший игстрел в два раза быстрее, чем «внизу», да еще и продавший мне три пятизарядных картриджа для обычного игстрела. Всего за три сэба, как я начал называть баллы соответствия. Перезарядка игстрела – один сэб, перезарядка картриджей – два сэба. Еще я купил брезентовый заплечный мешок, а к нему выглядящую искусственно состаренную вместительную алюминиевую фляжку – на два литра предпочитаемой жидкости. Я залил бульоном. Умереть в море от жажды не боялся – брали с собой запас да и переход небольшой.

Почему-то подумалось, что бульон в металлической фляге можно разогреть прямо над костром. У меня был подобный опыт? Снова вспомнились гниющие джунгли, в ноздри ударил смрад умирающих растений, умирающего мира…

Теория…

Пока мы работали веслами, не отрывая взгляда от застывшей впереди земли и не оборачиваясь на оставленный остров, я лениво размышлял о своей странной теории.

Решетчатые пятачки в нижних стальных тоннелях.

Глубокие ниши там же – пустующие, но по габаритам идеальные для размещения пары торговых автоматов.

Убранный в скалу, торговый автомат на острове сыроедов, дающий возможность перезарядить игольники и картриджи с иглами, приобрести таблетки энергетиков и «шизы» – их не было, но судя по витрине, раньше имелись в наличии. И как я понял – по тому, как легко автомат появился и убрался – он и раньше не торчал на виду. Почему? Потому что не вписывался ни внешним видом, ни предлагаемым ассортиментом в музейный этнос. Какой еще оружейный торгмат у сыроедов вооруженных гарпунами и луками? Ну да… не вписывается. Но если есть нужда – ненадолго выдвинется, предложит нужное, после чего уберется обратно. Дабы вид не портить.

Сути это не меняет. Раньше в трубах и на островах – во всяком случае на одном – существовали все условия для боевых и патрульных групп. Раньше – давным-давно, судя по внешнему виду и заброшенности обслужившего меня торгмата – на острове появлялись выползавшие из-под земли или прибывавшие морем группы усталых путешественников, нуждавшихся в отдыхе и перезарядке. Они же ходили по опасным тоннелям, отстреливая обитающих там тварей – мерзких скатоподобных созданий, плуксов, жавлов и прочую живность вроде беглых гоблинов.

Но затем что-то случилось. Плохое или хорошее. И подобные патрули исчезли. Из ниш были выдраны и унесены торговые автоматы, заварены стальными заплатами технические отверстия, убраны в скалы не вписывающиеся в этнос торгматы. Остановлено их обслуживание. В этом я тоже уверен – что прекратили их обслуживать. Раз не было таблеток и пищевых кубиков. Остальное оставили на всякий случай – перезарядку картриджей. Хотя иглы, возможно, почти закончились – надо было скормить торгмату остальные пустые картриджи, но я решил придержать сэбы.

Сэбы

Солы…

А у солов есть значение? Что-то вроде соответствия обалделому…

Да к черту. В жопу расшифровки.

Меня интересовало только одно – почему прекратились патрули и боевые вылазки?

Ведь твари никуда не делись. Плуксов полным-полном. Скатоподобные твари нас едва не сожрали – ими оккупированы все верхние коридоры. И мы бы сдохли, не подоспей вовремя сыроеды с их веревками и противоядиями. В трубах есть чем заняться боевому отряду и это пойдет только на пользу

умирающему миру. Это как прочистка соплей – лишней не бывает. А ну в платочек зеленым с красным!

Почему прекратили зачистки?

Хрен его знает. Но я постараюсь узнать. Обязательно постараюсь.

Поправив обмотанные тряпками и обрывками шкур игстрелы, придерживая малыша рукой, я последним сошел с плота на песок, ткнул кулаком продолжающего злиться Хвана, получившего пару уколов в медблоке.

– Не пучь морду, призм. А то треснет.

Рэк заржал, неспешно шагая к кустику усыпанному красными ягодами. Хван пронзительно зашипел. А я повернулся на хруст веток и с интересом взглянул на выломившегося из колючих сухих зарослей высокого старика со здоровенным арбалетом в руках.

Арбалетом…

– Мешки с плеч, аборигены! – хрипло велел старик – А то каждому в жопе дыру добавлю!

– Охереть – восхитился Рэк в позе раком, с губами не добравшимися до ягоды всего сантиметр – Ягодку сглотну?

– Болт ты мой сглотнешь, сука!

– А ты говорил – рыцари – усмехнулся я.

Хван развел замаскированными руками-лезвиями, за его плечами качнулся мешок с моими находками – меч, шлем и прочее средневековое барахло.

– Мешки с плеч! – повторил старик.

Я лениво нажал на спуск.

Щелк.

Получивший иглу в правое плечо старик дернулся, арбалет лязгнул, над нашими головами свистнул болт. Упав на колени, дедушка сокрушенно удивился:

– Что ж ты так неаккуратно, сучий ты потрох.

– Готовься глотать болт, дедуля – мрачно произнес выпрямившийся Рэк, размазывая по подбородку красную слюну.

– Не троньте дедуленьку! – из кустарника попыталось выломиться нечто некрупное, но напоролось на пару толстых шипастых ветвей и застряло, почти зависнув в воздухе.

Нечто обладало писклявым и вроде как девичьим голосом. А еще длинными ногами, коими пинало все подряд, ойкая при каждом ударе, когда босые почернелые пятки напарывались на очередной шип.

– Беги, Никша! – старик вскочил, попытался выхватить из поясной сумки болт, но выронил арбалет.

Проходящий неспешно мимо Рэк врезал согнувшемуся деду

кулачищем по пояснице.

– Ах ты потрох! – вякнул рухнувший дед – Вы же добрые рыботрахи… добрые!

– Добрые, добрые – кивнул я, присаживаясь на выпирающий из земли валун – А вы злые?

– Голодные мы! Беги, Никша!

– Не могу – пропищала бедолага – Вишу я! Дедуленька, не поминай лихом!

– Заткнись и не брыкайся – велел Рэк, но это не помогло, шума стало только больше.

– Убьет меня эта падла уродливая! Снасильничает!

– Мы такое не насилуем – ответил я, бросив короткий оценивающий взгляд на заросли.

От неожиданного ответа писклявая замолчала и позволила Рэку вытащить себя из зарослей. Тем временем я, даже не собираясь оказывать первую помощь раненому, внимательно оглядывал окрестности.

В принципе оглядывать было нечего. Место укромное – потому сюда и правили, высмотрев его издали. Этакий овал чистой земли окруженный колючими зарослями поднимающимся от берега по склонам нескольких невысоких холмов. В дождь здесь наверняка не пройти – потоки дождевой воды стекают на пятачок земли, превращая его в грязевую топь. Но сейчас сухо, потрескавшаяся земля хрустит под подошвами сапог. На вершине одного их холмов остатки каких-то развалин. Вроде бы кирпичных. А вроде бы сложенных из массивных каменных блоков. Эта непонятность меня тоже заинтересовала и стала еще одной причиной причаливания в месте, где будет время раскидать по бревнышку наш уродливый плот. Плотные колючие заросли никому не позволят подобраться скрытно. А то, что старик из зарослей вывалился нежданно – так он нас наверняка заранее приметил и понял куда мы правим. Стало быть, места здешние знает. Да еще и стар – многое повидал. Потому до сих пор и дышит.

– Иглу ему вырезать из плеча? – лениво осведомился Рэк.

– Вырежи – пожал я плечами – Мне плевать.

– Я сам – ожил дедушка, выпрямляясь с помощью упавшей рядом Никши.

Никша…

Тощая девчонка в странном балахоне прикрывающим ее тело от шеи до пят. А накинь капюшон – так и от макушки до пят. Босая. Пятки настолько черные, а на пальцах и ногтях столько всего интересного наросло, что сразу ясно – босиком ходит давно и о педикюре даже краем уха не слышала. Коротко остриженная,

лицо как будто специально измазано, говорит пискляво, но при этом явно старается добавить в голос хрипотцы.

Хриплый голос, короткая стрижка, бесформенное одеяние, испачканное лицо. Девушка старается выдать себя за парня? Получается плохо. Да и старик невольно выдал ее половую принадлежность.

Старик…

Еще крепкий, узловатые темные пальцы выглядят так, будто арматуру узлом завяжут, в короткой седой бороде еще мелькают темные пряди. Пытливый взгляд исподлобья, поглядывает на наше оружие, старается заглянуть под капюшон присевшего поодаль призма. Пальцами прощупывает себе рану, морщась при этом едва-едва – да и то будто по привычке. Кремень старик. И сдавать начал только в последнее время, судя по всему. Ухватки остались, а вот силушка начала покидать…

Странная парочка не чурающаяся промышлять разбоем.

Поняв, что разговор начинать никто не собирается, кивнул Рэку:

– Ломай плот. Хван приглядит за этими.

«Эти» промолчали, но прикипели взглядами к фигуре поднявшего ХВана.

Я их понимаю. Чувствовалось что-то странное в фигуре и движениях закутанного в перешитую одежду призма. Обычный человек не сможет двигаться с такой странной ровностью и одновременной порывистостью. Да и раздутые ниже локтей рукава куртки привлекают внимание…

– Что там? – решил я отвлечь пленников и ткнул пальцем в увенчанную развалинами вершину холма.

– Камни – сипло ответил старик – Под камнями сявка мучнистая растет. Жрать можно, но брюхо урчит. А если пережрешь – срака сочиться начнет.

– Угу… а что за камни?

– Руины.

– Прострелить тебе башку седую?

– Кто знает, что за камни? Старое что-то! Битого кирпича много. Штукатурка под гранит. Бетонные блоки. Много битого стекла зеленоватого. На стене каракули и битая серьезная надпись.

– Что за надпись?

– Мне откуда знать? Я по письменам никак.

– Кто ты? – я не делал пауз между вопросами, продолжая давить на ковыряющегося в ране старика.

– Люд прохожий. Как и она.

– Что она?

– Прохожая и безобидная. Такую обидеть – великий грех на душу взять. А вы на дерьмо не похожи.

– Эти ягоды жрать можно?

– Можно. Коли жопу заперло и открыть надо – эта ягодка откроет.

– Ах ты старый хрен – тяжко вздохнул Рэк, глядя на окрашенные красным пальцы.

– Где живете?

– Нигде и везде. Мы по ничейным землям скитаемся. Никому вреда от нас нет.

– Мы хорошие! – добавила чумазая Никша.

– Вы нас грабануть хотели, полудурки – напомнил я и кивнул на арбалет – Забыли?

– От безвыходности. Три дня не жрали – вздохнул старик – Простите уж. Плечо мне пробили. Мы квиты. Убивать вас не стал бы! За сыроедов принял. А вы кто?

– Ты странно разговариваешь. Почему?

– Как странно?

– Вот так странно – развел я руками – Грех на душу, скитаемся, безвыходность, жрать можно, но брюхо урчит. Кто так разговаривает?

– Мы. Да и все так говорят. Хотя те кто поважнее и порасфуфыренней – те иначе балакают. Речь толкнут с призм-эшафота – никто не понял, но все в восторге и радостно машут.

– Приз-эшафота? – приподнял я лениво бровь.

– С него самого. А… вы ж аборигены… откуда вам знать?

– Откуда нам знать – кивнул я, глядя, как коротко охнувший старик, умудрился подцепить источенным ножом хвостовик иглы и вытянул стальную занозу из тела.

– Дай им оленины, Рэк.

– А жопы не треснут? Пусть свои сучьи ягоды жрут! Ей дам. А старый хрен пусть болт сглатывает! – злящийся Рэк тревожно прощупывал себе живот, явно с секунды на секунды ожидая услышать или почувствовать первые признаки надвигающейся диареи.

Хван продолжал сидеть закутанной статуей. Странной статуей – он неосознанно упер упрятанные в рукава руки-лезвия в землю. Подпер себя и застыл на корточках в наклоне, не сводя темноты капюшона со старика и девчонки. Вроде не специально, но психологическое давление создал колоссальное – пленники то и дело бросают нервные взгляды на призма.

Бросив перед Никшей сверток с вареным мясом, Рэк уселся неподалеку и занялся проверкой ножа. Я задумчиво глядел в море – отсюда казалось, что море бескрайнее. Искусно

покрашенная стальная стена за покинутым нами островом растворилась в темной и светлой синеве. Возьми корабль и плыви себе день за днем в эту синеву… ага… а потом бам и расквасишь нос корабля о стальную насмешливую преграду.

Выждав, когда урчащие бедолаги сожрут мясо и выберут мясные крошки с куска шкуры – заодно отметив, что такое мясо для них не странность и к шкуре спокойно отнеслись – продолжил:

– Так что за призм-эшафот?

– Да обычный!

– Я тебе оба колена прострелю и брошу здесь – пообещал я.

Старик заторопился, разом заговорив на куда более привычном и родном мне языке:

– Ну хрень мрачная на краю площади! Два стекла зажимных. Лезвия. Приговор и отсекание. Лотерея. Уколы. Опускание в эшафот. Все!

С трудом удержавшись, чтобы не глянуть на Хвана, мелко покивал и задал следующий вопрос:

– Площадь где?

– Так за холмом. Городишко добросов прибрежных. Там и площадь. И порт небольшой. Городишко Светлый Плес.

– Городишко Светлый Плес – задумчиво повторил я – И живут там добросы прибрежные… так?

– Ну да.

– А как они выглядят?

– Да как все! Люди! Светловолосые и светлоглазые. Нередко рыжие встречаются.

– А вы на них не похожи…

– Да и вы на сыроедов. Кто такие будете?

Щелк.

– А-а-а! М-м-м…

Врезав кулаком по земле, старик схватился за только что перевязанное плечо, куда я всадил вторую стрелку. Встретившись взглядом с его выпученными глазами, я спокойно пояснил:

– Вопросы задаю я. Ты отвечаешь. Ниша жует мясо. Уяснил, хреносос старый?

– Ой недобрые вы… – скривился старик и, увидев поднимающееся дуло, заторопился – Уяснил, уяснил!

– Откуда ты знаешь на кого похожи сыроеды?

– Так в городе ж все стены размалеваны говном тематически-этническим. Там островитяне разные, потом панорамы диких островов, просто деревья и ветки. Всякое там! И сыроеды нарисованные – не такие как вы.

– Ясно – кивнул я – А что за стекла зажимные на том

эшафоте? И почему призмо-эшафотом называют?

– А ты не знаешь?

Щелк.

Только реакция дернувшей на себя дурного старика Никши помогла тому избежать третьей иглы в многострадальное плечо.

– Все! Все! Уяснил я! Уяснил! Да откуда ты такой жесткий то выпал, потрох ты сучий? Это не вопрос! Так к слову… а касательно эшафота – меж тех стекло преступника голого зажимают. Ну или голую. Коли сиськи есть – смешно глядеть как они к стеклу приплющиваются. С мужиками… ну бабам нравится. Да всем нравится – наглядно ведь все. Как руки-ноги рубят, как лотерея крутится, как после укола орущего от боли готовенького призма в эшафот утягивают перед выбросом.

– Перед выбросом?

– Так ведь выпускают же их. Приговор свершился. Был человеком – стал призмом. Его и выбрасывают где в окрестностях. Там и живет в дебрях. Вернее выживает, всякой падалью питаясь и от охотников за наживкой спасаясь.

– За наживкой? Для рыбалки, верно?

Похоже, мои предположения оправдались.

– Ну да. Рыбалка на живца. Здешняя белуга – рыба царская, капризная. На другого живца не клюнет. А на призмов – бросается! Вот только призм живым быть должон. Падаль не хватает.

– Угу… А за что в призма обращают?

– Дак мало ли людишки на чем попадаются? Убил, снасильничал, украл.

– Расследуют? В городе есть служба расследования?

– Да кто их знает? При Кормчем кто кормится из людишек верных – те и расследуют небось. Говорю тебе – мы не оседлые. Бродячие. В чужие дела не лезем, подножным кормимся. Охотимся, рыбачим.

– На кого охотитесь?

– Свинки полосатые тут живут, котяры камышовые встречаются, птица всякая нелетная, ближе к горам волки встречаются.

– Ближе к горам? К тем? – я указал на скалистую гряду, что тянулась от далекой стены до самого берега, но там не кончалась, а бежала дальше, поднимаясь вверх по склонам и уходя в неизвестность.

– Они самые. У гор другая живность держится. Но и тварей там встречается немало потому мы туда не суемся.

– Что за твари?

– Так призмы. Те, кто охотников во младенчестве избежал и

сам охотником стал. Такие уроды попадаются… К ним в лапы лучше не попадаться.

– Кто такой Кормчий?

– Голова у меня заболела от вопросов твоих, незнакомец. Отпусти ты нас…

– Кто такой Кормчий?

– Главный в Светлом Плесе. Закон. Незнакомец… все что знал рассказал…

– Какие ягоды есть можно? Что тут съедобно, а что нет?

– Мелкие желтые – можно. Вот такие можно, но собирать замаешься – старик указал на пару крохотных красных ягодок, бусинками свисающего с большого куста – Грибы найдете. Красные мухоморы знаете? Их не трогайте. Остальные съедобны. Еще тараканы лесные – жирные и сытные. Как поймаете, лапы и надкрылья в сторону, а пискучий мякиш – в рот задницей вперед. У башки откусите и жуйте. Мы ими чаще всего пробавляемся.

– Костры жечь можно?

– Что ты! Нет! В городе порой можно вроде как. Для того с песнями по лесам ходят, валежники собирают, сухие деревья рубят. Лес чистят. А потом сжигают собранное и пиршество закатывают. А в лесу огонь если разожжешь – мигом прибежит группа боевая и дюже сердитая!

– Группа?

– Ну как вы.

– Как мы – кивнул я, вставая – Что-то и у меня голова заболела. Уходите.

– Вот спасибо…

– Если про нас хоть кому расскажете… – едва-едва скрежетнул я металлом в голове и, не став договаривать, начал подниматься по склону, держа курс к камням на вершине.

– Не ходили бы в город! Кормчий – мразь! – пугливо вякнул старик.

– Мразь! – поддержала его Никша.

Глянув на них сверху-вниз, спросил:

– А Кормчий не системой разве поставлен?

– Матерью то?

– Ну.

– А что ну? Он ведь человек. А человеку дай к сиське сладкой надолго припасть – и он быстро мразью станет! Не ходите в Плес! Там чужаков не любят.

– И что сделают?

– А что с такими как мы делают? Подставят. Обвинят. И на эшафот. Наживка всегда нужна. А лишние рты – нет.

– Дай им еще мяса – кивнул я Рэку и ускорил шаг.

Меня догнал Хван и пошел рядом. Покосившись на его закутанную фигуру, скомандовал:

– А ну-ка рывок до вершины. Беги изо всех сил. Пора понять, чего ты можешь, а чего нет.

Дернулся капюшон. Послышался тихий стрекот. И Хван рванул вверх, с легкостью преодолевая метры крутого подъема.

– Не ходите в город, чужаки! Лучше с нами давайте! До Чистой Тропы!

– Еще увидимся – не оборачиваясь, махнул я рукой – Прибереги второе плечо, старый хрен.

Выстрела в спину я не боялся. Не из доверчивости – Рэк прикрывал. А я наблюдал за быстро удаляющимся призмом, что успел трижды упасть, но тут же вскочить и продолжить движение. Спринтер или марафонец? Быстрота движений впечатляет.

До вершины призм добрался быстро и без остановок. Но холм не так уж высок – я и сам смогу подняться на не меньшей скорости.

Едва уловив внутреннее самодовольство, резко остановился, повернулся, спустил к подножию, снова развернулся. И рванул вверх.

Не попробовав – не говори. Откуда мне знать смогу ли? Покажет только забег…

И он показал – я не ошибся. Но бедра и голени горели так будто в них всадили по несколько раскаленных игл. С огромным трудом удерживаясь от желания поддаться искушению и рухнуть навзничь, остался стоять, чувствуя, как стремительно намокает тело под меховой одеждой скрывающей защитное снаряжение.

Дерьмо…

Скинув куртку, остался в защитном жилете, следом стащил и его, сбросил сапоги и штаны. В одних липнущих к жопе мокрых трусах постоял на теплом ветерке. Слишком теплом – внизу вода забитая льдом. А тут прямо теплынь весенняя.

Хван понимающе хмыкнул – вернее прострекотал. И тоже стащил с себя обувь и штаны, оставшись в куртке. Но откинул капюшон. За шеей что-то щелкнуло, он наклонил чуть голову, и я увидел дрожание горячего воздуха. По голым ногам потек пот. Что за хрень? Снизу потоотделение, а выше отток нагретого воздуха из-под хитиновой брони?

– Ты ведь понимаешь, что таких как ты создавали не просто так? – спросил я мимоходом, указывая призму, чтобы он прижался к одной из полуразрушенных стен и не светил на вершине холма зеленой бронированной башкой.

– О чем ты?

– Ты явно боевая особь – пояснил я – Пусть принудительно

измененный. Но все равно боевая особь. Лезвия вместо рук, броня, высокая скорость, сила. Таких как ты могут создавать только для одной цели – для битв. Причем таких, где побежденный выглядит кучей нарубленной кровавой соломки.

– Не думал об этом… командир… Но к чему делать бойцом преступника?

– Помнишь, что сказал хитрый дедуля про призм-эшафот?

– Что?

– Лотерея.

– Думаешь – Хван встрепенулся и глубоко задумался, опустив голову на грудь – Теперь уловил… если есть что-то вроде лотереи, и никто не может предугадать результат…

– Верно. Они бы и рады, чтобы из каждого уколотого вылуплялось что-то смешное и безобидное. Но иногда случаются и твари вроде тебя.

– Твари вроде меня – со смешком повторил Хван – Дерьмо. Я даже не знаю был ли красавчиком! Хотя в голове только одна мысль сейчас – меня в том городке оттрахали? В том городке я сглотнул чей-то сучий болт и превратился в урода с лезвиями вместо рук? Меня поимел Светлый Плес?

– И если да… то что? – с интересом прищурился я – Спустишься и устроишь им веселый день мясной лапши? Будешь рвать и кромсать всех подряд до тех пока не кончатся горожане или пока сам не сдохнешь?

– Всех подряд – нет.

– Мы узнаем – сказал я призму – Мы узнаем кто тебя и за что. А до тех пор выкини левые мысли из головы.

– Верно! – поддержал меня поднявшийся Рэк, держащий в лапе вырванный кус с редкими бусинами съедобных глаз – Кисленько, сука! Ничо так… О… глядите – наш остров родной.

Остров едва-едва просматривался. Так…. Не больше, чем зыбкая темная тень на фоне темной же синевы. Потратив на всматривание в горизонт не больше пары секунд, я повернул голову и посмотрел совсем в другую сторону.

На руины.

Хотя назвать это руинами не особо получается. Раньше тут стояли квадратом четыре отдельные кирпичные стены замаскированные под гранитные мощные блоки. Немного штукатурки и вуаля – дешевый кирпич задышал благородством несокрушимого гранита. Но нетерпящее обмана время поработало над сооружением, содрав с него фальшивое покрытие.

К сожалению, содрало вместе с большей частью имевшихся тут некогда надписей золотом и багрянцем – под стенами, в грудах штукатурки, лежали разбитые и рассыпавшиеся куски с

остатками букв.

Надпись, в верхней ее части, сохранилась только на одной из четырех плит. В месте наиболее прикрытого от неутихающего ветра. Внимательно прочтя надпись, похмыкал, задумчиво прочитал еще раз. Понял, что ничего не понял и перевел взгляд ниже – на отсебятину размашисто намалеванную от руки чем-то вроде известки. И тут тоже не сумел особо что-то уяснить.

Отступив на шаг, окинул надпись целиком, «загоняя» ее в память. Начало было сухим. Казенный мрачный язык, пахнущий если не государством, то чем-то схожим. Написано золотом, часть букв рассыпалось, но прочесть можно легко.

«Еще в начале двадцать первого века люди начали строить высокие бетонные стены вокруг своих прибрежных городов.

Страх и горе руководили ими… Страх перед мрачным неизбежным будущим, горе по страшным событиям прошлого.

Высокие бетонные стены, что десятилетием позже не смогли сдержать страшный удар свирепой стихии. Они были разрушены безжалостным ударом истерзанной умирающей планеты…».

Дальше золото кончалось. И по кирпичу тянулась дергающаяся надпись белым:

«Волны вздымаются – РАЗ!

И миллионы, и миллиарды!

Волны вздымаются – ДВА!

Нагие танцуют! Нагие поют! Они спасены! Они спасены!

Мы не умрем! Мы не умрем!

Волны рвут мясо в куски! Дети на каменных зубьях! Дети стучат. Дети кричат.

Нагие танцуют! Нагие поют! Они спасены! Они спасены!

ОН знал! И он спас! Высший! Высший! Высший!

Мы добровольно! Мы добровольно склоняемся пред тобой! Мы отдаем себя в руки твои, о Высший! Прими нашу жертву! Прими жертву низших! Прими и спаси, о Высший! Отныне и впредь наши души и тела – твои, о Высший!».

– Дерьмищем воняет – поморщился я, оценив написанное – Сука…

– Добровольно склоняются? – прогудел орк и клацнул челюстями, срывая пару ягодок с куста – Низшие? Высший? Я нихрена не понял. Но пахнет ублюдочным чем-то… и писал явно тронутый. Да и похрен. А вот городок веселый… и горожане любят потрахаться на травке.

Бросив последний взгляд на плиты, я повернулся и взглянул вниз.

Городок Светлый Плес.

Кучка добротных каменных домов. Но первое что видит

взгляд – сплошную изумрудную зелень. И это ожидаемый эффект, если сделать улочки настолько узкими, а крыши домов покрыть весело зеленеющим дерном и невысокими деревцами. Город выглядел сборищем решивших поболтать болотных кочек. В центре квадратная площадь с большим и тоже «озелененным» навесом на шести каменных столбах. В стороне от навеса прямоугольное возвышение из темного камня. Вокруг города тянется каменная стеночка. Именно стеночка – я ее едва заметил. А по пасущейся рядом какой-то рогатой скотине понял, что либо скотина гигантская, либо стеночка не выше метра. К городу примыкает подковообразная бухта, виден длинный каменный причал, рядом отшвартовано несколько кораблей. Один из них – с двумя мачтами – выделяется своими размерами и гордо задранным носом. Букашки жителей деловито снуют по улочкам. Что-то тащат, что-то катят, просто болтают. А вон там за стеночкой двое сношаются, прикрывшись каменной преградой от глаз горожан, но не от изумленных взоров, взобравшихся на холм сыроедов.

А вон там кое-что интересней – на дальней от призм-эшафота стороне площади я вижу глухую стену длинного дома. И у этой стены несколько вполне узнаваемых по очертаниям торговых автоматов.

– В городок заглянем, командир?

– Обязательно заглянем – ответил я – Обязательно.

– И мне идти?

– И тебе – ответил я на вопрос Хвана.

– Я призм.

– Разве? А в интерфейсе что написано?

– Этнос семнадцать.

– Ну и все.

– А на харе другое нарисовано.

– Кто спросит – скажешь, что в детстве увидел, как два богомола трахаются и тебя это потрясло до самых глубин детской души. Оттого и перекосило.

– Очень смешно…

– Ты мне напоминаешь Йорку – заметил я поворачиваясь к призму – Тоже похныкать любишь? Потом к Рэку с обнимашками полезешь?

– Эй-эй – скривился орк – Ну нахер…

– Не заглядывай так далеко, боец – велел я Хвану.

– Понял. А с этим что будем делать? – призм указал вниз – Понаблюдаем?

Бросив туда взгляд, разобрался в происходящем у подножия холма, широко усмехнулся и устремился по склону вниз.

Приказывать не пришлось – оба бойца с готовностью рванули следом.

Сверху видно далеко. Сверху видно широко.

Не заметить блестящие спины трех пытающихся двигаться незаметно недоумков было просто невозможно. Двигались они в сухих зарослях, медленно сжимая кольцо вокруг ни о чем не подозревающей парочки дебилов – старик и Никша, которые, явно решив ничего не откладывать на завтра, жадно жрали бонусную оленину. Как называется этот синдром? Беззаботность нищих?

Взмахнув рукой, дал сигнал бегущим сзади и начал замедляться, что делом оказалось непростым – попробуй урежь шаг во время бега вниз по склону. Одно неверное движение…

Откинувшись назад, часто заперебирал ногами, стараясь наступать на поросшие травой места, чтобы не вызвать каменной осыпи. Не скажу, что получилось отменно, но спуститься удалось целым, невредимым и незамеченным. Хотя, есть у меня ощущение, что даже спускайся я с криком, увлеченным подкрадыванием придурки меня бы не заметили.

Остановившись, спрятался за первым толстым деревом теряющим кору и присел, смотря на жирный складчатый затылок одного из злыдней. Догнавшие меня бойцы присели неподалеку. А я по-прежнему в одних трусах… все пожитки остались наверху. Опустив руку, неспешно прошелся по хвое и листве, быстро найдя достаточно крупное и увесистое оружие. Грозное и смертоносное оружие. Стряхнув с найденного камня грязь – чтобы в руке не скользил, а не заботы ради о будущих чужих ранах, привстал и двинулся за отдалившимся незнакомцем, продолжая изучать его внешний вид.

Мужик средних лет. Немало утяжеляющей его движения лишней массы. Подзаплыл жирком. Дышит тяжело. Тело от горла до задницы прикрывает серебристая кольчуга. Ниже черные штаны, кожаные блестящие сапоги. Волосы прикрывает головной убор напоминающий кепку, но чем-то неуловимо отличающийся. В голове всплыло странное слово «картуз».

Картузоголовый продвинулся еще на метр, чуть замер, а едва раздался резкий окрик – им явно ожидаемый – с облегчением выпрямился во весь рост, с треском обламывая сухие ветви, шагнул вперед. И сразу заржал – громко и радостно. Послышался перепуганный взвизг девчонки, обреченное оханье старика, затем верх взял чужой голос, что отчетливо приказал:

– Заткнуться! И при мне не сметь орать, твари! Я Мнут! И не терплю визгливых тварей!

На полянке ненадолго воцарилось молчание. Насладившись тишиной, Мнут продолжил с нарочитой усталостью:

– Бродяжничаете?

– Мы никому вреда не…

– Заткнись! Я тебя это спросил?

– Нет…

– Сэбы есть?

– Откуда?

– Ни единого сэба? – с нескрываемой радостью спросил Мнут – Без гроша за душой?

– Отпустите нас, дяденька.

– Люддеру раздеть и разложить. Глянем что Мать нам послала. Следом старого хрена.

– Да ты крут, Мнут – с нескрываемым удивлением сказал я, успев подняться и покинуть убежище. Прислонившись плечом к стволу дерева, обвел взглядом диспозицию на холмистом пятачке и хмыкнул – Ну даете, отсосы. Три взрослых мужика охотятся на тощую девчонку и доходягу старпера. А затем крутой Мнут хочет полюбоваться на сиси. Сначала на полудетские. А затем на старческие. Ты не болен часом, Мнут? А?

– Ты кто такой, гниль? – Мнут среагировал не сразу, но тон взял резкий, отрывистый, одновременно шагнув навстречу и неспешно положив ладонь на рукоять торчащего за поясом самого настоящего меча – Штаны где забыл? Там, где тебе дупло смрадное чистили?

– У-у-у… – протянул я – Прямо в точку ты угодил. Мне тут дупло чистят – а вы орете.

– Сюда подведите – лидер троицы величаво махнул и подсобники с радостью шагнули ко мне.

С радостью и опаской.

Еще бы. Тут было на что посмотреть – поджарый мускулистый мужик с номером на груди, со шрамами там и сям. Вроде и придурок лесной, а вроде и опасность представляет.

В свою очередь я оценивал их.

Помощники Мнута – светловолосые, зеленоглазые, загорелая кожа не показывает природного оттенка, но вряд ли смуглая от рождения. Высокие, широкоплечие, хотя успели набрать жирка несмотря на достаточной молодой возраст. Чисто выбриты – это я отметил особо. Как и Мнут. Одеты настолько одинаково все трое, что речь может идти только об одном – о служебной униформе.

А приобретенное бесстрашие, спокойствие, готовность к драке – о том, что подобное им привычно. Даже появление в лесу почти голого чудика их не сильно удивило. Будто за службу успели насмотреться такого, что даже голый насмешливый чужак их не сильно впечатлил.

Я знаю только одну государственную или частную службу,

относящуюся ко всем с подобной ленцой – служба правопорядка.

– Не сопротивляйся – даже как-то благодушно посоветовал мне Мнут – Ляг мордой в хвою. Вдохни свежести.

– Ага – кивнул я, делая шаг вперед и коротко ударяя локтем по горлу первого крепыша.

Второй получил удар под колено и с удивленным вскриком упал. Встать он не успел – ему на спину приземлился выпрыгнувший прямо сквозь колючие кусты Хван. Прижал замотанной рукой затылок и упавший сразу затих – почувствовал, что к любимому затылку прижимаются далеко не мягкие пальцы и даже не кулак. Что-то острое…

Первый из помощников Мнута хрипел и бил сапогами по земле. Я же неспешно подступал к главному. Удивишь меня?

Удивил.

Заученным движением вытащил меч, причем проделал это неспеша – чтобы я вдоволь насладился зрелищем блестящего клинка и наслушался змеиного грозного шипения выползающей из ножен смертоносной стали.

– Зря так ведете себя… этнос семнадцать? – вот на этот раз в голосе Мнута плеснулось искреннее и сильное удивление – Островитяне, мать вашу? Как?

– За маму ответишь, сука! – проревел вынырнувший сбоку Рэк, наотмашь нанося удар валежиной.

Ударил не по голове, а по правому локтю.

Меч выпал из разжавшихся пальцев. Следом на колено упал зашипевший сквозь зубы Мнут, другой рукой выхвативший нож.

– Уймись! – жестко велел я – Иначе второго копыта лишишься!

– Что делаете?! Я верг! И все мы!

– Изверг?

– Верг! Верг Светлого Плеса! Мнут, глава группы вергов, посланной Матерью в патруль окрестностей городских! Кто ты чтобы противиться ее слову?

– А причем здесь наша островная мама? – спросил я.

– А?

– Тебя спросили – маму нашу островную че обидел, с-сука?! – над Мнутом навис хрипящий Рэк – Тебе наша мама что сделала, гнида?! А?! А?! Я тебе хрен оторву и скормлю, отсос гребаный! За маму нашу островную сыроедную любимую…

– Да, к слову, я! К слову! Все так говорят!

– А ты договорился!

– Да какие вы сыроеды?! Какой этнос?! Вы кто нахрен?! А тот че молчит? – глаза Мнута напряженно скользнули по молчаливой фигуре Хвана, по темноте под его капюшоном – Че тот дритсек

гребаный молчит?! А?!

– Откуда ты знаешь, что мы сыроеды? – спросил я, провожая взглядом стремительно покидающих нас старика и Никшу.

Бродяги мудро решили не становиться свидетелями кровавого преступления и спешили скрыться.

– Удачи на Чистой Тропе! – крикнул я им насмешливо.

Едва не споткнувшись, старик, обернувшись, неожиданно поклонился, прижимая руки к груди:

– Спасибо тебе за еду, жестокий ты потрох. И за защиту. Встретимся на Чистой Тропе! Не убивай этих извергов! Такая их сучья работа.

– Они на твои сиськи глянуть хотели! И на хрен седой!

– Да чего им в себе зависть будить на мой хрен глядючи? – сказал дедушка и заторопился дальше, уже через плечо бросив – На чесотку и гниль проверить хотели изверги. Но здоровы мы!

– Рутинная проверка – подтвердил Мнут, зашипев от боли и рухнув на задницу – Дерьмо! Руку в локте сломали!

– Мать не починит?

– Мать всегда излечит порядочного доброса. А вот ты своему дритсеку бы характер подрезал чуток! Машет дубиной…

– Ты схватился за меч – напомнил я.

– А ты уложил двоих моих вергов! Я на тебя любоваться должен?! Может ты верут бродячий! Как понять? Я у тебя в волосах и паху не копался.

– Еще бы ты сука у меня в волосах и паху копался – буркнул я, поворачиваясь к Хвану:

– Слезь с парня, Хван. И тащи мои пожитки.

– И в задницу тебе не заглядывал – продолжал тем временем старший верг.

– Да ты прямо напрашиваешься – осклабился Рэк.

– Служба у меня такая! И неси я ее плохо – давно бы все от гнили сдохли! Заткнись, дритсек! Я тебе руку припомню!

– Убью? – в голосе орка звучала просьба.

Тяжело вздохнув, я покачал головой:

– Тут похоже все же не извращенцы. Служба у них такая дерьмовая. Да, Мнут?

– Сам не видишь?

– Но ты ведь сам напросился – заметил я – Когда велел разложить девчонку и раздеть. Как ты ее назвал? Люддера? Кто такая?

– Шлюха.

– Ну вот. Назвал шлюхой, велел распять на земле и раздеть.

– Они же тебе сами сказали – досмотр! Ты… островитянин… живете в своем сучьем карантине и бед не знаете! Тебя когда-

нибудь за глотку верут хватал?! Жизнь из тебя выдавливал?!

– А тебе когда-нибудь серый плукс к ноге присасывался? Кровь вместе с мясом выгрызал и высасывал заживо?! – парировал я – Брюхо тебе твари рвали так, что кишки наружу?

– Э… – выдавил усевшийся второй помощник – Хрена у них там жизнь островная. Плуксы кто такие?! О, дритт… Андар еле дышит…

– Помассируй ему глотку – велел Мнут и, морщась, завалился на бок – Что ж так больно то… не отрубиться бы…

– Да ладно тебе – отмахнулся я – В городе подлечат. Ноги целы – дойдешь. Ты не ответил, верг Мнут. Как ты узнал, что мы милые и добрые островитяне сыроеды славного семнадцатого этноса.

– Я старший верг. Послал запрос – не став брыкаться, ответил Мнут – Без этого как узнать кто перед тобой?

– Ты послал запрос системе? – уточнил я – Через интерфейс, верно?

– Ну.

– И получил ответ – этнос семнадцать.

– Верно. Но какой ты нахрен этнос семнадцать?! Они по-другому изображены… и в трусах по лесам не разгуливают.

– Все меняется – осклабился я и, задумчиво постучав пальцами по голому колену, продолжил – Запрос по старику и девчонке посылал?

– Ну.

– И кто они?

– Тебя не касается – ответ был дан жестко. И по голосу ясно – просто так не скажет. Под пытками скажет. А вот так – нет.

– Служебная тайна?

– Именно.

– Звучит красиво. Но ведь вранье – усмехнулся я – От друзей и важных шишек информацию не таишь, верно?

– Ну… ты точно не друг. Хрен лесной. Дритт из кустов выползший.

– Что такое дритт?

– Дерьмо.

– Красиво. А дритсек?

– Ублюдок.

– А вы кто?

– Добросы.

– Добрососы?

– Добросы!

– Просто добросы?

– Добросы семнадцать.

– Соседи стало быть – кивнул я, коротко глянув в сторону скрытого зарослями моря – А ты в курсе, соседушка, что не так уж и давно ваши славные сраные добросы наведывались на наш родной остров и натворили там немало сучьих дел?

– Все знают ту позорную историю. Дритт! Тупые пьяные ублюдки опозорившие Светлый Плес! Хорошо, что все они там и полегли! Их убил громадный волк… так ведь? И волк не простой. Легенды описывают его гигантским зверем с пылающей пастью… есть и фреска акварельная.

– Че есть?

– Фреска акварельная. На стене одного из домов.

– Пора нам в городе – вздохнул я – У вас там есть где пожрать?

– Найдется.

– Поможем вам в город добраться, дритсеки вы ушибленные… а там что? Начнете орать – хватайте, хватайте!

– Не выйдет – скрипнул зубами Мнут – Твоя слава выше моей. Ты награжден Матерью.

– Есть такое – удивленно хмыкнул я – Запрос подсказал?

– Он.

– И как это выглядит?

– Уголок смотрящий вверх.

– Вот так? – я показал ладонями угол направленный вверх.

– Да. Зеленый светящийся хренов уголок. И буквы «Б» и «Н» рядом. Ты отмечен Матерью. Вздумай я тебя обвинить – твое слово против моего.

– А чего ты так честно отвечаешь на мои вопросы? – спросил я, вставая и принимая от вернувшегося Хвана штаны.

– Слава просто так не дается. Ты боевой и награжденный сыроед. Такое завоевывается кровью. И твое тело это подтверждает. Ты кригер. Воин. И тот крикливый одноглазый – тоже, хотя не снискал столько почестей как ты. А вот он… – глаза Мнута опять обратились к фигуре Хвана – Он…

– Что он?

– Он обычный… этнос семнадцать. И все. Больше никаких данных. Будто родился вчера и никогда не работал, не сражался… Почему он скрывает лицо?

– Да его верги досматривали усердно – вздохнул я – В паху и волосах копались. Нанесли душевную травму…

– Смешно…

– Ты понимаешь, что все это большое недоразумение и его стоит забыть? – спросил я Мнута, заодно глянув на его помощников – Мы дети природы. Островитяне. Подумали – вы злобные насильники.

– Поэтому зла и не держу. Не разбойники. А вот тебе бы стоило задуматься – где тот старик нашел арбалет и почему таскает с собой. Представь однажды он решит кого-нибудь ограбить?

Рэк заржал. Хван отвернулся. Я развел руками:

– Жизнь покажет. Вставай, старший верг. Мы идем в славный городок Светлый Плес. Не против поболтать по дороге? Я даже подставлю тебе свое крепкое островное плечо.

– Обойдусь – отрезал Мнут, вставая сам.

– Поболтаем по дороге?

– Ты мне – я тебе – после короткого раздумья решил верг – Любопытна мне ваша жизнь островная.

– Да с радостью – кивнул я – Нам сыроедам таить нечего. Мы аборигены простые и незатейливые.

– Так я тебе, дритт, и поверил! – буркнул старший верг, прижимая поврежденную руку к кольчуге – А ты бойся, недоумок.

– Тебя?

– Себя и совесть свою! Благодаря тебе и твоим дружкам – бродяги ушли. А может на себе гниль или почесуху унесли. Вспыхнет, где пламя заразы – себя вини! Что почувствуешь, когда узнаешь, что из-за тебя погибло за сотню невинных душ? А то и поболе!

– Что почувствую? – переспросил я – Хм… да ничего не почувствую. Говорю – мы сыроеды народ простой и незатейливый. А если вкратце – нам насрать. Так что ты знаешь о Чистой Тропе старший верг Мнут?

– Сказка тупая! Для дритсеков тупых! А ты поверил, сыроед? И что за цифры у тебя на груди? И что за плуксы?

– Незачет – усмехнулся я и покачал головой – Такими ответами не отделаешься, верг. Отвечай полно. И я отвечу тем же.

– Ладно, абориген. Хочешь сказку о Чистой Тропе? Будет. Может хоть от боли отвлекусь… Слушай…

До города мы шагали недолго. Минут тридцать с небольшим. Дошли бы и быстрее, но нас замедляли ушибленные в разной степени верги. Один хромой, другому подбили крыло, третий все время кашлял и щупал ушибленное горло. Ни одного из них я не жалел. И медленную их ходьбу молчаливо поощрял – тем больше вопросов задам и больше ответов получу.

Нашу житуху я от старшего верга тоже не скрывал, давая ответы максимально подробные и полностью правдивые. Само собой все мои ответы касались малой родины – любимого и незабвенного острова сыроедов, где я и мои спутники недавно были рождены Матерью, где пасли олешков, гарпунили рыбу и

пытались наладить отношения со сварливым и злым вождем Гырголом. Вот только отношения наладить не удалось. И нас отправили вплавь на утлом плоту. Не то чтобы силой в плавание пихнули, но все шло к большому конфликту, а кому он нужен? Вот мы и отправились на поиски лучшей судьбины.

Если изначально я планировал частично скрыть нашу островную «родословную», не собираясь называть точного острова, то теперь, узнав про функцию «запроса» службы вергов, понял, что попытка была обречена на провал.

Так что отвечал я честно. Но не дальше этого. Сыроеды мы. Че тебе еще надо? Могу рассказать про немудренное житье-бытье. Могу показать, как мы кочуем, как кишки оленям выворачиваем, как мозги их же из костей выколачиваем и с наслаждением поедаем.

Где и за что был награжден? Да на острове родном – воевали с блинами проклятыми. С плуксами вдруг явившимся на родную землю нашу тоже воевали. Мать и одарила за заслуги наши.

Что значит «не слыхал о наградах сыроедских»?

А что ты вообще о нас знаешь?

Бывал у нас на острове?

Чай с нами пивал?

Нет?

Вот и не надо поклепов на смелых сыроедов отмеченных наградами за отвагу в битве проявленную. Не веришь – сплавай на остров, поговори с Гырголом. Если не боишься седого волка Иччи, что приходит иногда из Смертного Леса чинить поголовную справедливость…

В свою очередь я задавал вопрос за вопросом. И если не был доволен ответом, вопрос повторял, не позволяя старшему вергу что-то спрашивать. Баш на баш, верг. Ты мне информацию, а я тебе сказку приправленную правдой.

Баюкая руку, верг отвечал и если сначала каждое слово словно колючий ком едва вылезало из его горла, то вскоре он разошелся и стал куда разговорчивей. Особенно когда понял, что меня больше интересует информация глобального масштаба, а не мелкие склизкий тайны его любимого городка Светлый Плес. Вскоре к старшему присоединились младшие верги, вставляя уточнения и дополнения. Даже стражник с ушибленным горлом что-то каркал хрипло.

Информация поперла…

И чем больше я узнавал – тем сильнее мрачнел, быстро поняв, что, покинув стальной подземный мир, мы очутились в мире лишь слегка более приветливом внешне, но со столь же уродливой сердцевиной.

А чего ты ожидал, зомби? Решил, что попал в пряничную сказку? Нет. Тут дерьма оказалось куда больше. Впору возвращаться домой тем же путем, что и пришли…

Мир…

Большой и красивый мир. Вергам была знакома лишь его крохотная прибрежная часть – немалый участок суши и побережья огражденный с одной стороны морем, с двух сторон скалистыми грядами, а с четвертой – высоченной скальной стеной, что находилась километрах в тридцати отсюда, но к ней не вело ни одной дороги или хоженой тропы. Да и путь к скале, которую местные никогда не видали, но называли Гранью или Гренсеном, шел по дикой территории заселенной процветающим здесь хищным и агрессивным зверьем щедро разбавленным еще более страшными тварями.

Что за твари?

Да их полно.

Чего только стоят клятые трахнутые призмы, эти сучьи дети сумевшие избежать смерти в начальных стадиях и таки вылупившихся из коконов. И видит Мать – ее лотерея порой превращает принудительно измененных в смертоносного монстра способного за пару секунд порвать обычного доброса на кровавые куски. По понятной причине призмы не питают любви к добросам. Пусть они не помнят за что их наказали, но понимают, что без участия свидетелей и обвинителей дело тут не обошлось. Кто-то ведь тащил на эшафот, кто-то обвинял… так что большая часть призмов с радостью убивает добросов. К тому же у какого призма все нормально с головой? Они же уроды и твари. Кто нормальным останется, видя себя таким?

Но слава Матери призмы остаются по ту сторону Чистой Тропы. Эта широкая граница держит ублюдков далеко от городка и пары местных хуторов. Мать бдит. Мать защищает.

Что за Чистая Тропа о которой столько болтовни?

Да тропа и есть.

Хотя Чистой Тропой ее называют далеко не все. Редкие путешественники, что заглядывают в Плес, называют ее по-разному.

Чистая Тропа.

Тропа Здоровья.

Тропа Пути.

Кружная Великая.

Тропа Экскурсионная.

Внешне это потрескавшаяся широкая бетонная дорога что тянется от одной скальной гряды к другой, причем тянется параллельно побережью и Гренсену. В их землях Тропа тянется

живописными местами, проходя мимо пары водопадиков и цветущих багряным холмов. Бетонка, вздымаясь и спускаясь с редких пологих холмов, пересекает небольшую цветущую долину и упирается в скальную гряду – там проход. В обоих грядах. Короткий тоннель. Миновав его, окажешься в других землях.

Кто живет за грядой?

Как кто?

Добросы. Кто ж еще. По слухам именно так. А сами верги в Плесе родились, в Плесе и умрут. К чему им чужие земли, когда в своих забот хватает? Они ведь стражники. Должны оберегать мирное население, должны оправдывать доверие Матери.

Так Чистая Тропа не подходит к Гренсену, что в тридцати километрах отсюда?

Не подходит. Говорю же – движется параллельно. Идет между побережьем и Гренсеном. От скальной стены Тропа проходит километрах в двадцати. От Плеса – километрах в десяти. От Тропы к Плесу идет приметная тропинка – старики любят иногда ходить к Тропе и, сидя на Длани, пить чай и поджидать редких путников, чтобы расспросить, узнать сплетни и новости. Иногда старики не возвращаются…. Что и понятно – твари и звери тем чаще встречаются, чем дальше от берега.

Так что за твари и звери? Кроме призмов.

Тут верги оживились и на нас островитян поглядывать начали чуть ли не со снисходительным высокомерием бывалых ветеранов. Я на исказившие их хари эмоции внимания не обратил. Имеют право – они сталкивались, а мы нет. Пусть гордятся, лишь бы продолжали отвечать.

Так что за твари?

Зверье…

Его хватает. Но между Тропой и Плесом относительно спокойно. Тут изредка могут встретиться волки и рыси, крайне редко попадаются пумы. Вот последних опасаться стоит серьезно – нападают первыми. Волкам и рысям добычи хватает, они идут за оленями, козами и птицами. А вот пумы… те словно зуб имеют на добросов и представься такой случай – обязательно нападут. Так что под деревьями проходить надо с опаской.

Что еще?

Черные медведи. Тоже агрессивны. Но встречаются только за Тропой и последнюю не пересекают никогда, предпочитая бродить между древней бетонкой и Гренсеном.

То есть из опасностей только хищное зверье? И по порядку убывания опасности это – пумы, медведи, волки и рыси?

Из зверья – да. Встречаются змеи, но ядовитых нет.

А вот из тварья… Тут есть кого бояться. Не опасаться, а

именно бояться.

И это скаббы и зомби.

Пропустив мимо ушей «скаббов» – пока что – я невольно поморщился при слове «зомби». А затем удивленно моргнув, осознав, что впервые услышал это слово произнесенное не с презрением, а со страхом в голосе.

Зомби. Нежить. Наказанные системой гоблины и орки нижнего мира. Лишенные почти всех конечностей, не представляющие никому опасности, находящиеся лишь на ступеньку выше низшей касты – червей.

Зомби… практически беспомощные бедолаги выживающие лишь чудом и ради залапанного пищевого кубика готовые на многое. Лишь бы выжить.

О них говорили с разными эмоциями. С жалостью, безразличием, насмешкой. Но никогда с испугом. Что может какой-то зомби сделать тому же гоблину? Ничего.

Что за зомби?

Ну зомби. Зараженные гниль, что через жопу добралось до мозгов и превратила бывших добросов в живучих, быстрых и безумных кровожадных тварей. В зомби. Что непонятного, островитянин?

– Да все непонятно – признался я, остановившись посреди натоптанной тропы и повернувшись к старшему вергу – Гниль прошедшая через жопу в мозги? Ты себя слышишь, верг? Не оговорился?

– А чего я, по-твоему, ту девку и того старика разложить велел? – набычился старший.

– Для чего?

– Чтобы на жопы их грязные взглянуть! Булки их вонючие раздвинуть – и взглянуть! Под его седые яйца взгляд пристальный бросить хотел. А ее щелка сладкая если и интересовала – то только на вопрос не поросла ли мхом зеленым и серым! Ну и на подмышки смотреть надо. И прочие места потливые. Гниль за тело не везде уцепиться может. Ей нужны места влажные, соленые, сытные. Там она корешки пустить может. И начинает буровить кожу, мясо, разрастаясь, попадая в кровь. Как до мозгов добирается – устраивает себе там дом уютный. И все. Тогда доброса уже не спасти – в какой-то миг отключится он, полежит так пару часов, а как очнется – он уже зомби. Сильный, быстрый, прыгучий ублюдочный зомби!

– Продолжай – кивнул я, сам не заметив, как добавил в голос стальные нотки приказа.

И верг автоматически подчинился, продолжив рассказ:

– А что дальше? Зомби! Такого пополам разруби – на руках за

тобой побежит! Голову с плеч сносишь – тело бегает как курица обезглавленная. Недолго правда. Верный способ – голову топором пополамить.

– Пополамить – повторил я.

– Да. Но и голову мечом с плеч – милое дело. Лучше всего – дубиной по башке приложить со всей силы. Как брякнется ненадолго – мечом по шее! Но это мы так. Хотя вам сегодня повезло – наш четвертый приболел. А он сетевик – мастерски ее бросает. Запутать. Уронить. Отрубить голову. Не распутывая тащить в город и сдавать Кремосу.

– Кремосу?

– Наш городской крематорий. Каждый доброс волен завещать судьбу тела своего. Матери отдать тело бренное. Или сжечь в пепел. Мы добросы – таково наше право! – в голове верга Мнута отчетливо прозвучала гордость.

– Зомби отправляются в Кремос?

– А мы в зал Рена на пару часов.

– Это еще что? – шагающий за мной угрюмый Рэк помотал косматой башкой – От ваших названий мозг ломит! Может поэтому добросы в зомбаков превращаются, а?

Проигнорировав хамство орка, Мнут с готовностью ответил:

– Рен – зал очищения. От инфекции Мать там нас очищает. Рен же – гостевой комплекс. Все путники приходящие в Плес первым делом туда идут и там ожидают не менее двух часов. Чтобы заразу из тел изгнать – если такая есть.

– Даже гниль и чесотку Рен лечит? – поинтересовался я, чуть прикрыв глаза и старательно раскладывая полученную информацию по мысленным полочкам и ящичкам.

Много. Много информации. И вся она нужна, чтобы понять здешнее странное мироустройство.

– Нет – покачал головой старший верг – Но выявляет. А там уже мы явимся – и в медблок доставим. Добром или силой.

– Ну понятно – кивнул я – И часто зомби встречаются?

– Слава Матери – нечасто – Мнут выглядел спокойным, но по тому, как напряглись и опали его плечи, я понял – есть у него не слишком приятные воспоминания.

Точно надо посидеть и выпить. Причем понятно, где именно – все дороги ведут в гостевой дом.

– Насколько опасны? Насколько быстры?

– Зависит от возраста – ответил хриплый с ушибленным горлом – Чем старше эти дритсеки… тем они быстрее и сильнее. Матерого зомби завалить… не каждая группа справится. Не каждая группа живой останется.

– Хотя бы одного потеряют – добавил хромой стражник – И

кого-то точно искалечит.

– Заразные?

– Дритт! Само собой! Гниль! Сучья гниль везде! На когтях, на коже и под кожей! Везде! Мох!

– По плесени этой и поймешь сразу – насколько зомби матерый – спокойно произнес Мнут, взглядом осаживая заулыбавшихся помощников.

– Шагаем дальше? – я качнул вперед и… остановился, увидев выставленную ладонь старшего Верга – Че не так?

– Мы ведь по-хорошему беседу ведем. Так, сыроед?

– Зови меня Оди. Его ХВаном. А это громилу Рэком. Слышали же наши имена.

– Так и будем величать – согласился Мнут – Как только жопы оголите.

Рэк дернулся, но тут уже я остановил его и, секунду подумав, молча начал распутывать ремень сыроедских штанов. Стащил с себя все, через тридцать секунд оказавшись голым. Поднял руки, показывая подмышки, высунул насмешливо язык, опустив руки, приподнял мошонку… Придирчиво оглядев меня, Мнут повернулся к стаскивающему трусы ворчащему Рэку. А я, одеваясь, кивнул Хвану, для начала взглядом велев ему отойти на пару шагов. Ну чтобы не сразу обосрались…

Закутанная в меха и кожу фигура отдалилась, что не осталось незамеченным для многоопытного старшего верга. Помедлив, Хван сдернул капюшон, следом стащил темный шарф с нижней части морды, обнажая страшные жвала. И замер. Ну да… пуговицы расстегнуть не удастся – это сделаю я. А сначала пусть наши типа конвоиры поймут кто скрывался под…

– Дритт! Призм! – рявкнул хриплый, хватаясь за дубину.

Схватился и, сдавленно охнув, отлетел назад от удара босой пяткой в грудь. Рэк вложился в удар несильно. Но этого хватило, чтобы доброс закрутился в пыли, держась за отбитую грудь.

– Призм… – произнес Мнут, опуская ладонь на рукоять меча. Верг остался стоять. Но его поза говорила – он в секунде от броска и удара.

– Сыроед Хван – поправил я его – Мой боец. За которого я любого порву. А будет надо – выпотрошу каждого сраного жителя милого Светлого Плеса. Понял меня, верг?

– Это сучий призм!

– Это мой боец сыроед Хван! Тебе система на запрос че сказала?

– Призма надо валить – один из стражников произнес это машинально, произнес как нечто само собой разумеющиеся. Произнес и тут же был сбит с ног моим коротким ударом,

присоединившись к напарнику.

На ногах остался только Мнут. Ткнув пальцем в его стальную грудь, я медленно, спокойно и членораздельно произнес, вкладывая в каждое слово железобетонную уверенность:

– Это сыроед. Зовут Хван. Тебе придется принять это, верг. И всем в твоем городке. Принять тот простой факт, что у мирного и доброго сыроеда Хвана есть те же права что и у тебя, хренов ты жопогляд. Понял меня, созерцатель чужих потных яиц? Сыроеда Хвана родила Мать. И кто ты такой, гребаный ушлепок, чтобы сомневаться в ее решении?

– Я…

– Запрос посылал?

– Посылал и посылаю – буркнул чуть успокоившийся Мнут – Дритт! Мать говорит – он сыроед! Этнос семнадцать!

– Отлично. Тогда поступим так, верг. На всякий случай, чтобы не было сучьих неожиданностей, пошли сейчас вперед одного из своих недоделков неуклюжих. И пусть он предупредит мирное население славного Плеса, что один из трех гостей выглядит не совсем обычно. И что гостям глубоко насрать на недоумение и возмущение жителей по этому поводу. Пусть держат руки подальше от оружия.

– Мать бдит и защищает город. Призм в него так просто не войдет – ответил старший верг – Если ошибки нет, и он сыроед – пройдет врата. Если нет…

– Вот и отлично. Но одного с предупреждением пошли. Потому что, если прилетит хоть одна стрела… я найду долбанного лучника и сверну ему шею.

– Пусть раздевается – махнул ладонью верг, одновременно кивая хриплому помощнику, отправляя его по тропе – Гляну на урода.

– Сам ты урод, урод – прошелестел Хван, поводя плечами.

– Штаны снимем и норм? – предложил я – Заглянешь промеж костяных булок. И хватит.

– Мне его булки даром не нужны.

– А гниль?

– Такие как он гнилью не болеют – мрачно усмехнулся Мнут – Слава Матери! Представляешь такую тварь в виде зомби?

– Сам ты тварь! – Хван клацнул двойными жвалами, но остался на месте.

Пришлось вмешаться и зло рыкнуть:

– Ты тварь и есть. Забыл, как выглядишь? Ждешь что тебя ангелом небесным называть станут?!

– Нет… но…

– Запихни свои комплексы в жопу и держи там. Понял?

– Понял.

– Рэк стяни с него штаны, куртку и остальное.

– Мля… ок…

– Так чего ты ищешь?

– Следы почесухи – ответил верг – Гнилью призмы не болеют. Но вот чертовой почесухой…

– А она чем страшна?

– Сводит с ума. Заставляет нападать на все живое. Одним словом – превращает в скабба.

– И спятивший скабб нападает на всех без разбору?

– Да.

– И чем тогда он отличается от зомби? Хотя… быстрота? Сила?

– В точку. Скабб – заразный чесоточный безумец. Ревет, весь в крови и царапинах, чешется, прыгает, крутится. Выглядит жутко. Но, по сути, обычный спятивший доброс. Дал по башке дубиной и оттащил в медблок. А что еще важнее – скаббы в засадах не сидят, тайком не подкрадываются, с ветвей и скал на голову не прыгают, подземных ловушек не устраивают.

– А зомби?

– Делают все это и не только. Да еще и объединяются в стаи. А скаббы – всегда одиночки. Но одно дело безумный доброс. Теперь представь это – Мнут ткнул пальцем в раздетого призма Хвана – Представь этого бронированного скабба. С таким руками….

Хм…

Бронированный, быстрый, спятивший и безумно агрессивный призм посреди города мягкотелых и далеко не таких быстрых добросов…

Это как богомола бросить в клубок дождевых червей….

– Почесуха лечится?

– Да. И нет.

– Точнее можешь?

– Зависит от стадии – ответил Мнут, медленно обходя вокруг спокойно стоящего голого призма – Чем раньше понял, что подхватил заразу – тем лучше. Всего три стадии. От первой – один укол и проблем нет. От второй поможет только холодный сон. Третья стадия… это стадия скабба. Если живым возьмут, Мать отправит на лед. Но я не слышал, чтобы скаббы возвращались. Как по мне – билет в один конец. Разве что кровь подземных великанов спасет. Но егеря здесь редкость. Да и кто сумеет купить такую редкость волшебную?

– Ты меня снова запутал, верг – признался я, натягивая штаны – Что за холодный сон?

– Блаженна ваша жизнь островная – вздохнул тяжело Мнут – Все больше склоняюсь прыгнуть в лодку, дойти до острова и остаться там жить. Пасти оленей, жрать мясо и рыбу, смотреть на далекую землю и радоваться жизни. Как думаешь – меня примут в ваше племя?

– Как система решит – развел я руками – Медблок там есть.

– Может и попробую…

– Так что за холодный сон?

– Никто не знает. Но пробужденные и излеченные от почесухи добросы помнят темноту, сонливость, ледяной холод и много нагих тел лежащих тесными рядами на светящемся льду. Многие вспоминают висящие связками изуродованные тела – лишенные рук и ног. Обрубки с головами, подвешенные гроздьями. Может то кара материнская для грешников великих?

– Может и так – усмехнулся я, вспомнив, с каким интересом верги рассматривали мои шрамы на руках и бедрах – Хладный сон значит…

– Он самый. Исцеляет вторую стадию почесухи. Может и третью – но там уже счет не на месяцы, а на годы.

– А гнилью призмы не болеют?

– Нет. Эта зараза обошла их стороной.

– Гены? – вслух предположил я и, возясь с сапогом, вернулся к расспросам – Егеря кто такие? Волков отстреливают, когда те излишне расплодятся?

– То охотники – махнул рукой Мнут – Или вергов Мать посылает. Что там делов то?

– Ну да. А егеря что делают?

– Чудовищ уничтожают по приказу материнскому.

– Каких?

– Всяких. Задрал ты с вопросами. Глотка пересохла.

– Так смочим в городе. В гостевом доме. Я угощаю.

– Ну…

– И за нами заодно присмотришь. Вдруг мы все скаббы и зомби замаскированные?

– Ушлепки вы хитрожопые всей правды не говорящие. Я таких как вы сразу отличаю – жизнью и судьбой битые, озлобленные. Вы – и сыроеды? Чушь!

– Уж какие есть – улыбнулся я – Так что за чудовищ егеря мочат?

– Егерями или истинными охотниками их мы называем. Чаще молва их по-другому зовет – героями. Или геррами. Потому как они страшных тварей уничтожают. Ты вот когда-нибудь слышал про чудище, что может взорваться само по себе и оставить на месте деревни огромную воронку? Запамятовал название…

– Откуда нам о таких слышать? На острове такого нет и не было.

– Еще егеря порой призмов особо опасных уничтожают. Таких, с которыми верги справиться не могут.

– Есть и такие?

– Бывает.

– А призмы в законе бывают? Или Хван первый?

– Слышал, что бывает такое – неохотно признался верг – Говорят, такое случается, когда грешный призм искупает свою вину и Мать прощает его. Но как можно искупить вину, если не помнишь о ней?

– Делами добрыми – пожал я плечами – Услугами интимными.

– Эй – возмутился из-под вернувшегося на голову капюшона Хван.

– Интимными – покосился Мнут на призма – Ладно. Дальше шагаем. Ты проставляешься, сыроед Оди.

– Как обещал. А кровь великанов… это что за лекарство с таким названием?

– Не название. Суть как есть. Настоящая кровь подземных великанов. Исцеляет почесуху на любой стадии. Так же быстро как гниль.

– А что гниль?

– Если скабб заразится гнилью – гниль мигом очистит тело от намека на почесуху. Зараза заразу не терпит. Но так лечиться… оно того не стоит…

– Ну да. А великаны подземные как выглядят?

– А хрен его знает. Но водятся великаны в какой-то подземной стране и добраться туда так тяжело, что не каждый егерь сумеет.

– А егерь… это должность? Как у вергов? Или надо родиться избранным?

– Помолчи ты хоть немного… говорливый как бродос! И столь же надоедливый.

– Бродос? Кто такие?

– Ох дритт… бродосы обычные! Тропниками их еще зовут!

– Кто зовет? Мы сыроеды народ наивный и несведущий.

– Ты не сыроед. Я бы тебя вергом бывшим назвал. И его – Мнут ткнул пальцем в зевающего Рэка – Повадки знакомые. Хотя ты вроде чем-то похуже был. Кровью от тебя несет.

– Я сегодня мылся. Так что за бродники?

– Бродосы…

Бродосами и тропниками оказался бродячий этнос.

Удивительный этнос.

Несколько небольших этнических сообществ что бредут и бредут по Чистой Тропе, она же Великая Кружная. Их дорога не заканчивается никогда, да они этого и не хотят. Черноволосые, красивые, умеющие прекрасно танцевать, отлично играть музыку и отменно убивать зомби.

Изредка вечные бодяги ненадолго сходят с Тропы и останавливаются у какого-нибудь городка – починить фургоны, перековать лошадей и дать им отдых. Да. Лошадей. Да. Фургоны. Бродосы путешествуют на фургонах влекомых лошадьми. Путешествуют и верхом.

Как отдохнут – двигаются дальше.

Чем живут?

Приказами Матери, что повелела им вечно приглядывать за Тропой. Они чистят старую бетонку от упавших деревьев, убивают бродящих поблизости зомби, заботятся о скаббах, прорежают зверье, проверяют состояние материнских глаз и в случае чего чинят их или заменяют. Они же проверяют безопасность Материнских Дланей – пятачков безопасности разбросанных по Тропе.

И идут, идут они по Великой Кружной, позволяя себе лишь редкие остановки.

Вся жизнь в движении. До самой смерти. Другого исхода можно не ждать – они лишены права оседлости. Хотя это просто слухи. Бродосы не любят говорить об этом и просто бредут и бредут по Тропе.

Одного не отнять – убивать они умеют. И во всем подчиняются своим баронам, что часто говорит с Матерью, спрашивая у нее дальнейших указаний.

Вот так…

Успев рассказать о бродосах, старший верг Мнут остановился у смешной городской стены, приглашающим жестом указав на широкий проем.

Вот и городок Светлый Плес.

Входи, гоблин.

Повернувшись, я глянул на призма и качнул головой – вперед.

Хван колебался лишь секунду. А затем сделал пару решительных шагов, миновав проем и стену. Ничего не произошло. Тихо выругался помощник Мнута. Задумчиво хмыкнул сам старший верг. Я же шагнул вторым, мне в затылок дышал Рэк.

Секунда… и мы в пределах города.

Я удовлетворенно улыбнулся. Хорошо. Еще один шаг сделан. Теперь бы осмотреться. Но сначала карантин в гостевом доме. Ну

и перекусим заодно…

Глава четвертая

Гостевой дом оказался к нам радушен, без проблем впустив в свое теплое нутро.

Хотя и здесь не обошлось без странных тонкостей – остановившийся у входа в здание Мнут, указав на свисающие с края крыши грозди темно-вишневых мелких ягодок, сказал:

– Съешьте по паре штук.

– Нахрена? – поинтересовался я, срывая несколько ягодок и катая на ладони продолговатые бусины.

– Обычай такой. Вроде как обета вашего – в город сей с добром пришли, бед и горя сеять не станем, кровь не прольем.

– Конечно-конечно – я закинул в рот ягоды, даванул зубами. Терпкая сладость. Неплохо. Сорвал еще парочку и вошел внутрь. За спиной Мнут сердито рявкнул:

– Да хватит жрать! Сказано же обычай!

– Тебе жалко, пухлый?! – удивился Рэк.

– В тундре родной ягоды жрать надо было! Входите уже.

Несмотря на сердитость голоса, это была просто ворчливость – убедившись, что городская стеночка пропустила нас сквозь свои скрытые сенсоры и не стала поднимать шухера, старший верг успокоился.

Заходить внутрь он не стал. Буркнул что-то про то, что придет через пару другую часов, велел сидеть в доме и никуда не выходить пока не раздастся мелодичный звон – сигнал гостевого дома. Но лучше сидеть здесь и ждать его – как подлечит руку, вернется с угощением.

Кивнув, я втащил на самом деле увлекшегося поеданием даров крыши Рэка и велел орку стащить с призма одежду. А сам принялся осматриваться.

Один вход – один выход. Квадратное помещение снабжено деревянными скамьями, столами, пол выложен прикрытыми половиком массивными плитами. В стенах узкие и высокие окна – не протиснуться. В углу одинокий торгового автомата. На противоположной от входа стене два темных экрана. Выглядит все красивым, крепким и бюджетным. Как стандартная гостиница – если я в таковых когда-нибудь бывал. Стены толстенные – около метра. Выглядит так, будто строили на века. Но мне думается, что толщина стен обусловлена необходимостью скрыть внутри различные датчики, сенсоры, механизмы и прочее. В центре потолка торчит до родного привычная небольшая полусфера наблюдения. Система бдит.

Из помещения ведут две двери. Два коридорчика. В каждом

по шесть дверей. За дверьми – крохотные комнатки-чуланчики с деревянными широкими скамьями, такими же высокими узкими окнами и половиками на полу.

– Все запутано, командир. До жопной и головной боли запутано – признался Рэк, бросая охапку меховой одежды на скамью и начиная раздеваться сам – Бродосы, гниль, почесуха, герры, добросы, хреносы и отсосы… голова трещит. Тут слишком много всего.

– И это просто отлично, боец – кивнул я, стягивая с плеч куртку – Чем разнородней, пахучей и бурливей масса дерьма – тем легче в ней затеряться.

– Пожрать бы чего – клацнул жвалами призм, красующийся в одних трусах.

Проигнорировав скамью, призм опустился на корточки, наклонился вперед, упер лезвия в пол и замер уродливой статей. Глянув на него, сказал:

– Жратва будет. А ты чего расселся?

– А что делать?

– Изучай себя.

– Как это?

– Буквально. Рассмотри каждый сантиметр своего тела. Каждый гребаный миллиметр. Запомни каждую трещинку, понюхай каждый бугорок, лизни каждую впадинку. Проверь гибкость, задумайся и оцени силу. Задайся в целом простыми, но важными вопросами, боец. Можешь ли ты кувыркаться? А прыгаешь высоко? На руках пройдешь? Мостик сделаешь? Что у тебя между пальцами ног? Как можно выполнить хотя бы пару обыденных действий лезвиями или шипами рук? Трусы стянуть и одеть сможешь, чтобы поссать самостоятельно? А если на лезвия какую-нибудь приспособу бахнуть вроде зажимов? Броня везде толстая? Или где-то есть обманка тонкая, а ты и не подозреваешь, зря считая себя ходячим танком? Что ты? Кто ты? Что можешь? Чего не можешь? Не можешь пока, но сможешь выучить? Или не дано вообще? Не сиди. Поднимай жопу. Познавай себя. Напрягай голову. Понял?

– Понял.

С щелчком выпрямившись, призм отошел в дальний угол и принялся изгибаться, оглядывая себя со всех сторон.

– И проверь интерфейс! – добавил я и продублировал это же послание орку – И тебя касается.

– Ща. Ягодок принести?

– Не вылазь – качнул я головой – Видел веселую толпу нервно улыбающихся у входа в город?

– Кучка слизи – фыркнул Рэк – Видел. Рыл пятнадцать

мужиков и пара баб. Бабы то куда? Да еще с топорами…

– Зря ты недооцениваешь женщин, орк. Однажды аукнется.

– Ха! Не родилась еще та шлюха, что меня уделает!

– Ну-ну – хмыкнул я и, чуть повысив голос, велел – Интерфейсы пока не трогать! Если залезли уже – не трогать раздел заданий!

– Я и забыл про них. На кой хрен здесь системное меню, командир? – развел лапами орк – Тут гребаное среднековье с бродячими зомби. Пей пиво, трахай сисястых, руби зомбаков. Жизнь полна. Как надоест – двинемся дальше.

– Твои бы планы – да сразу в жопу – буркнул я – Меня все слышали?

– Меню не трогал – стрекотнул Хван и вернулся к простукиванию брони на груди.

Убедившись, что никто пока не напортачил, открыл меню и с трудом сдержал усмешку – меню «группа» было активно. Осталось проверить кое-что еще и…

Создание постоянной группы…

– Оппа… – в голосе Рэка прозвучала нескрываемая радость – Вот это дело!

– Принял – коротко проинформировал призм.

Спустя пару секунд мы вновь стали боевой группой. И теперь можно было неспешно проверить раздел обещающий работу и оплату.

Задания…

Задания не доступны! Причина – пребывание в карантине. Пожалуйста, немного подождите.

– Подождем – сказал я, закрывая интерфейс.

Закрыл, шагнул к стене и… замер как вкопанный.

Что там написала система?

Мне показалось или там было слово «пожалуйста»?

Вот оно первое различие между сраными низушками и куда более благородными сыроедами.

Мы не абы кто. Мы островитяне из этноса семнадцать. И требуем вежливого к себе сука обращения…

Рассмеявшись, продолжил движение к торгмату, но снова не добрался. Система вывесила сообщение:

«Игровой вызов!».

Заняться пока особо нечем, так что я – с удовольствием.

Повернувшись к замерцавшему на стене экрану, прижал палец к темному кругляшу сенсора, а затем опустился на скамейку и положил ладони на колени. Гоблин готов, бвана.

Кто не гоблин, а благородный сыроед?

Кто больше не одиннадцатый, а островитянин с именем?

Я?

Ну нет. Мою грязную душонку одеколоном не вытравишь. Я гоблин.

Широко усмехнулся и… почувствовал, как между зубов что-то хрустнуло.

Что-то…

Вот дерьмо. На деснах и языке знакомый вкус гребаной серой таблетки.

Как я не заметил, что моя рук воровато пихнула в пасть четвертинку болтавшейся во внутреннем кармане мемваса? Почему я понял это только сейчас?

Дерьмо!

Реально имевшая место Сороковая Загадка\Ситуация Верховного Лидера (Великого Высшего). Один раунд**. Выберите уровень сложности:** Легкий. Нормальный. Реально имевший место.

Или:

Крестики-Нолики. Три раунда**. Выберите уровень сложности:** Легкий. Нормальный. Тяжелый.

– Ого – сорвалось с моих губ, и я подался вперед, внимательно изучая текст.

Прочитав, шевельнул указательным пальцем, пробормотав:

– В жопу крестики-нолики.

Следующим действием стал выбор уровня сложности «реально имевший место». Это… интересно…

Внимание! Успешным считается итог с результатом не менее тридцати одного процента от результата Великого Высшего.

Какая у него высокая самооценка…

– Игровой вызов? Сойдет – проворчал орк, садясь за соседний экран.

Спустя несколько секунд, с другой стороны, уселся призм. Но они не ко мне подсели – перед каждым зажегся свой экран. Система щедра – во всяком случае щедра для сыроедов. Гоблинам бы такое счастье не обломилось. Тряхнув головой, я сосредоточился на своем экране.

Что за сороковая загадка-ситуация реально имевшая место?

Внимание! Опираясь на логику, опыт и личные метапрограммы вам предстоит последовательно преодолеть семь помещений-локаций, каждое из которых снабжено кратким текстовым описанием и динамичным графическим отображением. Включен режим псевдоприсутствия. Ваши верхние конечности подключены напрямую. Наклон корпуса включает передвижение в ту или иную сторону. На прохождение каждого помещения

отведено определенное количество времени. Счет на секунды! Не медлите!

Готовы?

Да\Нет.

Да.

Присутствующие лица (слева-направо):

Ваша единственная дочь. Семнадцать лет. Огнестрельное ранение в живот. Лежит на полу. Критично важна для вас. Два вооруженных незнакомца у дверей. Ваша женщина. Тридцать четыре года. Сидит в кресле. Вы. Сидите за рабочим столом. У вас в руке кольт сорок пятого калибра заряженный четырьмя патронами.

Время пошло!

Возникшая на экране отменная по качеству графическая картинка ожила. Со стоном свернулась клубком светловолосая фигурка на паркетном полу. Испуганно вскрикнула сидящая в кресле девушка. Руки двух крепких парней в масках и темных защитных комбинезонах начали подниматься.

Я почти не шевельнулся. Слегка повел запястьем, привычно нажал на курок.

Банг. Банг.

Два выстрела. Две пули точно в цель. Крепыши еще оседали, а я уже наклонился вперед, двигаясь точно к цели – к их упавшему на пол оружию. На расползающееся под телом «дочери» пятно крови я не обратил ни малейшего внимания. Ожившая «женщина» с диким визгом слетела с кресла и повисла у меня на шее. Резким ударом в лицо я заставил ее отшатнуться, следующим тычком швырнул ее к дверям – прямо под ноги следующим двоим боевикам. Они замешкались на полсекунды. И это дало мне возможность выстрелить еще дважды.

Банг. Банг.

Опустевший кольт упал на пол. Парни в пробитых масках рухнули на орущую «женщину». А я уже лежал на полу, спрятавшись за трупами и проверяя их карманы. Лежащее на виду заряженное оружие проигнорировал – из этих моделей сможет выстрелить только владелец. Глупо тратить драгоценные секунды на никчемную попытку.

Откуда я это знаю?

В одном из карманов обнаружился короткий нож с изогнутым клинком. Обнаружился и тотчас отправился в полет, влетев в горло тощей девчонки с неприкрытым лицом и катаной в руках, что с пронзительным воплем бросилась на меня из коридора.

– Щине! Щине!

– Заткнись – процедил я, стреляя в нее из дистанционного

электрошокера найденного в третьем по счету проверенном кармане трупа.

Дергаясь и хрипя, тощая девка рухнула на пол, а я ползком ринулся к ней.

– Папа… папа помоги…

На призыв «дочери» я не обратил ни малейшего внимания. Приподнявшись, с силой вбил локоть в открытой горло оглушенной девки, одновременно подхватывая меч…

Игровой вызов закончился через двадцать минут. Тяжело дыша, я откинулся на скамейку, утирая мокрый лоб и не сводя взгляда с надписи на экране:

Игровой вызов завершен. Оценка: 121 % успешности по сравнению с результатом Верховного Высшего. Итог: **победа. Данное достижение: отмечено и замечено.** Награда: 250 сэоб. Победная серия: 4/6. Бонус к награде (ИВ): 5 % Бонус к шансу получения ИВ: 10 % Шанс получения дополнительного приза: 5 %.

– Как все интересно – задумчиво сказал я, вставая и потягиваясь – Хм… Хотя дуру с пробитым животом едва-едва вытащил…

– Все же крестики-сука-нолики – не мое – пробухтел уже не сидящий, а лежащий на скамье Рэк.

Хван молчал – был поглощен прохождением красочного игрового уровня, где он играл за какого-то мужика с дробовиком в одной руке и бензопилой вместо второй. Мужик с диким криком пилил бабку, одновременно паля ей в воющую харю из дробовика. Хлестали кровавые потоки. На бесстрастном лице призма не отображалось ни единой эмоции. Не морда живая, а статуя уродливая.

И снова в голове автоматическая отметка – система слегка «прогнулась» под сыроедов. Чтобы не заставлять нас уныло ждать – дала каждому по яркой и громкой конфетке игрового вызова. Жмите на кнопки, детишки. И не обращайте внимания на карантин и ограничение свободы.

Будь мы по-прежнему добровольно низшими гоблинами – сидели бы смирненько на самом краю скамейки боясь лишний раз шелохнуться. А то суровая система живо оттяпает непоседам ножку или ручку…

Баллы С.Э.О.Б.: 277

Добравшись наконец до торгового автомата, прижал палец к сенсору и с интересом воззрился на осветившуюся витрину. Есть ли праздник?

Ну…

Первым делом стало ясно, что я могу подзарядить игстрелы и восполнить запас игл – как и поступил, размотав оружие и вставив его в выдвинувшиеся держатели. Из новшеств – держатели именно высовывались из торгового автомата. Этакая подставка, на которую я опустил оружие, что выдвинулась и осталась на месте на время подзарядке. То есть – я могу в любой момент подхватить игстрел и начать палить, если возникнет острая необходимость. Разумно, удобно, безопасно. Тогда как на родине подземной оружие забиралось в торгмат целиком и не выдавалось до полной подзарядки.

Перезарядив картриджи, посчитал стоимость.

Два сэба за подзарядку. И сэб за картридж. Цены все ниже и ниже…

Из товаров в торгмате обнаружились вполне обычные футболки трех цветов – серый, красный, белый. Нашлось нижнее белье, штаны двух видов – все с карманами, но при этом стилизованы под что-то… средневековое что ли? Но ненавязчиво так – окраской под коричневую кожу. Хотя материал – прочный брезент. Цены вполне доступные и вскоре я избавился от стиля сыроедов, оставив только реально теплую куртку с большим капюшоном и сапоги.

Штаны с обилием карманов, пара футболок, трусы, носки, ремень, новый рюкзак и серая бейсболка обошлись мне в сорок пять сэбов.

Баллы С.Э.О.Б.: 229

Сбросив покупки на скамейку, уступил место Рэку и принялся переодеваться. Закончив, походил с узлом старого тряпья по залу, выискивая куда его пихнуть и не сразу заметил небольшой лючок в стене с надписью «Утилизация отходов». Надо же…

Впихнув в отверстие плотный ком, закрыл люк.

Спасибо за проявленную ответственность и заботу о окружающей среде! Награда: 5 баллов С.Э.О.Б.

Ну вот. Прибывший в мир добросов гоблин, кажется, нашел свое призвание!

Хотел снова плюхнуться на скамейку и предаться ленивому ожиданию вердикта системы, но краем уха уловил обрывки приглушенных слов, доносящихся с левого коридора. Не припомню, чтобы кроме нас тут был кто-то еще… Ожидание и упаковку вещей в новый рюкзак решил ненадолго отложить.

Миновав дверь, замер на пару секунд и прислушался. Слова донеслись из-за второй двери расположенную по левую руку. Дверь была чуть приоткрыта. Коротко заглянув в комнату, убедился, что она пуста, а ставшие уже вполне разборчивыми слова попадают сюда из высокого узкого окна. Парой шагов

миновав крохотную комнатенку, прижался плечом к толстенной каменной стене и обратился в слух. Эта сторона гостевого здания выходила задами на городскую смешную стеночку, но, насколько я помнил, была прикрыта со всех сторон соседними постройками и росшими за оградой деревьями. Достаточно укромное место.

Мужской голос – хрипловатый и прямо сочащийся выдавленным из пчелиных жоп медом, пытался кого-то убедить:

– С тебя же не убудет. Ну? И дело для тебя не новое. Каждый день ведь со своей шлюхой вы деснами и сиськами третесь. И какой интерес в этом деле без мужика с его стальным прутком? Вы бабы… вас пока прутом мясным не вразумишь – дурью маетесь. Как не понимаете – под нас подстилками рожденные. А тут вон чего удумали – сучка с сучкой в постели кувыркается… куда катится мир? Боги плачут!

– Заткнись, Греджерс! – ответивший голос был куда суровей, жестче, но еще в нем звучали легкая паника, беспомощность и злость. А еще голос был женским.

– Ты на меня, сучка, пасть не открывай! Забыла, что держу ваши жизни в своей руке?! И твою и твоей сучки рыжей! Мужиком себя возомнила? Сначала в штанах проверь – и коли яиц в них не сыщешь, мужика из себя не строй!

– Я заплачу. Есть товар.

– Пошла ты нахер со своим товаром. Я сказал, чего хочу. Твой рот… твой сучий влажный рот не уходит у меня из головы. Я ночами не сплю! В горле ком! Огромный сука ком – настолько я хочу тебя и твой рот! Давай! На колени!

– Греджерс! Возьми товаром! И забудь, что видел. Джоранн не хотела!

– И кобылу Джоранн – тоже поимею! И тебя, сука, во все щели! Я сказал! На колени! Или уже сегодня будет суд и твою Джоранн Мать порежет на куски!

– Она не хотела его убивать. Это случайность! Гребаная случайность! Ее заставили махать вилами – а тот ублюдок подошел сзади и облапал. Она просто отмахнулась! Это гребаная случайность, понимаешь?

– У меня в горле ком. Давай. Залезь мне в рот язычком поглубже – и протолкни его! А затем опустись ниже, расстегни ремень на моих штанах… я хочу, чтобы ты все сделала сама! Сначала поработаешь ротиком. А вечером придешь куда скажу и там…

– Греджерс! Дритт! Я не лягу под тебя!

– Тогда кобыла Джоранн умрет!

– Не называй ее кобылой!

– Я буду называть эту рыжую шлюху как захочу! И вы обе

будете делать то, что я захочу! И когда захочу! У меня ком в горле! Ты в каждом моем сне! Каждую ночь я вижу во сне твои дрожащие потные сиськи над своим лицом… ты стонешь… тебе хорошо… Куда лучше, чем в том сарае, где ты лизалась с рыжей шлюхой.

– Ты подглядывал?! Дритсек!

– Следи за словами! И выводи уже моего скакуна из стойла. У меня ком в горле…

Поморщившись от очередного «ком в горле», я подался чуть в сторону, упершись в окно плечом и высунув наружу руку. Коротко дернул. Раздался булькающий вскрик, заскрипели попавшие под лезвие ножа кости. Дернув запястьем, рывком расширил рану. Мне в руку впились чужие пальцы, но хватка уже потеряла силу. Через секунду умирающий сполз по стене и нож пришлось выдернуть. Втянув покрасневшую от крови руку обратно, выглянул в окно, лениво скользнул взглядом по замершей женской фигуре, оценив и запомнив короткую стрижку, волевое обветренное лицо, крепкие руки, невысокий рост.

– Помог ему с комом в горле – пояснил я, вытирая нож о футболку – Опять придется одежду покупать…

– Дритт… ты убил его… ты ему глотку перепахал ножом… а я обделалась…

– Боишься крови? – лениво спросил я.

– Слишком неожиданно… мы разговаривем… и тут в его горло вонзается нож…

– Ты кто?

– А ты кто?! Сука! Ты кто?!

– Я Оди. Сыроед. Гощу тут у вас… что ты собираешься делать с трупом?

– А? Я?

Было видно, что незнакомка умеет и любит принимать решения. И умеет действовать. Это промедление – из-за охватившего ее шока. И ее можно понять – любой неподготовленный к подобным ситуациям человек впадет ненадолго в ступор, когда собеседнику вдруг перережут глотку.

– Тело надо спрятать – напомнил-предложил я – Закопай труп.

– Что?

– Труп закопай – повторил я – Имя как?

– Нанна… я Нанна…

– А Джоранн?

– Моя девушка. Моя жена.

– Угу… труп есть чем закопать?

– Вот дерьмо… дритт! Дритт! Опять сучий труп!

– Закопаешь или нет?

– Да! Да! Сука! Дело уже привычное!

Упав на колени, она сбросила с плеч небольшой рюкзак. Выдернула из лямки короткую лопатку и принялась за дело, начав с умелой нарезки зеленого дерна, срезая его большими квадратами и откладывая в сторону. Кем бы она не была – копать она умеет.

– Не первый труп закапываешь?

– Ты кто такой, дритсек? Что за гребаный Оди? Чужак? На бродоса не похож. С Тропы явился?

– Ты копай быстрее – хмыкнул я, устраиваясь у окна поудобней – И рассказывай.

– Что рассказывать?

– Он тебя шантажировал. Судя по всему – увидел, как рыжая шлюха-кобыла Джоранн случайно убила кого-то вилами. А ты наверняка труп спрятала – раз говоришь, что дело для тебя уже привычное. Так?

– Не называй ее шлюхой!

– Рассказывай – уже жестче велел я – И посмотрим, как разобраться с этим дерьмом.

– Смысл?! Я занимаюсь пустым делом! Нет смысла прятать труп! Греджерс не мог не рассказать все жирному Сьюгу. А Сьюг… та еще сучья мразь… Своего не упустит…

– Начни сказку с начала – поморщился я – И что у тебя в той фляжке?

– Адское пойло на травах. Пробирает. Греет.

– Хлебни сама. И дай мне чуток.

– Че тут у нас? – шумно задышал мне в спину Рэк – О… пахнет горлодером… о… чьи дохлые ноги под окном, командир? Че за уродливая сукка с лопатой?

– Заткнись, дритсек! Урод! Сука! Мразь! Дритт! – ее наконец-то прорвало.

– Закройте пасти! – велел я – И хлебни уже из фляги! Давай! Вот так… еще хлебни… теперь флягу мне. Хорошо. А сама – копай! Мы бы помогли… но карантин…

– Да поняла я уже. Сука!

– Дашь хлебнуть, командир? – орк жадно сглотнул слюну.

Кивнув, я сделал пару глотков и передал ему флягу, после чего снова выглянул за окно, оценил быстро растущую яму и напомнил:

– Где моя долбанная сказка? С чего все началось? И начни с себя и с Джоранн.

– Да на кой тебе? Нам все одно конец… Не дергайся – я возьму вину на себя. Без Джоранн мне все равно не жить. Так что

можешь нож мне скинуть.

– Рассказывай. И копай.

– Сука любовь – неожиданно выдала с громким вздохом коренастая бабенка и с яростью вонзила лезвие лопаты в обнаженную почву – Сука любовь!

После столь бодрого начала последовала очередная вполне ожидаемая история про могучую любовь двух боевых дев. Любовь вполне плотскую, горячую, на зависть многим. Сильнее всех завидовали и ненавидели мужики.

Женщин и девушек в Светлом Плесе хватало. То ли система бдила, следя, чтобы «каждой твари по паре», но соотношение мужского и женского пола было примерно пятьдесят на пятьдесят. Система учла почти все. Именно что почти – ей совсем не были учтены сексуальные предпочтения некоторых «рожденных» добросов.

Нанна и Джоранн – яркое тому свидетельство. Девушки любящие девушек. И относящиеся к мужикам как к странному и явно неудачному эксперименту Матери – ничуть не притягательному в сексуальном плане.

Главная же проблема заключалась в красоте.

Нанна ей не блистала – невысокая, плотно сбитая, с узким тазом и по-мужски широкими плечами, коротко стриженная, вечно сутулая, со с взглядом исподлобья… нет, она никак не блистала красотой. Выделялся разве что ее рот – необычно чувственный, прекрасно очерченный, влажный даже на взгляд и кажущийся чисто случайно пришлепнутым к этому ничем не примечательному лицу. Если щедро плеснуть в лицо Нанны пригоршней косметики – может и получится что-то более-менее. А так… мужик…

А вот Джоранн… ее иначе как кобылой не называли. Длинноногая, рыжеволосая, с белой мраморной кожей, яркими и большими серыми глазами, в талии ладонями обхватишь, задница любого с ума сведет, грудь не спрятать под любой одеждой. Взгляд томный, губки алые, легко смущается и очень мягка по характеру…

Короче – трахнуть Джоранн мечтал даже самый последний седовласый женатик, чья мошонка давно и бесповоротна была зажата в стальной ладони супружницы. Две три мужиков перевидала во сне обнаженную рыжую кобылку, что вытворяла с ними такое…

Но дальше влажных мечтаний дело не пошло.

Джоранн испытывала к мужикам нескрываемое отвращение. Общаться – общалась. На расстоянии хорошо вытянутого выражения «не подходи ближе, дритсек», само собой

непроизносимого в слух, но явственно ощущаемого любым обладателем мясного прута. Подкатывать к первой красавицы селения пытались многие. Подкатывали по-разному, но итог был одинаков для всех – полный провал.

А вот Нанна справилась с пол тычка, перебрав как-то алкоголя из любимой фляжки и смачно засосав проходящую мимо кобылку. И та совсем не была против…

Это невероятно озлобило многих – до этого истощенные неистовым мастурбированием многие еще лелеяли тихую мечту испробовать рыжую кобылку на вкус по-настоящему, а не только в мечтах. Мечтали услышать ее тихое томное ржание под собой…

И тут на тебе… сучья любовь…

Как результат – порча отношения с тремя четвертями населения. Мужиков бесила недоступность. Баб бесила популярность девок и зацикленность на них мужиков. Но девушек это не смущало от слова совсем. Тем более что они не зависели ни от кого, создав боевую группу и самостоятельно зарабатывая себе на жизнь. Чем занимались? А всем чем Мать одаривала. Плюс сами крутились.

Выполняли задания. Собирали дикие травы. Охотились на мелкое зверье. Из выменянных шкур и разноцветных бусин из торгмата Джоранн создавала удивительно красивые «висюльки», что моментально раскупались.

В общем – жизнь удалась. И, как всегда, нашлись те, кто захотел эту жизнь испортить. Мотивировали свое желание просто – девки просто прута мясного не ощущали в нужном месте. Оттого и сторонятся мужиков. Трахнуть надо девах хорошенько – и разом вкус главного блюда распробуют и на всю жизнь полюбят. Вот только как это сделать?

Пытались подпоить – многократно.

Пытались опоить – добавляя в самогон разную хрень.

Под конец пытались уже чуть ли не силой – схватить и зажать в объятиях, в надежде, что, ощутив силу и надежность мужских рук, бабенка поплывет и размякнет…

Не получалось. Озлобленность росла. Даже не озлобленность – дело дошло уже до открытой вражды. Им недвусмысленно заявили – либо раздвинете ляжки и дадите хотя бы раз, либо доиграетесь, долбанные суки.

И на днях доигрались. Причем не только девицы. Больше доигрался молодой и тупой дритсек не понимавший даже азов человеческих реакций.

Ворошившая водоросли на берегу Джоранн подверглась нападению молодого паренька, что возомнил себя сокрушителем девичьих сердец. И начать он решил с неожиданного

выпрыгивания из-под кучи водорослей с диким криком… Говорят же – испуг всегда начало чего-то хорошего.

Затаился, дождался, когда рыжая подойдет ближе. И выпрыгнул с воплем. Выпрыгнул. И упал, получив трезубыми вилами в горло. Джоранн ударила с перепугу. Угодила в яремную вену. Придурок истек кровью за секунды. Рядом свалилась шокированная Джоранн. Подоспевшая Нанна быстро разобралась в произошедшем. И ей хватило ума, не поднимая шума, прикрыть для начала дохляка водорослями, а затем пораскинуть мозгами.

Место на неудобное – не светлое. Вне ока материнского.

«Вне ока, не светлое – в сумраке» – автоматически перевел я.

Парня ударили вилами в горло. Будто специально целились. Выверт гребаной судьбы, что сначала тепло улыбнулась, а затем всадила топор по самые…

В селении врагов столько… что можно не сомневаться – на суде многие присягнут, что рыжая кобыла намеренно убила ни в чем неповинного агнца, забив вилами с особой жестокостью присущей только не траханным сукам. Солгут только ради того, чтобы полюбоваться расчленением красивой девки, что так никому и не дала из мужского племени. И другим сукам неповадно будет мясным прутом брезговать – пусть смотрят на брызги крови непокорной тупой кобылы.

Поняв это, Нанна принялась действовать. Вырыла могилу – выше по берегу, куда гарантировано не дотягивается прибой и где уже какой год успешно ведут наступление колючие кусты, что будут рады удобрению. Перетащила труп. Засыпала яму. Сверху раскидала палой листы и колючек с семенами. Полила из второй фляги. Неделя – и попрут зеленые ростки. А там кустики быстро доберутся корнями до мяса, оставив после пиршества только голые кости. Попробуй потом докажи. Да и не свяжешь.

Обошлось.

Выведя Джоранн из шока, утащила в дом, где постаралась утешить рыжую как могла.

Да…

Обошлось…

И нет – ни хера не обошлось.

Выплыл гребаный Греджерс, что, как оказалось, все видел с самого начала. И не сообщил об этом широкой общественности только по одной причине – мечтал поиметь обоих. И начать решил с Нанны, на чей чувственный рот запал уже давненько.

Бросив пару намеков, он утащил ее за гостевой дом, где и попытался раскрутить на толику оральных ласок, дабы рассосался ком в горле.

Ком рассосался – от удара ножа непонятно откуда

вынырнувшего хмыря по имени Оди.

Такая вот веселая история…

Хмыкнув, я еще чуток хлебнул из фляги, передал ее обратно Рэку, покосился на прислонившегося к стене призма и пожал плечами:

– Все обычно. Закопала?

– Почти – пропыхтела Нанна – Сука как же он воняет…

– Уже протух?

– Никогда не мыл жопу. Сука!

– А че это у него такое маленькое вывалилось из штанов расстегнутых? – изумился вытянувший шею орк, приникнув к окну – Глистенок бежит из тухнущей родины? Беги, малыш! Ползи, сморщенный!

– Тебя вставило – фыркнул я, глядя, как пальцы сами собой забрасывают в рот еще четвертинку мемваса, а разум уже и не сопротивляется такому своеволию.

– Ты щас про нас, Рэк? – осведомился призм, забирая сомкнутыми лезвиями у орка почти пустую флягу и наклоняя ее над раздвинутыми жвалами – Пусть и меня вставит.

– У вас вообще уважения к мертвым нет что ли?! – прошипела за окном Нанна, заваливая землей мертвеца – Че вы на его… мелочь пялитесь? Он же сдох! Уважения, дритсеки! Уважения!

– Этот уважаемый своего глиста склизкого и немытого тебе в пасть запихнуть хотел – заметил я – Все еще хочешь его уважать? Может речь тогда толкнешь поминальную над жопой из ямы торчащей?

Сдавленные звуки блюющей девки дали понять, что речи не будет. Ржущий орк попытался забрать флягу у призма, но Хван с легкостью уклонился и выбулькал остатки самогона себе в пасть. После чего с интересом произнес:

– А мне башню не снесет от алкоголя? Я же не человек… как начну тут шинковать стены и лавки…

– Вот и проверим – пожал я плечами и ткнул Рэка в жилистое плечо – Че там?

– Прикопала. Дерном закрывает – проинформировал орк и спросил в окно – А еще бухло есть? Не жмись!

– Есть – вздохнули оттуда – На продажу оно. Но… дритт! Лакайте!

– Командир? – для порядка орк первому протянул флягу мне.

Не став отказывать, сделал небольшой глоток, смывая с языка вкус мемваса.

Очередной гребаный срыв…

– Как закончишь захоронением дерьма – топай ко входу –

велел я, вставая и потягиваясь – Тебе входить в гостевой дом можно?

– Да. Но если у вас че вшивое Мать найдет – с вами там попутного дракка ждать придется. А за то, что зашла в гостевой дома с зажженной над входом желтой лампой получу штраф. А мне каждый сэб нужен сейчас.

– Ясно. Раз бабло собираешь – значит бежать вздумали – фыркнул я – Тупицы!

– Эй! С чего ты взял! Тупой вывод! И почему тупицы сразу?

– Нет лучшего способа объявить себя преступником, чем удариться в бега – буркнул я – По вашим следам пустят опытных выносливых вергов. Они догонят вас. Запутают в сети. И притащат назад на суд – попутно трахнув каждую по кругу раз десять. Этой будет основным мотивом приложить все силы, чтобы догнать непокорных красивых сучек. Хотя к тебе это не относится – ты та еще уродина.

– Да пошел ты, дритсек гребанный!

– Волосы на груди выщипываешь? Или факелом обжигаешь?

– Да у ней плечи как у меня – добавил Рэк, забирая наконец флягу из ножниц призма – А сиськи у меня побольше будут…

– И ты шагай в жопу, хрен одноглазый!

– Быстро пришла в себя – заметил Хван, после чего с хрустом и щелками потянулся пару раз и внезапно закрутился в колесе, укатившись нахрен из комнаты. В коридоры раздался грохот удара о стену, булькающий смешок, щелканье жвал и быстрый топот. Затем снова удар о стену – уже в центральном зале, где мы игрались с системой.

Вот мля…

– Зря он сделал последний глоток – заметил орк.

– Что это за фрик был? – с легким испугом спросила прилипшая к окну Нанна.

Получила от орка щелчок по лбу, с ойканьем отшатнулась и разразилась проклятьями. Рассмеявшись, я шагнул в коридор, велев:

– Топай ко входу. Беседовать будем у всех на виду. Верни ей флягу, Рэк.

– Зачем нектар убогой?

– Пусть хлебнет. Ее работа еще не завершена.

– Эй! Я на тебя не работаю! Понял?!

– Тут ты ошибаешься – отмахнулся я.

Оборачиваться не стал. А зачем шеей зря ворочать? Уверен, что она меня встретит у входа. И будет сидеть на том странном каменном возвышении, что расположено у передней стены прямо под тройным окном, дающим обзор на экологичную деревушку.

Моя уверенность полностью оправдалась. Перешагнув через ритмично дергающегося на полу призма, хихикающего, щелкающего и смело портящего воздух и чистоту новых трусов смрадными выхлопами, остановился у окна и встретился со злым и чуток растерянным взглядом Нанны. В себя она пришла полностью – сработали наши язвительные комментарии. Да и самогон вкупе с физической работой помогает убрать дурь из башки.

Тянуть время за сиськи я не стал и сразу перешел к делу:

– Кто такой Сьюг?

– Дружок закопанного.

– Первого или второго закопанного?

– Да обоих. Но больше второго. Они в группе одной.

– Верги?

– Не. Группа не боевая. Трусы они. Предпочитают за деревню не соваться, а к Тропе так и близко не подходят. Дритсеки сыкливые!

– И чем зарабатывают?

– Да всем кроме социалки.

– Социалки?

– Ну работа в городе. Стены чистить, канавы, отхожие места вычерпывать. Этим недрексы занимаются.

– Кто?

– Ну недрексы. Низшие. Грязные вонючие ублюдки не пойми какого пола. Живут в общем доме на той стороне деревни. Некоторые без рук или ног – потеряли на охоте или еще где, а денег на новые конечности нет. Долбанные низушки.

– Ага – кивнул я, вытягивая ногу и пиная сунувшегося к окну орка в живот, чтобы заткнул уже разинутую гневную пасть – Ну да. Низшие те еще вонючие ублюдки, верно?

– Дритт! Само собой! Вонь – не подойти! Вся социалка на них.

– А Сьюг с компашкой что делал? И кто у них главный?

– Главному ты глотку перепахал, а я закопала его тушу. Сьюг… шакал на подхвате. Из тех что любит за ухом подбадривающе вякать. Хитрый похотливый ушлепок.

– И что они делают, если не работы по городу?

– Почему? Работ много. Дерн на крыши стелить, общинные огороды копать, дары Матери собирать – с тех же огородов или из леса.

– Тут везде снег. Или зима щас?

– Да всегда так.

– Так какой огород?

– Солнца хватает. А земля теплая как жопа.

– Понял – медленно кивнул я, живо вспомнив «миграцию»

сыроедов и появляющийся свежий ягель – А почему недрексы этим не занимаются?

– Шутишь? Ты бы хотел жрать салат залапанный вонючими низушками?

– Ну что ты! В жопу терпимость в таком вопросе!

– Ну вот. Сам понимаешь. У вас на острове тоже низушных вонючек хватает?

– Сейчас?

– Ну.

– Пара рыл найдется – усмехнулся я – Но не больше. Про нас уже наслышана?

– Весь городок гудит. Тунцами трахнутые сыроеды на дельфинах приплыли, вергам лапы обломали и пинками их в город пригнали. И Мать приняла их радушно… все задумчиво чешут в жопах и затылках… поочередно…

– Сьюг умный?

– Ну… так…

– Ага. То есть три касты верно? Недрексы, обычные и боевые.

– Ну да. Недрексы, жители и воины. К чему ты столько вопр…

– Давай заголяй ляжки, делай испуганный вид, часто вытирай ладонью губы – и как отрепетируешь, веди сюда Сьюга. На могилку босса.

– Охренел?

– Решать тебе – развел я руками – Жить хочешь?

– Ты поможешь, если приведу?

– Поможем – ответил я.

– И что взамен? Я девочка ученая. Бесплатно даже дритт не раздают.

– Само собой – кивнул я – Заплатишь.

– Чем?

– Баблом, информацией, вещами. Если много знаешь – откупишься словами. Ну и проставишься в каком-нибудь баре. Бар есть у вас?

– Инн Алый Дракк.

– Вот там и проставишься. Жратвой и разговором. Давай! И помни – выгляди испуганной! Ну ка скорчи рожу…

Полюбовавшись на перекошенное убожество, я тяжело вздохнул и поманил:

– К окошку наклонись-ка. Поможем с красотой перепуганной…

Нанна в недоумении подалась вперед. Я незаметно ткнул стоящего рядом с окном орка. Тот с готовностью сунул кулачищем в окно.

Бух.

Шлеп.

Слетевшая с возвышения в грязь девка ненадолго замерла, медленно ощупывая лицо. Наконец зашевелилась, поднялась, утерла кровь из-под носа, злобно зыркнула.

– Так иди, чтобы кроме Сьюга никто красоты не заметил – добавил я и махнул рукой – Бегом давай. А то карантин кончится, и мы свалим. Если Сьюг спросит – скажи, что полностью удовлетворенный твоими губами босс приложил печать качества к носу и велел бежать за корешом Сьюгом – чтобы и того порадовать теплым и смачным.

– Хорошо… ты сука больной на голову… понял?

– Булками бодрее шевели.

– Ща…

«Ща» заняло минут двадцать.

И когда к тому же окну лениво прислонилась очередная жирная спина с плохо стриженным затылком и послышался голос:

– Греджерс где, сука ты початая? – я коротко кивнул призму.

Хван шагнул вперед, ткнул с силой правым лезвием.

Переборщил.

Повернутое плашмя лезвие как сквозь масло прошло через шею, расхерачив позвоночник и прорезав мясо. Призм дернул рукой в сторону. И почти отрубленная голова упала на плечо, повиснув на лохмотьях кожи. Тело наклонилось вперед. Ударивший из шеи фонтан оросил ошеломленно замершую Нанну от макушки до пяток, окрасив ее красным. Следом послышался шлепок упавшей туши, что недолго поскребла ногами и затихла.

– Ты че сюда купаться пришла, сука? – недовольно заметил я Нанне – Копай яму давай!

– Бу-э-э-э-э! – ответила она мне, сгибаясь и накрывая второй труп капелью блевотины воняющей алкоголем.

– Переборщил? – спросил призм.

– Идеально – не согласился я – А главное – наглядно до жопных колик. Так и продолжай.

– Легко! Есть че выпить?

– Скоро выпьем – пообещал я – Да, Нанна?

– Бу-э-э-э…

На этот раз она, трясущаяся, нервно измотанная, копала куда дольше. Но результат работы меня порадовал. Квадраты дерна прикрыли утоптанную землю. Лишняя почва отправилась пригоршнями за ограду и под частые кусты. Кровь со стены была стерта штанами Сьюга, после чего Нанна затерла стену сначала

кусками льда, а затем грязью и снова льдом. В результате – ни следа крови. Снегом же вперемешку со льдом она прикрыла частично могилки, пояснив – вскоре растает на теплой земле и водой впитается, заодно унеся с собой остатки крови. Ну и землю еще плотней сделает.

Оглядев сквозь окно землю, я удовлетворенно кивнул. Сойдет. Понятно, что в случае тщательно обыска-осмотра поселения – никак не могу даже мысленно назвать Светлый Плес городом, хотя стараюсь – захоронения отыщутся быстро. Но на этот счет у меня были свои планы.

Вернувшись в зал, я задал Нанне несколько конкретных вопросов, жестко обрывая ее, когда крепышка начинала съезжать с темы или мямлить. Получив ответы по делу, покивал, переваривая. Вспомнив про имена, спросил уже ради самообразования – кто тут жителям имена выдает?

Все верно. На острове этим занимается вождь. А на большой земле – Кормчий. И все они выбирают имена из предоставленного системой списка – тут никаких секретов нет. Причем система старается, чтобы у каждого по возможности были уникальные имена. Во всем Плесе не сыскать, к примеру второй Нанны, хотя имя звонкое и короткое. Никаких тезок. Никакой путаницы.

Важная это информация?

Вполне. Судя по внешности живущих здесь – это еще один этнос. Просто неявный. Добросы и добросы. Но все как один светловолосые, преимущественно зеленоглазые, белокожие. У всех один и тот же тип телосложения, что никак нельзя объяснить случайностью. В Светлом Плесе живет нация без названия.

А это важно?

Да.

Добросы.

Кажется мне, что именно они являются основной начинкой этого давным-давно начавшего подтухать пирога.

Чем занимаются добросы кроме охоты, собирая трав, ухода за городом и прочих обыденных мелочей?

Ну… несколько женщин усердно ткут ткань. Причем ткань не слишком качественную и неприглядную. Некоторые мужчины регулярно получают задания по производству железных скребков, тяпок и прочего.

Где получают задание? Где они делают скребки?

В кузнице с газовым котлом. На той стороне города. А ткань производят недалеко отсюда.

И что с тканью и скребками делают?

Ответ я уже знал. Просто хотел проверить.

И Нанна не разочаровала, сообщив, что большая часть

создаваемых неказистых вещей загружается в специальный приемник неподалеку от площади. Загружается Кормчим или одним из его звена. После чего загруженное отправляется неведомо куда.

Неведомо куда…

Знаю я одну странную общину, живущую в стальных трубах. Общину, что регулярно получает от системы ткань на пошивку трусов и скребки для неумелой очистки труб от слизи и плесени. И ведь та община искренне рада этим дарам. Чуть ли не молится великой Стеле дары приносящей.

Дерьмо…

Кто еще входит в группу вместе со Сьюгом и Греджерсом?

Еще двое. Девка Дэгни и совсем уж старый Крухр.

Греджерс был лидером?

Да.

Сообщает ли система о том, что кто-то из группы погиб?

Обязательно. Мать всегда скажет. Но только если «сердцем почувствует» о смерти одного из детей своих. Если не чует – даст запрос группе или звену. Обязательное задание на поиск. Причем подскажет где именно пропавшего видели в последний раз.

Ага…

И видит ли мать гостевой дом?

Спереди – да. Сзади – нет. Потому гребаный Греджерс туда ее и потащил. И завел ее за угол с такой стороны дома, что Матери не понять, шли они за дом или же потом направились дальше – за пределы города.

Собаки в городе есть? Настоящие. Или любые твари способные идти по запаху?

Уже нет. Были. Но по пьяному делу Кормчий убил двух последних псов. А ведь собаки неплохо помогали на охоте и предупреждали об опасности. Почему убил? Да выли они много. А Кормчий мужик нетерпеливый. Потому и убил.

А новые собаки? Не родились?

Пока нет. Но может и появятся однажды. Зато есть две лошади. Но тоже уже очень старые. Еле ходящие. Пасутся на дальнем лугу, там же ручей и навес от непогоды. Лошадей оставили бродосы. И во время каждого визита в город обязательно навещают лошадок, чистят, проверяют, что-то делают с их зубами – запуская огромные клещи в пасти. В общем – следят. И строго запрещают любую попытку прокатиться на престарелых кобылках. А с бродосами на эту тему шутить не стоит – к лошадям тропники относятся предельно серьезно. Убить за лошадь – для бродоса не проблема.

Ясно…

Карантин завершен. Можете покинуть гостевое пристанище.

Не став задавать очередной вопрос, я встал и начал одеваться. Бойцы последовали моему примеру. Глядящая на нас через окно Нанна не выдержала и спросила:

– И что делать теперь… Оди?

– Ищи подругу. И тащи ее в Алый Дракк. Кормите и поите нас за свой счет от пуза.

– А потом?

– По ходу дела и разберемся. Встречаемся там через полчаса. Если мы задержимся – ждите.

– Хорошо…

Но она осталась сидеть. Вопросительно глянув на нее, развел руками, вежливо спросил:

– Жопу к камню присосало, Нанна? Че сидим?

– А? Фу! Откуда вы вылезли с такими грязными языками? Из жопы мира?

– Вот тут ты угадала. Поднимай сраку – и в трактир с подругой. И учти – пойло любим крепкое, а еду мясную. Все эти тефтели из сраного шпината жрите сами, а мне красного мяса и побольше.

– Хорошо. Тефтели из сраного шпината…

Ободренная моими указаниями Нанна наконец-то встала и убралась.

Забросив за плечи рюкзак, я первым переступил порог гостевого дома и тут же сверну, пойдя вдоль стены, свернув за угол и оказавшись вне видимости Матери. Здесь я остановился и прислушался. Бойцы замерли за спиной. Первым сообразил призм, указав снова скрытым в рукаве лезвием на участок ограды потемневший снизу:

– Если ты про шум воды, то он вон оттуда.

– Точно – кивнул я и поспешил к указанному месту.

Во время разговоров через заднее окно, я все время слышал звук льющей воды. Причем звук был с едва заметным дробным эхом. И это эхо мне было почему-то очень знакомо – едва услышав, я тут же сделал мысленную отметку, что где-то неподалеку имеется яма-колодец примерно метровой глубины и в эту яму льется вода. Не могу назвать это воспоминанием. Но если это оно – то идет откуда с детства. Если судить по ощущениям.

Нагнувшись, отодвинул ветки кустарника, примял траву. И увидел решетку у самой ограды. Небольшую и квадратную – где-то сорок на сорок. Из-под ограды вытекал бодрый ручеек, срываясь в решетку и пропадая в темноте внизу. Если плюнуть туда – плевок упадет на голову вышедшей на прогулку нимфы Копулы?

Прислушавшись, дернулся назад.

Но зря только калории сжег – показавшаяся между прутьев решетки тоненькая полупрозрачная когтистая лапка безнадежно не дотягивалась.

Натянув перчатку, подумал и добавил еще одну поверх. И подвел защищенную ладонь к решетке. Ничего. Но стоило подвести вторую ладонь – неприкрытую материей – и снова мелькнула лапка, которую я умудрился поймать и резко дернуть на себя. Будто рыбу подцепил на крючок – не слишком большая тяжесть на «той» стороне. Рывок!

Лапа вытянулась на метр с небольшим, после чего в решетку ударилось… нечто… я увидел багровый кожистый участок покрытый редкими черными волосами, шипами и снабженный тремя недоразвитыми ручонками, что чем-то омерзительно напоминали растущие в мертвом лесу полуразложившиеся ручки младенцев.

Неожиданностью было не это. Неожиданностью было услышать донесшийся из дыры сдавленный голос:

– Отпусти…

– Я тебя не за хрен тонюсенький поймал часом? Ты что из себя такое?

– Я проклят…

– Призм – понятливо кивнул я – Слушай… жрать хочешь?

Кажется, мне представился отличный способ обеспечить чистоту труб – и для моей затеи это важно.

– Что?

– Поможем друг другу – предложил я – С меня сто пятьдесят килограммов мелко рубленного мяса. А с тебя – оттаскивание мяса, чтобы не забило трубу. Мясо подадим вместе с дерьмом и землей. Переваришь?

– Я не понимаю…

– Просто жри и оттаскивай! – повторил я, разжимая пальцы – Если не жрешь – уберись оттуда и не закрывай сток.

Жгут полупрозрачной лапы скользнул обратно, багровый отросток неведомого, но явно несчастного существа, исчез во тьме сточной решетки, откуда донеслось тоскующее и голодное:

– Да-а-а-а-ай…

Встав, я повернулся к бойцам:

– Рэк откапывай трупы и живо. Дерн оттаскивай в сторону. Хван… тебя от крови и дерьма ведь давно уж не мутит.

– Я гнидой жил. Я гнидой жрал. И срал.

– Исчерпывающе – усмехнулся я – Раздевайся догола. После чего топай к Рэку и превращай трупы в фарш. Рэк! Тоже раздевайся! Одежду уберите подальше, чтобы не заляпало. Хван –

руби аккуратно, но мелко. Стены и ограду старайтесь не ляпать.

– Сделаю.

– И быстро. Выложись. Я хочу получить котлетный фарш в рекордные сроки.

Убедившись, что меня поняли, помог призму снова раздеться, аккуратно сложил его одежду за углом. Сам же ушел на другой угол, откуда открывался неплохой обзор на Светлый Плес. Гоблин Оди постоит на стреме. И его занятие не обещает оказаться сложным – для населенного пункта движухи тут маловато. Впечатление, что городок полумертвый. Скорей всего система бдительно следит за тем, чтобы каждый доброс был занят делом, а не шатался просто так.

Кстати, о деле…

Задание: Патруль. Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 16:00. Сменить предыдущий патруль. **Описание**: Светлый Плес. Патрулирование портовой зоны. С 1-й по 15-ую столбовую отметку. При обнаружении агрессивных существ – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель. **Место выполнения**: Портовая зона с 1-й по 15-ую столбовую отметку. **Время выполнения**: до 18:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю. **Награда**: 15 с.э.о.б.

Баллы С.Э.О.Б.: 234

Сразу родиной запахло…

От вида задания ностальгия нахлынула?

А… нет… потянув ноздрями, я усмехнулся – похоже, кому-то из трупов вспороли кишечник и по-настоящему родной запах приветственно выполз из-за угла. Но его быстро сдул свежий ветерок, отнеся к зарослям за городом.

– Одну жопу и один хрен нашинковали, командир – прохрипел Рэк – Че делать с кашей? В яму?

– Ага. В темпе марш броска.

– И на кой хрен тогда закапывали?!

– Не мы – она – ответил я – Пусть думает, что трупы там и надежно скрыты.

– А они нет?

– Любой охотник увидит эту слабо замаскированную лажу с расстояния в десять шагов – буркнул я – И быстро найдет свежую почву разбросанную вокруг. Нет. Не вариант даже.

– Но зачем тогда она тут горбилась натужно, матку сучью надрывая?

– А просто так – дернул я плечом – Таскай!

– Понял.

– И морды бить готовься.

– А? Нет я с радостью, но…

– Скоро поймешь. Живо!

– Уже начали.

Привалившись к нагретому зимним солнцем каменному углу дома, я лениво взирал на городок. Увижу каждого, кто решит приблизиться. Вот только…

Колени начали подгибаться. И сползая по стене, уже зная, что подходит время очередного флешбэка, затухающим взглядом я упрямо шарил по окрестностям. Никого… и вряд ли кто успеет подойти в следующие несколько минут…

– Мы навели о вас справки – улыбнулась мне девушка.

Девчонка. Ей не больше семнадцати. Цветущую юность предельно подчеркивало простенькое коротенькое платьице из дешевой материи, обнажающие полные спортивные бедра так высоко, что взгляд невольно прикипал к краю подола.

Вранье.

Ей стукнуло никак не меньше шестидесяти. Очередная богатая сука прошедшая процедуру радикального омоложения, что обошлась ей в невероятную сумму. На ту сумму, что она потратила на избавление только от пары морщинок у пупка, могли бы целый год жить пара трущобных семей.

Можно ли ее судить за это? Смотря за что.

За ее богатство? Нет. Нельзя.

За то что богатая шлюха выдает себя за юную недотрогу в деревенских трусиках в цветочек? Тоже нельзя.

А вот за ее слова «мы навели о вас справки» – нужно.

С едва заметной улыбкой я подался вперед, протягивая пальцы к ее такому хрупкому на вид розовому горлышку. Многие бы из мужиков мечтали бы прикоснуться к ее телу. Мечтали бы трахнуть ее, старательно изгоняя из возбужденного мозга мысли о том, что трахают древнюю старуху. Ведьма… ведьма наведшая на себя хирургический и химический морок красавицы…

Я разобью о стену салона эту златовласую головку и вытряхну из расколотого черепа мозг старой суки…

– И выбрали вас! – она с испугом отшатнулась.

Уловив ее испуг, система ее дорогущего флаера мигом подняла бронированное стекло, отрезая владелицу от источника опасности. Флаер качнулся, из всех щелей полезли дула пушек и жала разрядников. С безмятежной улыбкой я провел кончиками пальцев по прозрачному стеклу, не отрывая взгляда от глаз испуганной старухи. Та заговорила. Ее голос был выдан наружу внешним микрофоном:

– Поймите… нам плевать на ваше прошлое. Речь о будущем! О

будущем всего человечества! О будущем всей нашей изнасилованной планеты! Речь о великой миссии! И ее успех гарантирует нашему виду выживание! Послушайте… просто выслушайте меня и только затем принимайте решение.

Секунду помедлив, я кивнул и откинулся назад в седле своего ховербайка.

Пусть ведьма говорит. Убить ее я всегда успею…

– Командир!

– Да! – подскочил я, стегнув взглядом по территории вокруг гостевого дома и убедившись, что не появилось нежеланных гостей.

– Хван разошелся мля! Посмотри. А то че я один тут угораю…

– Иду.

Звуки «разошедшегося» призма доносились более чем отчетливо. Шмякающие, чавкающие.

Вернувшись за дом, я увидел призма молотящего почерневшую землю с жалкими вкраплениями мяса. Призм что-то бубнил, дергал спазматично головой. На разумное существо походил мало. А кто он упал на колени и попытался жвалами подхватить с земли самый аппетитный кусок порубленного лица, пришлось рявкнуть:

– Эй! Мудило! В себя пришел!

Подействовало. Еще раз тряхнув головой, обляпанный дерьмом и кровью призм замер. Прислушался к собственным ощущениям. Огляделся. И медленно поднял, смущенно разводя лезвиями, с которых стекало кровавое смузи.

– Поваляйся в земле – велел я, указывая на выброшенную гору почвы – После чего дуй в гостевой дом. Прими долгий душ. И постарайся промыть каждую гребаную щелку! Понял?

– Да.

– Вали.

Проводив одного, повернулся ко второму, что продолжал усердно работать, таская в пригоршнях куски тел и мясную кашу.

– Много он в землю вколотил?

– Да нет. Оба трупа я считай полностью скормил Токру.

– Кому?

– Ну призму в дыре. Его Токром кличут. Познакомились, когда я мозг Сьюга ему в пасть сливал. В обмен на тортик мозговой он представился. Живет там три года. Всем доволен, хотя кормежка могла бы быть получше. Но потихоньку все идет к тому, что скоро он вылупится.

«Я разобью о стену салона эту златовласую головку и вытряхну из расколотого черепа мозг старой суки…»

– Ясно. Когда Хвана переклинило?

– Да только что. Осталось то килограмм восемь нарубить – и его понесло.

– Быстрей таскаем.

– Я че спросить хотел, командир.

– М?

– Вторая голова гниды куда делась? Отпочковалась и сдохла? Или внутрь куда ушла и где-то там у Хвана второй мозг под панцирем?

– Я хрен его знает – признался я чистосердечно, пристально оглядывая изрубленную землю и заляпанные стены – Ладно… придется и мне изгваздаться.

За следующие четверть часа мы спустили в колодец центнер земли вперемешку с мясом. Обтерли стены и ограду землей вперемешку со льдом. Когда вернулся чистый призм, я отправил отмываться от крови Рэка, а сам продолжит уничтожать улики, особенно старательно уничтожая ямы.

Ну как уничтожая – я просто засыпал их и неумело прикрыл дерном. Получилось так себе – у Нанны вышло лучше. Но не суть. Главное – в земле больше нет двух трупов.

Одев Хвана, ободряюще хлопнул его по плечу:

– Похер на все. Это даже к лучшему.

– Что к лучшему? Я отрубился! Превратился в мясорубку тупую.

– Это и к лучшему. Чем раньше ты узнаешь все свои проблемы – тем скорее научишься с ними справляться. Лучше свихнуться ненадолго во время рубки трупов, чем во время драки с реальным противников.

– Верно…

– Повторю – изучай себя, призм! Изучай! Ты должен знать о себе все! От того с какой скоростью у тебя лезвия растут и как часто член встает – и на кого. Изучай себя! И речь не только о теле – копайся у себя в мозгах. Что там происходит? Вникай в свои мысли. Разговаривай сам с собой. Понял меня?

– Понял, командир.

– Все. Осмотрись здесь еще раз – чтобы ни пятнышка крови. А я сполоснусь. И пойдем уже наконец пожрем нормально…

Глава пятая

Понимая, что когда призм стащит капюшон с уродливой головы, показывая тем всем окружающим, что в его родословной немало шуршащих хищных насекомых, нам далеко не сразу удастся заказать жратвы, я велел Хвану погодить с каминг-аутом.

Пусть в Плесе и так знают о явившемся в гости призме. Но одно дело знать. И другое – видеть его за соседним столиком.

А тут есть столики? Или добросы жрут с пола?

Столики нашлись. И их оказалось немало в просторном зале с низким каменным потолком и широкими распахнутыми окнами. Из дырчатых подоконников поднимались струи теплого воздуха и влетающие в зал порывы морского ветра приносили не леденящий холод, а запах водорослей и соленую свежеть.

Из примерно сорока растущих из пола каменных столиков три четверти пустовало и ничто не помешало нам выбрать место в углу, расположенное между входом и одним из окон. Торчащую из столика нашлепку с темным сенсором я заметил сразу. И сразу же понял, что платить тут можно с куда большим удобством чем в Плуксе – бегать к банкомату не придется.

Сложив оружие на лавку, а локти на стол, я с еще большим удивлением заглянул в захапанные бойцами меню. Настоящие мать его меню. Выглядящие даже красиво, закатанные в прозрачные пленку.

– Гребаные гномы! – выдохнул Рэк – Прочти, командир! Ростбиф викинга, волчья отбивная, копыто вепря. У меня слюна аж до яиц добежала! Че выбрать?

– Мне ростбиф и че-нибудь с клетчаткой – ответил я.

– Мясо и самогон – понимающе кивнул орк – Призм! Ты че жвалами перемешивать будешь? Салат из грибов и щавеля?

– Мясо! И самогон! – донеслось из-под капюшона.

Оглядев зал, я убедился, что мы надежно приковали к себе внимание присутствующих. А вот внимание служащих мы почему-то не привлекли.

– Кто тут заказ на жратву принимает?! – спросил я, поднимаясь из-за столика.

– Уже иду – отмер высоченный и тощий как щепка лобастый мужик в большом кожаном фартуке поверх футболки и штанов – Иду-иду.

– Иди-иди – поощрил я его волчьей усмешкой – Хотя нахрен?! Тащи сюда три ростбифа. Бутылку самогона и три стакана. Одну соломинку. Найдется?

– Которая чтобы сосать?

– Сосешь ты – вежливо ответил я – А нам для питья.

– Кхм… найдется. Прошу прощения. Не хотел обидеть – взгляд лысого скользнул по закутанному призму и боязливо сполз на стену – Соломинка найдется. Еще что-нибудь?

– Самогон сразу на стол. Что к мясу предложишь?

– Лесную овощную зажарку. Рекомендую. Большой сковороды на троих с запасом хватит.

– Большую сковороду – кивнул я – Яйца в ней есть?

– Нет.

– А вообще есть?

– Есть – сглотнул слюну орк – В меню написано. Куриные! И утиные! Сука!

– Разбейте поверх зажарки штук пятнадцать яиц. Можно двадцать. Чем быстрее все будет на столе – тем лучше.

– Все сделаем – слегка поклонился официант и шустро удалился, даже не спросив, найдутся ли у нас средства для уплаты.

Один разговор закончился. Но другая беседа тут же началась – голос подал сидящий за дальним столиком детина с распущенными светлыми волосами, широченными плечами, поросшей белым мхом мускулистой грудью и аурой никогда не получавшего по хлебалу альфа-самца:

– А не слишком дерзко себя ведешь, сыроед? Тут тебе не остров – детина говорил громко. Так, чтобы его голос добрался до нас через весь зал – Могут наказать за дерзость.

Опять…

Каждый сука раз одно и то же. Порой я поражаюсь этому гребаному дежавю – одному из самых частых в моей жизни. Во всяком случае в этой жизни. Почему в любом баре выпивший пару доз самогона каждый пятый гоблин начинает считать себя не в меру крутым и пугающим? Почему ему приходит в голову тупая мысль, что его грозный вид, широкие плечи и нахмуренные бровки произведут на меня неизгладимое впечатление? Почему это дерьмо повторяется и повторяется?

Оценивающе оглядев длинноволосого громилу, я ровно ответил:

– Еще раз вякнешь что-то, дритсек ты гребаный и мне придется встать. Я неспеша подойду, намотаю на кулак твои расчесанные кудри и начну бить тебя лицом о стол. Бить сильно. Бить с желанием раздолбашить твое гребаное сучье лицо! Сделать его даже не плоским, а расхераченным, чтобы твой изрезанный зубами и обломками челюсти болтливый язык выпал из вонючей воющей пасти, а глаза лопнули и растеклись.

С тихим звоном встала на стол бутылка. Зазвенели дрожащие

на подносе бокалы. Я терпеливо ждал, когда бледный официант закончит разгружать поднос. Последней встала объемная миска полная орешков. Это ведь орешки?

– Кедровые. Полезные. Вкусные – просипел официант и попятился – Подарок от нашего типа народа вашему… и от заведения…

Я кивнул. Но смотреть продолжал на детину, за чьим столом сидели две девушки, что явно привыкли видеть в нем нечто мощное, бесстрашное и нерушимое. Они привыкли видеть в нем каменную глыбу. А он оказался стремительно тающим айсбергом – если судить по мигом вспотевшему опущенному лицу.

Выждав еще пару секунд, я понял, что продолжения не будет и потянулся к орешкам. Но меня опередил Хван. Мотнув головой, призм стряхнул капюшон, размашистым движением закутанного лезвия пододвинул к себе миску и решительно опустил в нее харю. Защелкали жвала, уровень орешков начал понижаться.

– Еще орешков! – рявкнул орк, дергая завязки на рукавах призма – Две тарелки! И че-нибудь кисленького!

– Моченую морошку? А к ней морошковый ликер. Рекомендую. От всей души.

– Тащи!

Снова зазвенели стаканы. Орк деловито вскрыл бутылку, призм щелкал орешками, а я наблюдал за жадным любопытством охватившем присутствующих. И посетителей прибавлялось – столики быстро занимались, причем начиная с дальних от нас, но круг вынужденно сужался. К тому же большая часть посетителей входила через двери рядом с нами и было интересно видеть, как они невольно подпрыгивали, увидев «усатую» башку призма чавкающего орешками.

– Срать шелухой придется, олень! – добродушно предупредил орк Хвана, пододвигая к нему стакан с соломинкой.

– Срать! – уверенно ответил призм.

– Срать! – поднял бокал орк.

– Срать – подтвердил я, поднимая свой и звонко чокнувшись, мы осушили напиток.

У Нанны получше. Тут дерьмо. И все это вместе взятое в подметки не годится тому янтарному нектару, что подливала мне хитрая старуха с дырой в голове. Пальцы лежащей на игстреле правой руки ласково погладили сначала оружие, а затем набедренный карман – там хранился пакетик с мемвасом. Паучий убойный подарок…

Заметив знакомую фигуру, я окликнул:

– Нанна.

– О… – вошедшая девушка тормознула, ухватила за плечо свою спутницу и подтолкнула к нам со словами – Не бойся.

– Не буду – с детской улыбкой ответила ей юная красавица.

Настолько красивая, что я сразу понял причину всеобщей мужицкой ревности. Кто бы не захотел объездить такую? Еще я сразу понял, почему не отнесся к нескрываемо восторженным словам Нанны о своей подружке красотке так безразлично. Все просто – никакими словами такую красоту просто не описать.

Причем красоту природную, слагаемую из немалых крупных достоинств и мелких недостатков. Все вместе породило идеал. Даже не идеал. А просто такую внешность, что не оставит равнодушным ни одного мужика. Эта Джоранн не просто кобыла. Она может служить стенобитным орудием разрушения семейных крепостей… один небрежный удар – и давно сложившаяся семейная ячейка с визгом разлетается. Эту девку к мудрой нимфе Копуле под облезлое крыло – и нимфа быстро намотает на стальной кулак уды всех вождей и вождесс, что захотят обладать такой красоткой…

Я понимаю здешних мужиков.

Одно дело завидовать другу-счастливчику, втайне мечтая оказаться на его месте и совсем другое – смотреть как в уголку трактира грациозную красотку засасывает коренастая простушка уверенно шагающая по грани межу «просто некрасивая» и «пожалуй все же уродина».

– Такую пялить и пя-я-яли… – затянул орк.

– Заткнись – велел я, внимательно оглядывая пополневший числом трактир – И готовь кулак. Один удар! И чтобы с копыт нахрен! Запомнил?

– Да че тут помнить… а кого копытить, командир? Укажи.

– Скоро – ответил я, вставая на лавку с ногами и обходя по ней забившегося в угол призма – Хван! Хитиновую жопу к краю лавки! И запомни – впредь ты всегда сидишь у прохода, пока я не скажу обратное. Понял?

– Да. Почему? – призм задал этот вопрос уже в движении – выполняя приказ.

Люблю послушных и любознательных союзников.

– Ты бронированный, быстрый, оружие всегда под рукой – пояснил я суть – К тому же ты мясо. А я драгоценный лидер со стрелковым оружием. Понял?

– Мясо уяснило.

– Хы – орк во все клыки улыбнулся скромно усевшейся напротив красотке.

Бросив еще один взгляд на зал, я подозвал официанта-щепку и велел принести еще стаканов и самогона. И заодно

поинтересовался забытым, но недавно столь любимым блюдом:

– Компот есть?

– Конечно! И кисель найдется. И желе фруктовое.

– А че не указано? – скривился Рэк, тыча пальцем в меню.

– Оно в десертной карте…

– А че карта не здесь?

– Десерт мы предлагаем после подачи основных блюд…

– А че не сразу? Тебе в падлу? Ты сука не уважаешь нас что ли?

– Не его, Рэк – буркнул я, жестом отпуская быстро бледнеющего официанта – Тащи четыре кувшина компота, миску киселя, сразу ставьте вторую сковороду зажарки.

– Спасибо – невпопад ответил мужик и попятился.

– А кого если не его? – с разочарованием спросил повернувшийся ко мне Рэк – Официантов всегда бьют.

– Мы джентльмены.

– Кто?

– Поэтому любому, кто пройдет в эту дверь и отвесит сальный комплимент или оскорбительный комментарий – бьешь по рылу. За нанесенную обиду нашим обворожительным спутницам. Так уж у нас у сыроедов принято. Понял?

– Ага.

– Оди… – Нанна подалась вперед – Не стоит. Мы привыкли.

– Да мне плевать на ваши привычки – безмятежно улыбнулся я, разжевывая четвертинку таблетки и запивая глотком самогона – И на то оскорбляют вас или нет. В жопу ваши трудности, леди. Ясно?

– А… ага…

– Эй, рыжуха сочная – широко улыбнулся зашедший в Алый Дракк высокий и крепкий мужик седых, но еще не почти не замшелых лет – Еще не надумала… Х-е-е-е-ек! – от чудовищного по силе пинка пришедшегося по яйцам, мужика аж подбросило и, чудом устояв на ногах, он начал быстро загибаться и смело встретил бородатым лицом резко поднятое колено орка – УГ!

Мужик рухнул и затих. В трактире повисла гробовая тишина. Медленно накренялся поднос застывшего на полпути к нам официанта. Неторопливо съезжал компот…

– Уронишь компот – уроню тебя – предупредил я живую щепку. Вздрогнув, официант вернул поднос в горизонтальное положение и с удивительной деловитостью мигом расставил принесенное по столу, после чего испарился.

Встав, я оглядел молчащий зал и внятно пояснил:

– Любой сучий ушлепок что посмеет хоть что-то сказать нашим новым подругам… пожалеет.

Тишина…

– Ну? Может кто-то хочет что-то сказать? Мне например?

– Р-а-а-а! – с решительным воплем от дверей к нам кинулся только что вошедший парень – Ох…

Орочий кулак утонул в рыхлом животе агрессора, войдя по запястье. Да он костяшками его хребта коснулся, наверное. Селезенку так точно в желудок вбил – перевариваться. Парень отключился и упал. Но бессознательность ему не помогла – Рэк успел дотянуться и до челюсти, приложившись по ней смачным боковым.

– Бе-е-ей! – завопил вскочивший детина, что уже получил от меня предупреждение.

Завопил, но вперед не кинулся. Хотя его вопль возымел отменное действие – те, кто успел уже опрокинуть в себя несколько стопок самогона и разгорячить кровь, вскочили и ринулись на нас. Детина за их спинами позволил себе широченную самодовольную улыбку и сверху-вниз провел себе по паху ребром ладони.

– Не убивать – сказал я призму и то же самое повторил обрадованному орку. Девушкам коротко велел другое – Не лезьте! Но ножи держите под руками.

– Ты че творишь? – перепугано вылупилась на меня отмершая наконец Нанна – Дритт! Дритт! Дритт!

– А пусть – с той же тихой робостью улыбнулась Джоранн и, скромно потупив очаровательные глаза, добавила – Уройте сук.

Нанна вылупилась уже на подругу. А я, повернувшись, встретил ударом ноги налетевшего мужика и аккуратно разбил о его голову бутылку. Левой рукой схватил за глотку другого, зажатой в правой ладони стеклянной розочкой полоснул по его щекам, добавил коленом по яйцам и толкнул под ноги сплоченной группы из трех рыл. Один перепрыгнул, двое запнулись. Скользнув за спину прыгуну, вбил ему розочку в задницу. Выдернув, заодно боднул истошно орущего в затылок, позволил кому-то ухватить себя за плечо сзади, повернулся и всадил розочку в разинутый рот с вопросом:

– Жопой пахнет?

– М-м… А-А-А-А! – плюясь кровью, завыл доброс.

– Отойдите! Отойдите!

Прямо по куче-мале топал кряжистый доброс с лавкой над головой. Широченные плечи, крохотная голова, роскошные светлые волосы, бугрящиеся под расстегнутой курткой мышцы груди и вялый свисающий живот распирающий материю майки.

Я прошел мимо. Вплотную. И даже не тронул. Просто плюнул в глаз. И этого хватило, чтобы богатырь потерял нацеленность и

сбился с шага. А этого уже хватило облепленному тремя добросами орку, чтобы ударить сапогом по колену и уронить колосса прямо на начавших вставать союзников. Стряхнув с себя надоедливых и неумелых врагов, Рэк подпрыгнул и со звериным воем приземлился на затылок богатыря обеими ногами. Застрекотавший Хван крутнулся и от него отлетело двое, получивших удары по лицам. Брызнула кровь – она летела с рассеченных лиц и от мокрых от крови рукавов куртки призма.

Еще пара шагов. И я остановился у стола с застывшим на лавке детиной. Устало выдохнул:

– Я ведь предупреждал?

– Послушай… – детина с надеждой вскинул на меня перекошенное лицо – Выпьем? За дружбу! И уважение!

Коротко ударив его в горло, дождался, когда он с сипением схватится за ушибленное место обеими руками, положил руку на его затылок и с силой дернул, припечатывая трусливого ублюдка лицом о каменную столешницу. И еще. И еще. После третьего удара что-то мерзко хрустнуло. После пятого начало чавкать. После десятого начало еще и брызгать – большей частью на сидящих напротив и уже даже не воющих от ужаса девиц, никак не могущих оторвать обезумевших взглядов от того, что некогда было симпатичной харей их дружка доброса.

Оглядев бесформенное месиво с едва различимыми наметками переломанной челюстью и дырой рта, откуда вытекала кровавая река несущая выбитые зубы и какие-то ошметки, я уронил тупорылую голову на стол и, опершись о спинку лавки, с интересом спросил девиц:

– А почему здесь нет полусферы системы?

– Мать доб-бра… за весельем не б-бдит – ответила девица что была старше и какой-то более помятой – Веселись от души доб-брой, доб-брос…

– Проб-блемы с дикцией? Помочь? Знаю один метод надежный.

– Нет! Нет! Не надо!

– А чего добросы такие хилые в драке?

– Мы же не верги! – ответила вторая, причем ответила сердито – Мы не верги! Зачем нам?

– И правда – кивнул я и двинулся к нашему месту.

Тела я перешагивать не стал. Шагал прямо по ним. Все лучше, чем по скользкому от крови и мочи полу. А судя по запаху – тут только что и говном древние каменные плиты смазали. Ничто не свято в этом мире. Что за отношение к старой доброй постройке?

– Отпусти – велел я призму, зажавшему скрещенными

лезвиями в углу даже не орущего, а пищащего молодого парня и медленно приближающего к перекошенному лицу щелкающие жвала.

Вот откуда запах дерьма идет…

Призм не отреагировал.

– Отпусти – повторил я.

Ноль реакции. В этот раз я ударил. Подхваченной с пола бутылкой по бронированной голове сбоку. Подействовало. Призм обернулся. Дернулся ко мне. И замер, едва не наткнувшись на застывшее у огромного глаза лезвие моего ножа.

– Боец… еще раз ослушаешься дважды моего приказа… – неспешно произнес я.

Нездорово мерцающие неземные глаза призма потухли. Он медленно подался назад, тряхнул головой, треснул себя лезвием плашмя по ушибленному месту, словно выбивая остатки дури.

– Извини, командир. Не повторится.

– Хорошо. Даже прекрасно – улыбнулся я и повернулся к официанту – А можно нам столик почище? А то ваши тут так все засрали…

– Ы-ы-ы-ы… – плакал и стонал забившийся в угол паренек, что, похоже, навсегда получил если не сумасшествие, то дикие проблемы с психикой так уж точно.

– Конечно – с запозданием кивнул официант – Конечно… за другой столик…

Я ткнул за окно:

– Вон там пара столиков свободных. Мы там расположимся.

– Конечно. Я все перенесу.

– Быстро – хлопнул я в ладоши.

Поторапливал своих, но заметался официант, умчавшийся на кухню и загремевший там чем-то.

Редкие из оставшихся на ногах посетителей – те что не вмешивались – пытались не смотреть, но никак не могли оторвать глаз от распластанных на полу добросов. Стоящий за стойкой хозяин заведения усиленно протирал тряпкой бокалы, с хмурой сосредоточенностью осматривая ряды бутылок и явно видя на них огромное количество требующей незамедлительного уничтожения пыли.

Через минуту мы сидели снаружи. Я вытирал салфеткой кулак. Девушки прижались к стене. Так казалось. Но на самом деле к стене прижалась Нанна, держа в объятиях Джоранн. И держала без всяких на то причин – рыжая не была испугана. Наоборот. Она была возбуждена. Коротко дернувшись, рыжая красотка освободилась от потных пут и подалась в другую сторону, скользнув тонкими пальцами про пробившемуся сквозь

рукав куртки изогнутому шипу лезвия призма.

– Больно? – спросила она Хвана и в ее ставшем вдруг хрипловатым голосе звучала вовсе не робость. Там звучало многое другое, но не робость.

И эти интонации были столь явственны, что их уловили все. Уловила и Нанна. И тревожно привстала, дернула подругу за рукав:

– Мы лучше пойдем.

– Иди – не оборачиваясь, ответила Джоранн, не отрывая прекрасных глаз от покрытого чужой кровью лица-морды призма с сомкнутыми жвалами.

– Джоранн – изумленно выдохнула Нанна – Ты что? Ты чего? А? Он же… он же мужик!

– Ага – кивнула Джоранн, цепляя со стола стопку и опрокидывая в рот – Мужик…

– Вот дерьмо дритское – буркнул орк, бросая под ноги окровавленную скатерть, которой почти безуспешно пытался оттереть харю и волосы – Вот дерьмо… да ну на… баба то с особой фантазией в башке…

– Выпьем же – усмехнулся я, тоже поднимая стопку и, чуть пригнув голову, глянул наверх и в сторону, убедившись, что мы находимся в поле зрения полусферы наблюдения.

– Он же насекомое… – тихонько проскулила крепышка, что поняла – все, ее тихое женское счастье только что закончилось – Насекомое… и мужик!

Мы выпили.

И снова разлили. На стол легли деревянные доски с нарезанным мясом. Рядком встали какие-то салаты. Добавились еще кувшины с компотом. Официант летал ракетой. И тащил уже все подряд – походу просто хватая с кухни любые полные тарелки и таща сюда. Ну и ладно. Подцепив с тарелки что-то напоминающее двух скорченных в агонии трахающихся моллюсков, я закинул розовую массу в рот и жеванул. Вкусно… прямо вкусно… а к ним дозу салата из водорослей, кусок той птичьей ляжки, а сверху огромную ложку от гигантского куба дрожащего на тарелке мясного студня. Прожевать, запить компотом. Повторить все с самого начала. Влить в себя стопку самогона. Оглядеться. Прислушаться к возне в трактире – из дверей начали выволакивать пострадавших. Кто-то выходил сам, кого-то несли. И все дружно двигались к медблокам.

А к нам целеустремленно шагали восемь рыл. И все как один в блестящих на зимнем солнце серебряных кольчугах. Верги. Тут две группы, судя по их движениям. И все их ошибки сразу на виду – я мигом вычислил лидеров, опознал и бета-самцов. Увидел

и открыто несомые ловчие сети. Наших знакомцев не видать – либо группа Мнута на больничном, либо подоспеют позже.

Чуть повернув голову, жуя студень, смерил взглядом еще двоих – тоже в кольчугах, тоже шагающих целеустремленно, но при этом выглядящих посерьезней. И в боевом плане посерьезней и в социальном. Не иначе командиры пожаловали. Но Кормчего среди нет – это я понял сразу по поведению окружающих. Лидера поселения так не встречают. А вот злорадности на искореженных лицах пострадавших хватало – многие даже забыли про терзающую их боль и липкое дерьмо в штанах. Остановились и приготовились лицезреть…

Со стуком положив поверх двух кувшинов игстрел – а «свинка» под столом на колене и все еще закутана – я, прожевав осведомился:

– На кой хер с сетями, мужики? Тут рыбы нет.

Остановившись, верги переглянулись. Со стороны раздался раздраженный крик:

– Дритт! Я же говорил! Они вооружены дальнострелом! Куда претесь с сетками?!

– Не ори, Мнут! Я тебе не боец поджопный! – сиплым ревом ответил лидер одной из групп.

Я с интересом наблюдал. Нанна попыталась еще раз, тихо и заботливо проскулив:

– Джоранн… тебе хватит самогона.

– Да – согласилась красавица-прелестница, даже и не думая отлипать от ошарашенного призма – Плесни мне бренневина. Большой бокал.

Крепышка, опустив голову, схватила за горлышко бутылку с морошковым ликером. И явно с трудом удержала себя от того, чтобы не врезать бутылкой по голове призму. Или мне. Но все же удержалась.

С хрустом разжевав птичью кость, я еще раз глянул на полусферу наблюдения, бросил пару взглядов на потенциальных врагов. Перевел глаза на подошедшего Мнута с висящей на перевязи рукой:

– Как копыто? – спросил я – Подлатали?

– Мать добра – коротко ответил старший верг и, чуть помедлив, опустился на лавку напротив – Расскажешь, что тут приключилось?

– Мы сыроеды мирные и законопослушные – ответил я – Всегда готовы помочь следствию. Ты ведь следствие, Мнут?

– Хватит шутковать – скривившийся верг сцапал стопку орка и махом выпил – Можем и завалить.

– За что? – поразился я.

– За это – указал он на ожидающее кровавого зрелища подраненное стадо.

– Они напали – развел я руками с усмешкой и потянулся к бутылке, чтобы налить нам еще по одной – На нас бедолаг. Зашли островитяне выпить огненной воды… а тут местные проявили ничем не объяснимую расистскую агрессивность. Что-то имеете против моих раскосых глаз?

– У тебя не раскосые глаза.

– А так? – спросил я, растягивая пальцами уголки глаз.

– Эй! Хватит! Расскажи, как дело было!

– Да рассказывать нечего, верг. Мы сидели с подругами. Отмечали знакомство. Вошедший хреносос с фигурой трахнутого тунца – вон тот – я указал на «нулевого пациента» – оскорбил нашу подругу и получил заслуженное наказание. После чего на нас набросился еще один. А затем и остальные почти в полном составе. Есть еще один мудак. Он их подзуживал. И если бы не он – такого побоища бы не произошло.

– Кто он? Имя?

– На кой черт мне его кличка? Но вон он улыбается гадко – обличающе указал я.

Держащие на весу «нечто» с болтающимся на шее тем, что некогда было лицом – и даже в чем-то волевым – глянули на кровавую дрожащую массу и едва не сблевнули. Удержались и попытались потащить детину дальше, но тот дернулся, замычал с брызгами, уперся ногами в землю. Он хотел видеть… хотел видеть расправу над гребаными суками сыроедами! Хотел видеть это сейчас! Лучшее обезболивающее!

– Ты же хочешь мира? – спросил я Мнута.

– Кто не хочет жить спокойно? – легко ответил тот.

– Тогда на брудершафт! – расцвел я в улыбке – Такой обычай наш островной! Первый шаг к вдумчивому доверительному разговору!

– Э…

– Давай, давай – подбодрил я верга, наклоняясь со стопкой к нему через стол – Срать!

– Что?

– Срать! – поддержал меня орк, поднимая свою дозу.

– Срать! – отмер призм и в его голосе звучало удовольствие хищного сытого насекомого.

– Дритт – проскулила крепышка Нанна.

– Срать! – уверенно заявила Джоранн, со звоном ударяя бокалом о стопку призма и добавляя – И со мной на брудершафт. Доверия ради…

И ведь добилась своего, сумев обвить рукой лезвие призма

спрятанное в рваных кровавых ножнах рукава. Рыжуха набухалась…

Выпил и я с Мнутом. И глянул в сторону, где бессильно обвис на чужих руках изуродованный детина. Он уже не сопротивлялся, когда его потащили к медблоку. А я спросил:

– А чего Кормчий не захотел?

– Чего?

– Ее – кивнул я на рыжую красотку – Кормчий мужик?

– Мужик.

– Властный?

– Ну.

– Баб любит? Или… а… теперь понял…

– Да баб, баб он любит! Вернее – бабу! Одну! Валькирию свою. Волшебницу нашу.

– Оппа… – буркнул я – Волшебницу, говоришь?

– Волшебницу – подтвердил верг, не моргнув и глазом.

– Да что ж за хрень то вокруг творится? – развел лапами орк Рэк – А? Что за дерьмо такое происходит?!

– Язык болтливый придержи – мрачно посоветовал Мнут, полоснув по возмущенному орку суровым взглядом.

– А то что случится? – с готовностью встал толком не оттершийся от крови орк, ухмыляясь так многообещающе, что к оружию невольно потянулись все десять вставших вокруг нас полукругом вергов.

– А то прокляну тебя нахрен и молчать будешь пока не сдохнешь!

Это грозное обещание прилетело из-за спин подошедших последними пары вергов, которых я подсознательно оценил как «более весомых». Вышедшая из-за них женщина в синем длинном платьем с белым кружевным воротником, выглядела и ощущалась как самая опасная из всех добросов, что я видел до этого.

Ухоженная. Это первое что бросается в глаза. Золотистые волосы распущены по плечам, волевое породистое лицо, чересчур тонкие плотно сжатые губы, зеленые глаза. Ей на вид лет тридцать с чем-то. Стало быть она старше – подобная женщина не станет мириться с подступающей старостью и даст ей яростный бой, отсрочив появления первых признаков увядания лет на десять, а то и больше.

– Волшебница? – поинтересовался я мирно.

– Она самая – строго кивнула златоволосая, уперев руки в бедра и внимательно оглядываясь – Мать гневается. Что вы устроили тут, чужаки?

– А че сразу мы? – усмехнулся я и медленно поднялся – Что сразу за своих начинаешь глотки рвать? Разобраться не

пытаешься?

– А тут попробуй разобраться – ничуть не смутилась она – Судя по запросам – вы этнос семнадцать. Сыроеды островные. Мирные оленьи пастухи и рыболовы. И как? Похоже? – волшебница обличающе ткнула пальцем.

Но не в нас, а в стену здания выходящую на эту небольшую площадь выложенную массивными каменными плитами. Отхлебнув кисло-сладкого бренневина – морошкового ликера – я глянул на стену. Бойцы и девушки уставились туда же.

Поверх оштукатуренной стены имелся красочный яркий рисунок. И его явно регулярно подновляли. На стене была изображена цветущая многоцветная тундра, брели куда-то лениво олешки, на заднем плане виднелся край темного леса, а среди деревьев угадывался звериный волчий силуэт. На ближнем плане морской берег, там курился дымок над несколькими ярангами, у которых сидели за выделкой шкур красивые черноволосые женщины. К олешкам поспешали мужчины. Еще двое замерли с занесенным гарпунами по колено в воде. Несколько пронзенных солидных рыбин лежало на берегу. Слева, у крайней яранги, сидел на обрывке шкуры седовласый дедушка, занятый разбиванием оленьих костей.

– Родина – пьяно всхлипнул я и утер глаза рукавом – Эх…

Опрокинув в себя ликера, поморщился, глянул с подозрением на бутылку.

– Родина? – переспросила валькирия и звонко рассмеялась – Чушь! Вы такие же сыроеды как и я! По внешности даже рядом с сыроедами не стояли!

– Че к цвету волос цепляешься? Мать что говорит? – буркнул я недовольно – Мы сыроеды?

– Да – легко признала волшебница – Но внешне…

– Мы незаконнорожденные – отмахнулся я – Нас тунцы зачали. Слушай… давай без детских игр?

– Давай. На кой устроили тут все это дерьмо? И не говори, что случайно. И перебрались сюда сразу после побоища тоже не случайно – под пригляд Матери поспешили, да? А чего не остались в Алом Дракке? Мы бы зашли. Продолжили бы начатую бойню.

– Хочешь я уделаю любого из твоих вергов прямо щас? – предложил я – Без стрельбы. Нож на нож.

Волшебница задумчиво глянула на стоящих вокруг вергов, скользнула взглядом по раненому Мнуту.

– Исподтишка нападать умеете.

– И в лоб бить умеем. Насчет устроенного дерьма – не льсти себя, волшебница Светлого Плеса. Мы тут задерживаться не

собираемся. Остановились передохнуть, закупиться, выполнить пару поручений системы, оглядеться.

– Матери – поправила меня волшебница – Поручения Матери.

– Закончим здесь дела – и двинемся дальше – продолжил я, будто не заметив поправки – Поэтому… дайте спокойно пожрать и выпить, а? И заканчивай уже этот балаган. Как не крути, что не делай – жертвы здесь мы. Добросы напали. Сыроеды отбивались. Все на этом. Не веришь нам – иди расспроси своих сраных подданных. А нам мозги не трахай.

– Я могу и тебе язык подрезать – заметила валькирия, широким шагом направляясь к медблокам – Одно мое слово. И ты потеряешь язык.

– Прям сразу? – удивленно уточнил я, поднимаясь – Ты сказала – и я язык потерял. Так?

– Так.

– Давай – открыв рот, я вывалил язык, поболтал им. С хлюпаньем втянув обратно, сплюнул под стол, поднял взгляд на волшебницу – Давай. Говори свое слово. Пусть пропадет язык.

– Не провоцируй, сыроед.

– Глупый островитянин хочет увидеть могучую магию волшебницы с большой земли… давай, красивая. Долбани меня словом. Можешь?

В повисшей тишине мы с златовласой мерились злыми взглядами. Когда напряжение достигло апогея, она отвернулась и продолжила путь к медблокам. Глянув на приметные двери целительных учреждений, я усмехнулся и высказал самое очевидное предположение:

– Язык пропадет не сразу, а после твоего слова, разрешения системы и посещения мной медблока, где мне его и вырежут. Так? В этом твоя псевдомагия?

– Как заглянешь в очередной раз в медблок – так и узнаешь! – с многообещающей усмешкой отозвалась волшебница.

Но по ее голосу трудно было что-то понять, но я все же сумел уловить главное. Все верно. Так называемая магия – по крайней мере эта – работает через медблок. А все ее «волшебство» – дар системы и только через систему и работает.

Кто-то чересчур много болтает – влиятельная валькирия произносит заклинание и после очередного посещения медблока болтуну хирургически удаляют язык и бережно убирает неумолчный орган в коробочку. Как волшебница простит раскаявшегося немого – пришьют обратно. И это вполне можно считать проклятьем. Причем проклятьем двойным с отсроченной первой частью – пока жертва волшебницы сама не посетит медблок по необходимости, язык останется при нем. Сначала

боишься и молчишь от испуга. Ну и за здоровьем следишь. А потом, когда уже отхерачили язык, молчишь вынужденно.

И сколько там можно проходить под отсроченным проклятьем?

На самом деле ведь жутковато…

И что еще умеет волшебница? Какой «магией» владеет?

Гыргол, островной шаман и вождь по совместительству, умел немало. Скалы морские поднимал и опускал. Воду убавлял и прибавлял… Его тоже можно смело называть волшебником.

Гадать можно до бесконечности. А я гоблин окраинный, какой из меня гадатель? Я только жрать и срать умею – типичный обитатель Окраины.

На том и порешил, подтащив к себе тарелку с остатками трахающихся моллюсков. Принялся за еду. Моему примеру последовали остальные бойцы. Джоранн не сводила затуманенных глаз с призма – кажется, рыжая даже не заметила появления волшебницы и продолжающих стоять вокруг вергов. Нанна что-то жалобно забубнила, дернула подругу за рукав. Прожевав, я проворчал:

– Уймись, дура. Забыла про два трупа? Куда рвешься?

– Джоранн моя…

– Она не твоя – покатав во рту, выплюнул мелкий осколок ракушки на тарелку – Она своя собственная. И чем больше ты дергаешься – тем хреновей у тебя получается. Успокойся уже. Заткнись и набивай пузо. Кстати – тебе за все это платить.

– Что?

– Ты ведь угощаешь, забыла? – усмехнулся я и повторил – Не дергайся. Жми булки в скамейку. Поняла меня?

– Да… дритт… дритт… сука… лучше бы я отсосала Греджерсу…

– Так иди и отсоси – благословил я – А… нет… уже не выйдет. Член Греджерса сожран… Рэк… кто там сожрал член Греджерса?

– Тот мелкий огрызок? Токр. Мировой чувак – вздохнул орк – Я обещал плеснуть ему самогона за труды.

– Обещал – плесни.

– Сделаю.

– Можешь наведаться к Токру – предложил я – Они теперь с Греджерсом считай родственники…

Судорожно сглотнув, Нанна дернулась и замотала головой. Смерив ее взглядом, я зло сказал:

– Прогибаться и сосать всегда легче. Сначала. Но жизнь не леденец. Ее сосаньем не возьмешь – грызть и рвать надо!

– Волшебница возвращается – оповестил отмерший призм.

– Вижу – кивнул я, наливая себе компота.

Когда валькирия подошла – остановившись шагах в пяти – она чуток помолчала для солидности и только затем вполне мирно произнесла:

– Претензий к вам нет, гости добрые. Пируйте. Угощение за счет города.

– Выпьешь? – предложил я.

– Не выпью – усмехнулась она и пошла прочь.

Приостановившись, ткнула пальцем в бегущую по площади жирную курицу и произнесла коротенькое слово. Курица подпрыгнула, кувыркнулась и рухнула, забившись на камне. Чуть подергав лапами, замерла. Тут можно не гадать – птичка сдохла. Убедившись, что мы увидели и оценили показательное выступление, валькирия пошла дальше и больше уже не оборачивалась. Следом за ней утопали два «весомых» верга. Никого не спросив, Мнут подсел к нам, подгреб бутылку.

– Я хочу стать волшебницей – вздохнула мечтательно Джоранн.

– Да я сука сам чуть не захотел стать волшебницей – признался я, вставая.

Медлить не стал. Несколько раскачивающихся широких шагов и я упал на колени рядом с дохлой курицей. Короткий осмотр. И я вернулся к столу, оставив дохлое пернатое.

– Как? – жадно спросил орк.

– Игла – ответил я коротко, поднимая глаза к висящей над городом полусферой – Крохотная игла.

– И это магия? – скривился Рэк.

– А ты чего ожидал? – хмыкнул я – Изумрудных вспышек и хор небесный? Магии нет и не будет, гоблин. А вот моментальная реакция системы на запрос валькирии – налицо. Задержка почти нулевая.

– Ты в курсе что я здесь сижу и все слышу? – поинтересовался верг Мнут.

– И что? – удивленно воззрился я на стража правопорядка – Ваша волшебница и жена Кормчего по совместительству сама захотела дать повод для обсуждения.

– Не поспоришь – после секундной паузы кивнул верг – Какие планы, гости дорогие?

– В смысле – когда вы уже свалите нахрен? Это спросить хотел?

– Люблю умных сыроедов. Так когда уже свалите нахрен?

– А че проблема? – прорычал Рэк – Мешаем?

– А че не проблема? – в тон ему ответил Мнут, подбородком указывая на кучкующихся у медблоков пострадавших – Они моя

забота. Моя и других вергов. Когда ни за что ни про что калечат добросов… это нехорошо.

– Ни за что? – переспросил я – Они напали веселой толпой. И должны радоваться, что никто из них не сдох. Эти хренососы легко забили бы нас насмерть и заодно поимели бы местных недотрог под это дело, не окажись мы такими наглыми тварями, что посмели дать отпор!

– Даже овцы порой беснуются – коротко ответил Мнут, и в его словах прозвучало многое.

Столь многое, что я не смог не уточнить:

– Прямо овцы?

– Мирные и спокойные – подтвердил верг – Обычно наш люд так просто из себя не выведешь. Подраться они порой любят – но всегда один на один. Как заповедовано.

– Кем заповедано?

– Присказка такая – досадливо отмахнулся верг здоровой лапой – Ты любишь цепляться к словам, сыроед. Въедливый. Приставучий. Как дерьмо на подошве сапога – хрен отделаешься. Владыка просила передать – хватит создавать проблемы городу. Иначе она создаст их вам. И я так вам скажу – ее злить не стоит.

– Владыка? А разве не Кормчий?

– Не цепляйся – повторил Мнут.

– А как зовут великую волшебницу?

– Астрид. Валькирия Светлого Плеса.

– Астрид. Валькирия Светлого Плеса – покатал я на языке – Звучит.

– Звучит – согласился со мной призм.

– Так когда в путь дорогу? – надавил верг.

Попытался надавить. Но наткнулся на мой насмешливый взгляд и снова с досадой махнул лапой:

– Ты кто такой, сыроед? Чего такой дерзкий?

– Мы здесь задерживаться не собираемся, верг. Как дела кончатся – уйдем обязательно.

– Да откуда у вас тут дела?

– Вот, к примеру скоро патрулирование портовой зоны намечается – вздохнул я, с сожалением отставляя налитую орком стопку и пододвигая ближе кувшин с компотом – Приходится трезветь.

– Мать поручение дала?

– Система выдала задание – подтвердил я иными словами.

И отметил гримасу неудовольствия, мелькнувшую на лице верга, стоило ему услышать слово «система». Что-то с каждым новым географическим пунктом на нашем пути обожествление системы становится все более явным.

На Окраине слово «Мать» говорили равнодушно. Так поминают бога неверующие. И взывают к нему истово лишь в самые отчаянные мгновения – когда от страха вера вдруг пробуждается. Да были там фанатики, но и они как-то механически свои роли отыгрывали. В Дренажтауне вера была поярче. У пауков… толком так и не понял. Больно уж быстро мы там промчались. Великаны дэвы верили по-настоящему, намешав туда же странные медитативные техники и добродушие с редкими кровавыми забегами-загонами. Остров сыроедов… островитяне верили искренне. Мать-Скала, магические ритуалы…

И вот городок Светлый Плес…

Тут можно легко вызвать нервный тик у местного населения одним лишь упоминанием слова «система».

– Система! – буркнул я и верг дернулся.

Рэк захохотал.

– Дритсеки тупые! Чего скалитесь?! – прошипел Мнут – Над кормящей рукой насмехаетесь!

– Кормящей рукой? – удивился я – Хм… Система – это компьютер, Мнут. Компьютерная программа. Возможно искусственный интеллект хотя я в этом вроде не спец. Но в любом случае управляющая система – кем-то создана. Причем не божеством. А человеком. Каким-нибудь хиппи в рваной футболке, с сигаретой набитой травкой в зубах и банкой энергетика в руке. Ну или смешанной бригадой из опрятных хорошистов и бородатых гениев. Они сотворили систему. Они нажали кнопку. И чему вы молитесь? Компьютерной системе кнута и пряника?

– Помолчи! Грешно! – рявкнул не выдержавший Мнут.

Не скрывая изумления, я глядел на него секунды три, медленно цедя компот прямо из кувшина.

Вот дерьмо…

Он же прямо-таки оскорблен в лучших религиозных чувствах…

Надо надавить посильнее и посмотреть, где брызнет гневно – изо рта или из жопы.

Но едва я раскрыл рот, как послышалось далекое, но очень злобное и даже обличающее:

– Сука ты сраная Нанна! Где Сьюг? Где Греджерс? Куда подевали их?!

Мы дружно повернули головы. Продолжая цедить сладкую водицу, я с любопытством наблюдал за приближением широко шагающего высокого старика, размахивающего топором. За стариком семенила девка чем-то напоминающая саму Нанну – невысокая, коренастая, некрасивая. Исказившая ее харьку злобная гримаса не добавляла красоты.

– Крухр – обреченно вздохнула Нанна.

При этом на ее лице отразилось столько быстро сменяющих друг друга эмоций, что увидь их Мнут – и он, даже не зная сути, мог бы уверенно заявить – эта сука в чем-то виновна! Повезло, что подраненный верг с недоумением пялился на торопящихся добросов.

Хотя добрыми они не выглядели совершенно…

– Где наши тебя спрашиваю?! Куда увела? Что сотворила?! Кайся, сука! Кайся! – и без того громкий голос старика поднялся до вибрирующего рева.

– Заткни пасть! – рявкнул не выдержавший звуковой атаки Рэк – А то я тебе лицевые морщины на жопу натяну, крикун гребаный!

Алкоголь начал говорить свое веское слово… Но я особо не переживал – остановить Рэка всегда смогу. А бутылки на столе опустели.

Осекшийся Крухр замер с поднятой ногой. Бегущая следом девка едва не врезалась ему в спину. Задумчиво облизав губы, старик подергал смешно носом и, опознав среди сидящих не только нужную ему Нанну, но и верга Мнута, воспрял духом и продолжила обличительную речь. Но уже говорил, а не орал, заменив громкость ожесточенным тыканьем пальца:

– Ты! – палец ходил туда-сюда, тыкая в Нанну и приближаясь с каждым новым шажком старика – Ты увела! И они пропади! Где они?! Где? Отвечай!

– Так… – не выдержал на этот раз Мнут, отставив опустевшую стопку и поднявшись – Успокойтесь, уважаемый. Поберегите нервы свои и окружающих.

– Дритт! – ответил на это Крухр.

Глазом не моргнув, Мнут продолжил увещевать:

– Не станем позориться пред оком Матери. Что подумает она?

В этот раз старик чуть сдулся. Глянул боязливо в небо. Ему помогла спутница, произнеся с неким надрывом в голосе, но при этом с абсолютно равнодушным лицом только что проснувшейся тетери:

– Сначала Нанну увел поговорить Греджерс. Потом она вернулась и увела за собой Сьюга. Больше мы их не видели. Парни исчезли. Где они? Куда делись?

– А ей откуда знать? – поразился я, одновременно жестко ударяя под столом пяткой сапога по ступне открывшей было пасть Нанны – Она с нами была. А парни… один жирный, другой уродливый? Так они вдруг обнялись крепко и с криком – в жопу всех! – умчались куда-то.

– Ты видел их? – повернулся ко мне Мнут.

По его напрягшемуся лицу было ясно, что старший верг уже почуял беду. Почуял даже не мозгами, а хребтом. И торопился подтвердить свою подсознательную догадку.

– Не – отмахнулся я – Ну кой хер мне следить за вашими тупыми дритсеками? Пусть себе трахаются где хотят.

– Так они?

– Да хер его знает.

– Насрать нам – пришел на помощь орк – Никто ничего не видел.

– Подтверждаю – механически кивнул призм.

– Запрос – произнес Мнут.

Произнес машинально. Просто сорвалось у него с губ. Старший верг отправил официальный запрос системе, и я мог поставить каждый из имеющихся солов, вернее сэбов, что он спросит у всезнающей Матери самое главное на текущий момент – где последний раз видели гребанных Сьюга и Греджерса…

Старший верг встал. Машинально уронил руку на рукоять меча. Впился в меня мрачным взором:

– Мать говорит, что последний раз она видела и Греджерса и Сьюга заходящими за угол гостевого дома. Оди…

– Да? – безмятежно улыбнулся я.

– Дерьмо намечается? Сразу скажи.

– А мы тут причем? – поразился – Ты на нас не вешай. Мы сыроеды мирные. На тунцах приплыли мир большой поглядеть.

– Не вешай что?

– Да плевать что. Если они там трахаются за оградкой – как у вас принято – мы их на это дело не уговаривали.

– Мать указывает, что вы покинули гостевой дом спустя почти час после того, как их видели последний раз – задумчиво произнес Мнут – Так… своих я созвал. Дритт!

Ничто не указывало на беду прямо. Но верга аж корежило. Уважаю – профессиональная чуйка развита отменно. Но мало ли что у него там развито – мне глубоко плевать.

– Нас в чем-то обвиняют? – лениво потянулся я.

– Вас? О нет. Отдыхайте спокойно, гости дорогие – покачал головой верг – Все мои вопросы касаются достопочтимой боссат Нанне. Уважаемая… не знаете ли вы о том, где сейчас находятся добросы Греджерс и Сьюг?

– Нет – ровным, слишком ровным и слишком спокойным голосом ответила Нанна, выглядящей даже не просто скверной актрисой, а актрисой сдохшей, чуток потекшей дохлым лицом, а затем заботливо подмороженной в морге и возвращенной на сцену этого дешевенького спектакля.

М-да…

Такой внутренней паники я ожидать не мог. Ткни сейчас ее пальцем – и она со свинячьим визгом выложит все виденное и слышанное.

– Они ушли – произнес я, нанося резкий и сильный удар сапогом по второй ступне Нанны.

– Ахп! – она подалась вперед, едва не ударившись лицом о стол. Помедлив, взяла стопку, выпила, выпрямилась, взглянула на мир со столь кретинской улыбкой, что у меня возникла прекрасная идея.

Опустив руку под стол, я выудил пару серых таблеток, растер их большим пальцем в одной из стопок, передал Рэку. Догадливый орк прикрыл донышко стопки пальцем, плеснул туда остатки самогона и передал Нанне. Там замотала головой:

– Мне хватит.

– Пей, сука – с ласковой улыбкой попросил Рэк едва слышно – Или силой волью либо в пасть либо в жопу.

– Что он сказал? – подался вперед нерасслышавший верг.

– Говорит Нанне не волноваться – перевел я с улыбкой.

– А с чего бы ей волноваться?

– Но вы же все как один против них ополчились? Типа ступка ступке не пара, без стального могучего пестика никак не обойтись в таком деле. Верно?

– Ну… – крякнул верг, первый раз отведя взгляд – Не мое это дело.

– Это точно – подтвердил я – Не твое. Но ведь ты против? Так?

– Каждый доброс имеет право на личное мнение и личную жизнь – парировал Мнут и, кашлянув, добавил – Возвращаясь к теме. Боссат Нанна…

– Да хрен его знает куда они делись – Нанна полыхнула настолько широкой и ослепительной улыбкой, что старший верг на пару секунд ослеп – Срать я хотела на этих тупых дритсеков!

– Эй! – ожил старый Крухр – Следи за языком, девка!

– Да пошел ты, хрен старый! Ты первый в нас с Джоранн пальцем тыкал! Тебе то что? Твой жеребец давно свое отскакал! Чего слюни пускаешь?

– Где видано чтобы девки потными сиськами терлись? – взорвался в ответ старик, позабыв про своих потерянных напарников – А?! Где видно, чтобы жопами терлись? В этом деле снизу баба, а сверху мужик!

– Только так? А наоборот у добросов запрещено что ли? – искренне поразился я – А если на боку? А если… ох я и грешник…

– Скудненько сношаетесь – констатировал Рэк – Без фантазии…

– Так! – рыкнул старший верг и хлопнул здоровой рукой по столу – Хватит! Нанна! Еще раз спрошу!

– Не знаю и знать не хочу! – ударенную самогоном, наркотиком и моим сапогом Нанну уже ничто не могло тронуть или хотя бы зацепить за душу. Ей было плевать. Ей было хорошо. Настолько хорошо, что она отлипла от Джоранн и уселась сама по себе, закинув руки за спинку скамьи, выставив грудь, подставив лицо лучам искусственного слабого солнца, скрестив ноги – Пошли вы все в жопу! Всем этим сраным городком!

– Так… – повторил верг, вставая – Я прогуляюсь.

– Да и я пройдусь – предложил я, глянув на часы – У нас есть еще совсем чуток времени.

– К гостевому дому – глянул на меня с прищуром Мнут, а затем перевел взгляд на нескольких спешащих к нам вергов – Пропали два жителя.

– А может потрахаться ушли? – пожал я плечами – Тайная любовь и все такое. Так хочешь увидеть их голые жопы?

На мою подначку верг не отреагировал. И отрезал довольно жестко:

– Мы сами разберемся кто, куда и зачем ушли. Отдыхайте.

– Ну как хочешь – оскалился я и добродушно помахал рукой им вслед – Удачи в поисках!

Едва они отошли шагов на десять, я убрал с лица идиотскую улыбку и повернулся к своим:

– Поднимаемся! И в порт! Этих с собой!

– Эти с вами – проворковала Джоранн, не сводя влажного взгляда с призма.

– Идите в задницу!

Дальше с ней говорить смысла не было. Рэк попросту схватил ее за шиворот, Джоранн пошла за призмом как привязанная овечка и мы дружно двинулись к порту. Я пару раз оглядывался, но так и не заметил никого из служащих спешащих напомнить об оплате. Видимо на самом деле обедали мы за счет заведения. Все же славный у них тут городок. Одно слово – добросы.

Глава шестая

Порт – громко сказано.

Портовая зона – тоже.

Уж не знаю почему, но тема океанов и портов мне очень близка.

И я отчетливо сознавал, что здешний «размах» – полное убожество. Но при этом убожество добросами любимое и старательно оберегаемое.

Резкое и явно искусственно созданное понижение берега к морю забрано в каменную броню косой стены поросшей до тошноты милыми цветущими кустиками, молодой изумрудной травой, темными солидными лишайниками. Все выглядит до того естественно – природа мать мол постаралась – что сразу все становится ясно. Тут постаралась не природа, а старательные руки социальных работников.

Стоило нам начать патрулирование и пройти треть портовой зоны, труды эти тут же бросились в глаза – пятерка улыбчивых добросов старательно выкорчовывали из щелей между камнями пожелтевшие растения. А следующая пятерка, двигающаяся куда медленнее, обильно брызгала в опустевшие земляные гнезда из мощных наспинных спреев чем-то серым и знакомым, не жалея медленно стекающую слизь.

Серая слизь…

Похоже, но просто совпадение. Хотя я невольно и поискал взглядом ведра.

Третья пятерка добросов сажала в опустевшие и промоченные неким раствором гнезда молодые зеленые кустики, рассыпали семена, впихивала толстые и сочные ломти лишайника.

Так и просилась добрая улыбка на уста сахарные.

Но мой злобный разум больше интересовался причиной возникновения этого огромного жухлого желтого пятна прямо посреди стены – почему умер кластер растений именно в этом месте? Что скрывается за каменной броней?

Разум интересовался, но не настолько, чтобы тратить на расспросы время.

Я предпочел полюбоваться тихим морем и поглазеть на покачивающиеся у причала парусные кораблики с высокими гордо задранными носами. В центре, подобно гордому папе в окружении отпрысков, замер двухмачтовый крупный корабль. Почерневшие от какого-то вещества деревянные борта, дрожащие тросы и канаты парусной оснастки, ни малейшего намека на флаг, штабеля ящиков и ряды бочек неподалеку и на палубе,

бухты и бухты толстых канатов, стоящие в специальных гнездах здоровенные хищно загнутые крюки такого размера, что на них как раз нацепить средней жирности ампутанта.

Вбить крюк в жопу, хорошим усилием провести жало через пузо в грудную клетку, не обращая внимания на просящий взгляд червя. Хотя нет… не вариант. Наживка же сдохнет от такого внутреннего надругания, а призмов в воду бросают живыми. Чтобы привлекали к себе здешнюю особо привередливую и особо крупную рыбку.

Мы с Рэком покосились на призма. Хван, поведя с треском плечами под курткой, бесстрастно поинтересовался:

– А кто сучий капитан сей лодки?

– Красиво сказал – признал я невольно и толкнул его в спину – Вперед!

– Я просто хотел задать пару вопросов.

– О чем? – с интересом спросил я – Типа – не ты ли хотел мне крюк в жопу вбить и в море бросить, кэп? А он тебе – да мне нахрен откуда помнить? Я каждый день преступные жопы крюками рву и таких сученышей как ты в море ногой пихаю. Так вот ответит он тебе. И? Ты что сделаешь?

– Отреагирую – спокойно ответил Хван.

– Красиво гнида сказала – заржал орк и, сделав голос неестественно спокойным, пробубнил – Отреагирую…

– Не наш вариант – фыркнул я – Ты что конкретно хочешь узнать, насекомое? Кто тебе копье в пузо вбил? Кто на корабль приволок, решив наживкой сделать? За что тебя в призма обратили, через эшафот проведя?

– Все вместе взятое.

– Все вместе взятое – повторил я – Ладно. Пусть будет все вместе взятое. Но помни, Хван – в некоторые темные места лучше не светить фонариком. Иначе столько там дерьма прилипшего к стенкам увидишь…

– Да не будет в жопе света! – во всю мочь легких заорал бухой Рэк – Ибо нехер!

Рухнул за борт один из широкоплечих грузчиков, булькнув вместе с толстым стальным крюком. Грузчик вынырнул. Крюк остался на дне. Над портом послышалось разъяренное:

– Какой дритсек орал?! Где эта сука?! – дюжий парень торопливо подгреб к берегу, одним махом вытащил себя красиво на пирс, содрал облепившую тело мокрую рубаху, показывая мускулистый торс – Где этот дри…

– Вот он я! – с готовностью ощерился выросший перед ним орк, нанося мощный удар своей страшной «родной» рукой, жилистой, ставшей невероятно сильной за время ампутантного

выживания.

Нос грузчику даже не расплющило, а словно бы расплескало ровным слоем по харе. Он рухнул обратно в воду. А Рэк потоптался на его рубахе, демонстративно вытерев сыроедские сапоги и спокойно пошел к нам.

– Стоять, ублюдок! – звучный властный голос донесся с палубы, где появился высокий и крепкий мужик лет пятидесяти, держащий в руках самое настоящее гарпунное ружье – Я тебе, дритт, в жопе вторую дырку проверчу щас!

– Давай! – повернувшийся орк шагнул к кораблю, не обращая внимания на высыпавших на подмогу мужику троих парней. Двое из них правда тут же прыгнули в воду – спасать безвольно обмякшего на воде бедолагу.

Я не вмешивался. И Хвана придержал, поранив чуток ладонь о его локтевой шип. Повернув лицо, коротко глянул на сидевших поодаль Нанну и Джоранн, получивших наказ оседлать ящики у стены и сидеть на попах пока не позову. Поймавших мой взгляд девки откинулись назад и снова замерли. Нанна смотрела с испугом. Джоранн, что продолжала держать в руке бокал с морошковым ликером, глядела с очень нездоровым интересом.

Рэк же тем временем продолжал шагать, нацелившись грудью на гарпунное ружье:

– Давай! Стреляй! – орал он, стуча ладонью по груди – Ну же, хреносос! Стреляй! Чего замер?!

Седой мужик состроил зверскую гримасу. Приподнял ружье. Блеснул на солнце наконечник. В голос расхохотавшись, я сплюнул под ноги и пошел дальше. Призм шагнул за мной. Рэк, покачавшись чуток в метре от корабля, с презрением выставил средний палец, продемонстрировав обгрызенный почерневший маникюр команде, тоже сплюнул – на лицо вынутого из воды грузчика с разбитым носом. Наступил на чью-то случайно подставленную под сапог ладонь. И пошел за нами, больше не оборачиваясь на корабль.

У берега противно закричали белые грязные птицы, занятые ленивым склевыванием мелкой дохлой рыбешки выброшенной прибоем. И сверкающей чешуей дохлятины было немало. Реши я набрать пару ведер – хватило бы нескольких минут.

Я глянул на мертвую выкорчевываемую растительность, перевел взгляд на дохлую рыбу.

Гребанный мир гниет со всех стороны. И жалкие попытки по его приукрашиванию свежими зелеными кустиками похожи на попытку заткнуть дамбу пальцем. Может и сработает – ведь однажды вроде сработало – но надолго ли? Сколько не замазывай штукатуркой трещины в фундаменте – они никуда не денутся…

– Трусливые дерьмоеды – разочарованно проворчал Рэк – Командир… есть чего выпить?

– С бухлом завязали – качнул я головой – Патрулируй, орк, патрулируй. Призм! Башку от корабля уже отверни!

– Я просто хочу знать.

– Я узнаю – пообещал я – А пока наматывай круги, гнида. Сэбы лишними не бывают.

– Что с бабами делать будем? – поинтересовался Рэк, покосившись недобро на сидящих на скамеечек старушек, что ответили орку столь же недобрыми взглядами и пробормотали что-то крайне злое. На том и закончили короткое общение к обоюдному удовольствию. Рэк добавил – Ну хоть у старперов злоба есть. Командир…

– Да?

– Ты зачем бучу хотел в трактире? Чтобы от поисков тех двух конченных внимание отвлечь?

– И это тоже – кивнул я – Видел разбежавшихся по городу и его окрестностям добросов?

– Они ищут Сьюга и Греджерса – вернулся в разговор призм, наконец-то отвернув башку от кораблей – Вокруг гостевого дома толпятся задумчиво верги. Засыпанные могилы они точно найдут.

– Уже нашли – возразил я – Мнут не тупой. Еще парочка таких – и почти дельная бригада правопорядка. Смогут расследовать пару не слишком запутанных дел деревенского масштаба.

– Могилы нашли. И что дальше?

– А дальше поиски мельчайших следов. Отпечатки, кровь, слизь, предсмертные косоватые надписи.

– Хрен они там что найдут – Рэк победно оскалился – И могилы – тоже еще понять надо что это. Мы там все перепахали нахрен! Не найдут! Даже не поймут куда делись. А тот паренек прожорливый – под решеткой который живет и мозги жрет – он нас не сдаст. Нормальный гоблин.

– Не найдут – подтвердил я – Но поймут. То, что там порешили двоих ушлепков – они поймут. Повторю – Мнут не дурак. Но просто понять – мало. Они еще обязаны доказать. Сначала доказать сам факт убийства. Затем обязаны не просто ткнуть пальцем в подозреваемого, а еще и предоставить хоть какие-то доказательства его вины. Доказательства неоспоримые для системы.

– И вот их они не найдут – кивнул призм, разворачиваясь первым.

Отмотав очередной виток, мы двинулись обратно, добросовестно патрулируя порт. Я ненадолго отвлекся на двоих

добросов в серой одежке и с надвинутыми на глаза козырьками бейсболок. Добросы были заняты сбором рыбной и прочей дохлятины с берега, собирая их в облепленные чешуей ящики. Здешние трудолюбивые и всеми презираемые гоблины? Похоже на то. Каста неприкасаемых…

– По ходу дела разберемся и поржем – подытожил орк.

– Дождемся Мнут – подтвердил я – Но на всякий случай будьте готовы к бойне, гоблины. И помните – укрывайтесь не только от здешних гарпунеров, но и от полусферы в небе, что слишком уж послушно куриц убивает по щелчку пальцев волшебницы. Если что – ее валить в первую очередь.

– А с бабенками приблудными делать что будем? – Рэк глядел на ящики облюбованные Нанной и Джоранн.

– Во время заварушки или вообще? – уточнил я.

– Вообще.

– Тут Хвану решать. Джоранн к нему намертво прилипла.

– Рыжуха больная на всю голову – мрачно буркнул Рэк – Напрочь двинутая. Я серьезно. Есть в ней что-то злобное…

«Есть в ней что-то злобное»…

Не выдержав, я засмеялся, глядя на орка, что буквально пару минут назад размозжил парню нос по пустяковому в принципе поводу.

«Есть в ней что-то злобное»…

– Тебе это надо, Хван? – повернулся я к мерно шагающему призму.

– Что именно, командир? – спокойно ответил он – Ты про «Джоранн рядом» или про «Потрахаться с Джоранн».

– Широко вопрос ставишь – усмехнулся я – И глубоко.

– Кто знает насколько глубоко – заржал орк, заодно ткнув средним пальцем в сторону корабля с мрачным седым капитаном – Может и не слишком!

– Заткнись! – буркнул призм, наконец-то проявив эмоции – Не знаю я. Если потрахаться теста системы половой ради – я только за. Надо же знать. А вот про «Джоранн рядом»…

– Постоянно рядом – добавил я – Просыпаешься – она рядом, жрешь – она рядом, моешься – она тебе спинку трет…

– Ну да… – дробно застучали жвала призма – Нет, командир. Мне нахер это не надо. Да и с хера ли? Я ее знаю всего пару часов.

– Ладно – буркнул я – Разберемся и с этим.

– А если они с нами захотят дальше топать? – не смог промолчать орк – Тогда что? Мы здесь столько шума наделали, что после нашего ухода им тут совсем кисло будет.

– Пусть идут – пожал я плечами – До тех пор, пока смогут

идти.

– И когда мы дальше? – на этот раз любознательность проявил Хван.

– Как можно скорее – ничуть не покривил я душой, поворачиваясь к морю спиной и глядя на городок, за которым виднелась стена редкого леса. И в ту же сторону уходила почти нехоженая дорожка, что подспудно манила и манила меня.

Кормчего увидеть не удалось. Но во время заварушки успел убедиться, что вооружение здешнее мало чем может порадовать привередливого бойца. Мечи, топоры, копья, сети, ножи, дубины. Прочий тяжелый хлам.

Но из серьезного вооружения я увидел только один игдальстрел – если принять за него «магию» валькирии. Система редко промахивается. Сможет уверенно поразить цель на солидной дистанции. Так что тычок пальца здешней волшебницы в сторону жертвы вполне можно сравнить по убойности и дальность с выстрелом игдальстрела.

Если ли у меня шанс заполучить себе подобное оружие, вернее умение? Нет. Нету. Разве что на самом деле сместить нынешнюю и самому стать местным волшебником. Или же волшебницей – валькирия это же вроде дело сугубо женское? Тогда придется рубить под корень. А вот до такого доводить как-то не хочется. И ради чего? Всю жизнь прожить в Светлом Плесе отстреливая роющихся в пыли тощих куриц? Не вариант.

– А как быстро система поймет, что Сьюг и Греджерс дохляками стали? – Рэк задумчиво потер щетинистый подбородок.

– Чипы – сказал я и постучал себя по виску – Скоро наших жертв высрет сожравший их призм. Вместе с чипами, что поплывут себе воткнутыми в дерьмо все ниже и ниже по трубам. И где-то в самом конце доплывут до Дренажтауна, где изольются дождем на стальные улицы и попадут под сенсоры системы. Вот тогда-то она и поймет – парочка добросов все же сдохла. Других вариантов нет – кроме чистосердечного признания с нашей стороны.

– А мы же не настолько конченные – хмыкнул орк – Чипы…

– И у добросов они могут быть только в голове. Раз руки-ноги. Шрамов на руках и ногах я не видел.

– Я видел один – но там походу мужика система попросту починила, добавив от щедрот почти такую же на вид руку.

– Берегись! – заорали с одного из кораблей.

Предостережение было переполнено тревогой. А кричащий – один из парней на палубе ближайшего кораблика – подпрыгивал и махал руками трудящимся на берегу гоблинам, продолжающим

собирать дохлую рыбу.

Стоя на месте выискивать источник опасности я не стал. Круто развернулся и помчался к чистильщикам, на ходу срывая с плеча игстрел и шаря расфокусированным взглядом по портовой территории.

Где?

Где?

Берег пуст.

Гоблины замерли, таращатся на крикуна. Один из них широко развел руками в недоумении. Я бросил взгляд назад и увидел, как как поднявший тревогу парень тычет рукой в сторону воды.

Воды?

Взгляд вперед позволил увидеть насколько быстро изменилось отношение чистильщиков к предупреждению, едва они поняли, что указывают на море. Они рванули от берега как ошпаренные, торопясь к поросшей декоративной растительностью стене. Одному удалось. А у второго слетела обувь, и этот придурок остановился, чтобы ее подобрать.

Вода взорвалась белой пеной, пропуская на берег лоснящуюся черную тушу. Я мельком увидел огромный бессильно согнутый плавник не стоящий, а лежащий на спине. Увидел разинутую зубастую пасть, что резко сомкнулась. Услышал дикий крик боли. Брызнула алая кровь, что смешалась с белой пеной и запузырилась розовой шапкой.

Щелчок. Щелчок. Щелчок. Еще! Еще! Перезарядить! Повторить!

Я всаживал в огромный лоснящийся бок иглу за иглой и не боялся промахнуться – это попросту невозможно.

– Это же сучья рыба! – заорал Рэк, вырываясь вперед и с силой швыряя свинокол.

Ответить я не успел – прилип взглядом к призму, что быстро показал нам что такое настоящая скорость бега. В секунду оказавшись у медленно уходящей назад громадины, призм вспрыгнул ей на спину и с криком вбил скрытые в рукавах лезвия куда-то в зону хребта. А у этой твари есть хребет?

– Хоггер! Хоггер! – орали за нашими спинами.

Булькал и надрывно верещал в пасти проглоченный гоблин.

Еще шаг. Почти коснуться дулом игстрела огромного глаза. Вжать клавишу спуска.

– Берегись! – заоравший Рэк шарахнулся.

Берег пробороздила еще одна туша – чуть поменьше, но столь же злобная. Сомкнулась пасть, выплевывая фонтан грязи и воды. Мелькнула в воздухе фигура призма, перепрыгнувшего с туши на

тушу. Перезарядившись, я сменил цель и опустошил в нее еще один картридж. В небо почти одновременно ударили два коротких сипящих фонтана, бешено забилась в песке одна из рыб, показав белое брюхо. Убрав игстрел, я взялся за топор, с силой вбив его в угол пасти первой твари – пытался перебить мышцы, чтобы разжать страшный капкан и вытащить его булькающего гоблина.

С криками подоспели мореходы – вооруженные длинными копьями и топорами. И стало ясно, что морским агрессорам уже не вернуться в родную стихию – их стремительно добивали. Когда рыбины замерли, я махнул нашим, отводя их в сторону. На этот раз призм послушался сразу. Следом подошел лыбящийся орк.

Мы замерли шагах в пяти от места происшествия, с нескрываемым изумлением изучая тварей. Это нечто монструозное и при этом какое-то больное. Черно-белая кожа во многих местах изодрана – причем давно. Свисают посеревшие лохмотья. У второй рыбы только один глаз, на месте второго настоящая воронка, видна кость. У всех безвольно лежат спинные плавники – а они разве не должны стоять?

Рыбы – если это рыбы – выглядят знакомо.

– А мы сюда на долбанном плотике приплыли – дернулся орк, покрутил ошарашенно башкой – Дерьмо… да мы прямо сучьи везунчики.

– Ага – усмехнулся я – Вот тут нам повезло…

Из кое-как чуть разжатой пасти выволокли истерзанное тело гоблина, что каким-то чудом еще продолжал жить и протяжно стонать. Из пробитого живота вытекала кровь, перебитые ноги изогнуты в нескольких местах, на коже глубокие длинные борозды, вроде что-то с позвоночником. Мелочи, короче. Лишь бы донесли до медблока.

– Шагаем дальше – велел я, перезаряжаясь – Патруль никто не отменял.

Мы вернулись на маршрут, вскоре пройдя мимо вскочивших, но оставшихся у ящиков Нанны и Джоранн.

– Херня какая-то – буркнул я им – Что это?

– Спекхог. Хоггер. Касатка – ответила Джоранн, отсалютовав бокалом с ликером – Больные касатки.

За нашими спинами почти сожранный гоблин с блеющим криком выгнулся на руках несущих и обмяк. Все же сдох…

– У них тут свои плунарные ксарлы – пробормотал Рэк, принимаясь очищать нож от облепившей его гадости – Чем больные? Мы не заразимся?

– Они плачут, бросаются на берег, охотясь на все и даже не камни – с неожиданной тоской в голосе произнесла рыжая

Джоранн и махом допила ликер – Дритт! Они плачут и хотят умереть… Не все в порядке в их лобастых головах…

«Да и у тебя тоже, девочка» – мысленно подытожил я и приказал:

– Продолжаем патруль. А вы сидите здесь. Если подойдут верги и начнут выпытывать или давить – прикидывайтесь тупыми и странными, тяните время до нашего подхода. Если есть шанс – вставайте и шагайте к нам.

– Как прикидываться? – вздохнула тяжело Нанна – Ну и денек…

– Говорят валы и хогги чувствуют грядущий конец света и потому плачут, заранее поминая обреченный мир – тихо сказала Джоранн, глядя на фальшиво далекий горизонт.

– Вот так и прикидывайтесь – ткнул я пальцем в рыжуху – Тебе полегчало?

– Мне хорошо – безучастно призналась Нанна – Не знаю, что ты мне дал, но после той стопки самогона на душе легко и хорошо. Я смотрела как орущего низушка жрала больная касатка и думала лишь об одном – как красиво и безжалостно сомкнулась пасть на податливом орущем теле…

– У них получится прикинуться странными – подытожил Рэк.

– Дай еще немного чудесного – тихо попросила Нанна.

– Держи – с готовностью протянул я ей четвертушку таблетки – Но это лютое дерьмо.

Запихнув дар в рот, коренастая уселась поудобней на краю ящика и, не обращая внимания на столь обожаемую недавно подругу никакого внимания, задумалась о чем-то своем.

Призмы и мемвас – гарантированный разрушитель состоявшихся пар. Применяйте в особо запущенных случаях. Дозировка и первого и второго варьируется…

Мы пошли на новый виток. Я не скрывал любопытства, но островному сыроеду не обломилось ничего интересного. Труп унесли. Второй низушек, подрагивая, перепугано косясь в море, продолжил собирать дохлятину в ящики, ему на помощь нарочито неспешно шагало еще двое. Страх страхом, а рабочую норму никто не отменял. Я сумел разглядеть и длинную одноэтажную серую постройку высящуюся на склоне холма. Постройку, что была расположена на отшибе города. Даже кольцевая стена не обходила здание стороной, а примыкала к нему, делая его частью смешного защитного сооружения. Узкие высокие окна, дерновая крыша, пара тяжелых деревянных дверей, несколько каменных дорожек бегущих от входов в разные стороны. Причем лишь одна бежит к улице, а другие тропинки петляют так, чтобы упереться в явно хозяйственные постройки. Вывод прост – постройка ничто

иное как рабочий барак. Место обитания всех гоблинов Светлого Плеса. И предназначение здания запланировано изначально – потому и дорожки бегут куда угодно, но не к местам увеселения.

На кораблях успокоилась команда. Уселись на ящиках, расположились под мачтами. Кто-то из матросов чинил сети и проверял гарпуны, кто-то лениво копался в ящиках. Но как не крути – все они страдали херней. Лишь изображали занятость, а на самом деле просто убивали время. Похоже, у них там что-то вроде вахты. Они обязаны отбыть эту вахту полностью, не покидая при этом стоящих на приколе кораблей. И наверняка им за это платят. Но что толку сидеть на пришвартованном кораблей всей командой? Разве в таких случаях не принято оставлять лишь одного-двух матросов для приглядывания за порядком?

Кое-какое оживление царило у места недавнего побоища. Туда подтянулся десяток горожан с ножами, топорами и носилками. С другой стороны робко подоспело еще десяток жаждущих нарубить себе в рацион жирного китового мясца – низушки. Эти подошли не к брюху, а к хвосту дальней от порта косатки. Но даже прикоснуться не успели к заветной добыче – на них тут же яростно зарычал пузатый низенький мужик, так натужно сведя светлые бровки у переносицы, что я испугался за его затылок – не лопнет ли кожа у бедолаги?

– Че надо? Валите нахрен, суки грязные!

– Выброшенное на берег – для всех – робко напомнила перепоясанная старым кожаным ремнем женщина в некогда синем застиранном платье и короткой куртке поверх. Она стояла впереди группы, что старательно пыталась спрятаться за ее не столь уж и широкой спиной. Впрочем, прятались не все – высокий широкоплечий парень с топором на плече стоял в вызывающей позе за ее правым плечом и явно был готов к любому развитию конфликта.

Низушки пришли за мясом. Низушки голодны.

– У вас уши дерьмом забиты, дритсеки? – изумился пузанчик – Я же сказал! Валите нахрен пока что! Таково мое веселое повеление! Вернетесь, когда мы уйдем и заберете что останетесь.

– Вы оставляете лишь грязные кости! – в глазах спокойно стоящей женщины мелькнуло и погасло злое пламя – Остатки мяса вываляны в песке и затоптаны! И заплеваны! А нам жрать?

– А вам – жрать! – подтвердил пузан.

– У нас тоже есть право на мясо! На нормальное мясо. Мы не возьмем много – хотя бы килограмм пятьдесят. Этого хватит на…

– Я же сказал!

– Но…

– Вы не участвовали в убийстве хоггов! Поэтому – подберете остатки. Заодно избавитесь от костей.

– Наш погиб в пасти косатки!

– Да в сраку твои трудности, Хросса! Я сказал – вам жрать то, что мы оставим! Забыли свое место?!

Парень с топором свирепо набычился. Шагнуло было вперед, но в его грудь уперлась крепкая женская рука. Предводительница открыла рот… и медленно закрыла. Пузан победно осклабился. Хотел сказать что-то еще, но понял, что низушки смотрят не на него, а куда-то левее… повернувшись, он вздрогнул, едва не ткнувшись сальным носом в жвала призма нависшего над его плечом.

– Гыхы… – сказал пузан и неуклюже отпрянул на шаг назад.

Хван подался за ним, снова прилипнув жвалами к его перекошенной харе. Что-то проблеяв, пузан рухнул на задницу, выронил длинный нож.

Вперед шагнул я и ласково поинтересовался:

– А че ты тут, сука гребаная, мое мясо резать вздумал, а?

– Я… мы…

– Это мы их убили – я поочередно ткнул в каждую груду мяса – Я и моя группа. Остальные прибежали позже – они были заняты, насасывая друг у друга. Видишь дыры в хребтах? Видишь кровь на моем бойце?

– Я… мы… – взгляды всех без исключения прилипли к фигуре призма, выглядящего так, будто извалялся в груде кровавого мяса.

Да так, по сути, и было. Не знаю, получится ли у системы отстирать его одежду.

– По нашим обычаям… – попыталась вякнуть какая-то престарелая сука, что явно старалась выглядеть моложе своих лет.

– Вашим обычаям? – удивился я – Да в сраку ваши обычаи! Мы сыроеды живем по своим заветам! Добросы помогли добить – хорошо. Хотя мы и сами бы справились. Но пусть так. Помогли. Часть мяса ваша. Давай даже так – я покажу свою охренненную щедрость островную. Забирайте вот эту рыбину – я ткнул пальцем в косатку сцапавшую низушка – А на вторую даже глядеть не вздумайте!

– Мы позовем вергов! – пришел в себя пузанчик.

– Да хоть кого зови! – рявкнул Рэк, наклоняясь над добросом – Отвали от нашего мяса, хреносос тупой! Ты чего не понял?

– У нас есть права! Мы добросы! Живем по обычаям! А они всего лишь…

Орочья лапа сомкнулась на податливом горле. Рэк выпрямился и начал поднимать за глотку сипящего мужика, продолжая рычать в его лицо:

– Отвалите от нашей рыбы, суки! Понял меня? – пузана встряхнули как кутенка – Понял?! Понял?! Ты еще не понял, сука?!

– Хватит! – прозвеневший крик донесся от вершины забранного в камень склона.

Стоящая там валькирия медленно оглядела территорию и повторила:

– Хватит! Сыроедами добытое – сыроедам. Они вправе распоряжаться своей добычей! Чужак! Да ты! Высокий и хриплый! Отпусти его!

Рэк глянул на меня. Я лениво кивнул. Пузан шлепнулся на задницу и… заплакал, спрятав лицо в пухлых ладонях. С презрением сплюнув, я, словно позабыв про валькирию над нами, повернулся к женщине в синем платье и грубых рабочих башмаках:

– Эта косатка – ваша.

– Что взамен?

– Ужин сегодня вечером там – я ткнул пальцем в серый барак – Что-нибудь мясное и вкусное.

– Решил пообедать с нами? – хрипло рассмеялась женщина – Не боишься осквернить?

– Не особо.

– А быт наш гребано-скромный увидеть не боишься? Там есть чему поражаться. Мы низушки. Отверженные. Не слышал?

Внимательно оглядев предводительницу низушков и стоящих за ней гоблинов, я чуть наклонился и медленно заговорил:

– Прежде чем еще раз вздумать в будущем разыгрывать из себя жертву, помни – есть те в этом мире, кто рожден без имени и без прав, кто живет по горло в кислотном дерьме, кто лишен рук и ног и вынужден ползать червем в лужах серой слизи, кто готов отсосать даже самый гнойный влажный член в обмен на кусок пищевого брикета и глоток относительно чистой воды… Вы, что так любите прибедняться, должны твердо знать и помнить – вы живете в благословенном раю с видом на океан! Вы сука гребаные счастливчики, что почему решили поплакаться в меховую жилетку сыроеда. Так что насчет ужина?

– Ждем – коротко произнесла ошарашенная предводительница – Мы заканчиваем работу поздно. Ужинаем еще позднее. К одиннадцати вечера.

– Мы будем – ответил я и пошел прочь, скользнув взглядом по успевшей спуститься валькирии, что явно слышала каждое мое

слово и сейчас пребывала в крайней задумчивости.

Плевать.

И было интересно увидеть этих двух явных лидеров лицом к лицу – городскую холеную волшебницу и суровую предводительницу низушков. Пусть себе сверлят друг друга взглядами.

Проверив интерфейс, я убедился, что за мелкими кровавыми происшествиями и любопытными перебранками время пролетело незаметно. Два часа патруля подходили к концу. А от гостевого дома – где трудилась бригада вергов – по-прежнему никаких новостей. Не хочется после завершения задания тратить время впустую.

Поэтому, когда мы проходили мимо большой портовой постройки, что служила одновременно складом, местом для посиделок и рабочей конторой, я на несколько секунд остановился рядом с бесстрастно поблескивающей визорами небольшой полусферой крепившейся над дверью, откуда открывалась отличная панорама сразу и на внутренности постройки и на причаленные корабли. Приостановился и внятно произнес:

– После завершения патруля, отдохнув часок, мы планируем прогуляться по дорожке ведущей к Чистой Тропе.

Больше не сказав ни слова, развернулся и потопал обратно, уводя за собой зевающего орка и крутящего башкой призма, что перестал пользоваться капюшоном. Глянув на него, я поморщился и велел орку:

– Отрежь у него рукава. Это не вариант.

– Это сука не вариант – согласился со мной Рэк, доставая свинокол.

– Иногда прикрытие полезно – заметил Хван.

– Замутим тебе что-то вроде накидки – решил я – Плащ. Пончо. Чтобы можно было откинуть и начать рубить.

– И что-то со штанами еще бы сделать – проворчал орк, распарывая материю изгвазданной в крови куртки – Я заманался ему штаны расстегивать каждый раз, когда ему надо отлить!

– Не напоминай! – прошипел призм, с ненавистью уставившись на собственные штаны – Сука!

– Такие вот бытовые трудности боевого отряда – буркнул я – Что-нибудь придумаем. Или узнаем, как с этим делом справляются другие.

– Другие?

– Ты же не первый рожденный гнидой и вылупившийся с лезвиями вместо рук – напомнил я – Наверняка нет. Вот и расспросим знающих.

– Да они бегали с голой жопой и не парились! – с уверенностью заявил Рэк – О! Давай я тебя дыру в штанах прорежу? И все…

– Себе прорежь! Охренел?!

Уж не обращая на них внимания, я продолжил шагать, присматриваясь, прислушиваясь, обдумывая, запоминая. Я впитывал в себя информацию как губка, а подстегнутый мембасом мозг был только рад подобной нагрузке, хотя и подбрасывал странные, темные и слишком уж глубокие для обычного гоблина мысли. Я сразу же отбрасывал их прочь. Мы гоблины простые. К чему нам глубокомыслие?

Когда система оповестила о завершении задания, а баланс пополнился сэдами, я не стал проверять меню заданий и повел своих к ящикам.

Баллы С.Э.О.Б.: 249

Мы сделали шагов пятьдесят и будто только этого и дожидаясь, на лестнице ведущей к причалу показалась знакомая фигура широко шагающего Мнута. За ним торопились еще два верга. Следом поспешал тот старик и девка. Старик пытался забежать вперед, размахивал руками, что-то стремился втолковать угрюмо молчащему Мнуту, но рядовые стражи отпихивали его назад.

– Хы! – осклабился орк.

– Если начнется заваруха – бойтесь полусфер! – напомнил я – Жмитесь к стенам. Хван! Никакого режима берсерка! Контролируй себя. Или я отхерачу тебе тупую башку! Или яйца – чтобы понизить уровень гормонов.

– Понял. Лучше голову!

– Все так говорят сначала. Зато потом пискляво благодарят за доброту души моей – проворчал я, проверяя игстрел и задумываясь, отключит ли его система удаленно, когда поймет, что стрелковое оружие используется против стражей правопорядка.

Наверняка отключит. А вот топор мой пусть попробует отключить…

– Где они, Оди? – Мнут не стал ходить вокруг да около.

Усевшись на крайний ящик, он уронил здоровую руку на колено и уставился на меня мрачным взглядом.

– Куда подевал их?

Не став включать режим наивного дурака, я уточнил:

– Обломались, да? Не нашли трупов ожидаемых.

– С чего решил, что именно трупов?

– На лице у тебя написано. Вы трупы искали. Нет?

– Мы все искали – отозвался старший верг – У меня даже

версия появилась.

– Поделишься?

– Легко. Эта – верг кивнул на глупо улыбающуюся Нанну – Убила сначала Греджерса, а затем Сьюга. Закопала их за гостевым домом. Вы стали свидетелем – и убийства и сокрытия улик. Там сзади окна узкие – через них и увидели. Но Матери рассказывать ничего не стали. Наоборот – вошли в контакт с Нанной, договорились о чем-то. А когда закончился карантин – помогли ей окончательно разобраться с трупами. Вы поумнее ее – поняли, что закапывать бесполезно. И поэтому…

– И поэтому? – приподнялся я брови и взялся за флягу.

– Помогли ей разобраться с трупами – повторил верг.

– Как? Сожрали мы их что ли?

Все дружно покосились на призма. Все кроме девок, что продолжали безмятежно греться на солнышке.

– В меня бы не влезло – ответил Хван и пару раз щелкнул жвалами, после чего вернулся к очистке рук-лезвий о край ящика.

– А ты человечину вообще жрешь? – не выдержал один из рядовых вергов.

– Я все жру – равнодушно отозвался Хван – Я гнида и призм.

– За домом все изрыто. Испахано.

– Это мы – признал я – Отрабатывали бои. Не забывай, верг – мы бойцы. Зарабатываем на жизнь патрулями и драками. Поэтому ушли за гостевой дом и от души позанимались. Это запрещено?

– Нет. Это разумно. Хотя у нас есть для этого специальный двор.

– А нам туда можно?

– Тут ты прав – нельзя.

– Так о чем речь тогда?

– Ладно. Позанимались вы там. Перепахали землю. Трупы куда делись?

– Да не убивал их никто – тяжело вздохнул я и поднялся – Слушай, Мнут. Чего тунца за яйца тянешь? Все ведь ясно – нет у тебя ничего на нас или них. Нету. И ты не можешь нам ничего предъявить. Верно? Никакого обвинения без прямых улик. Если бы мог – мы бы уже сидели у тебя на допросе. Или же отвечали системе.

– Вы добросы – скрипнул зубами верг – У вас есть право. У вас есть слово против слова. Если нет прямых улик – Мать предпочитает не вмешиваться. Оставляет поиски истины на нас. Не мне судить ее, но слышал, что не раз случалось, когда преступники уходили из-под суда из-за нежелания Матери задавать вопросы и получать ответы.

– Ты про такие штуки как химический допрос и детектор

правды?

– Я про вопрошание Матери.

– Ну мы пошли тогда – буднично произнес я, кивая орку, чтобы тот занялся девушками – Слушай, Мнут… а ты сам какого мнения о Греджерсе и Сьюге?

– Они добросы. И граждане Светлого Плеса – заученно ответил верг, но его глаза сказали куда больше.

Поняв это, я коротко кивнул:

– Вот и славно – после чего перевел взгляд на мнущихся позади старика и девку из развалившейся группы – А вы… если еще раз вздумаете обвинить кого-то из нас или наших подруг…

– Не стоит угрожать, сыроед – напомнил Мнут.

– Я не угрожаю – широко улыбнулся я – Просто предупреждаю. Пошли, бойцы. Время прицениться к благам общества, а затем топать дальше. Ужин еще надо заработать…

Нас никто не остановил.

Как я и ожидал.

Ведь я многое прочел во взгляде Мнута – о его истинном отношении к Греджерсу и Сьюгу. Уверен, что старший верг откровенно рад их исчезновению. И не только он – лица рядовых вергов тоже выразили немало. А раз так – они не станут рыть слишком глубоко, чтобы докопаться до ненужной правды.

Мнут не дурак. Я уверен, что они отыскали ту зарешеченную сточную дыру, а глядя на окровавленные лезвия призма, поняли, что вполне в его силах превратить пару трупов в жиденький фарш, что так легко и безвозвратно стечет в темноту.

Они поняли.

Но предпочли задать пару дежурных вопросов и на этом остановиться.

Это же поняли старик с девкой. А услышав меня и увидев мое лицо они поняли кое-что еще – самое время остановиться и забыть.

Что ж – время покажет поняли они или нет мое предупреждение.

А еще я знаю, что очень скоро старший верг Мнут переговорит с валькирией или самим Кормчим. Он выложит им все – свои подозрения, догадки, размышления. И уже весомые люди решат стоит ли продолжать копать. Или для города выгодней забыть. Ведь взамен ушедших система родит новых – и она наверняка окажутся лучше Сьюга и Греджерса. Так что вполне разумно посчитать случившееся как нечто вроде контроля за уровнем ублюдочного дерьма в городе…

Но радоваться пока рано. Ведь в городе не два трупа, а три… Причем первый убитый никуда не делся и продолжает лежать под

песочком…

Надо чуток ускориться…

Поднявшись по ступенькам, дернул пару раз головой, пытаясь вытряхнуть из мозгов сонный туман.

Не спать, гоблин! Не спать! Мы и так замедлились. Целый день потратили на осмотр местных никчемных достопримечательностей. Целый день канителимся с парой прибабахнутых девиц. Из бонусов – кисловатый компот, не слишком хороший самогон и мемвас из собственных запасов. Ну хоть пожрали от пуза и разнообразно. Еще нам показали бонусное убиение курицы и попытку косатки сожрать тупого низушка. Стоит это все потраченного времени? Нет. Не стоит.

Пора ли нам высунуть носы за городскую черту?

Да. Пора.

Вернемся ли мы на ужин?

Только в том случае, если не подвернется что-то более интересное.

– Темнеет к началу девятого вечера? – спросил я в пространство.

– Верно – мелодичным голоском отозвалась Джоранн.

– И темнеет медленно.

– Ага.

– Зачем ты убила того придурка, что полез тебя обнимать?

– Просто захотелось – улыбнулась Джоранн и неспешно провела по губам языком.

– Джоранн… – ахнула и присела на последнюю ступеньку Нанна, потрясенно глядя на подругу – Ты же сказала что…

– Почему захотелось? – столь же лениво продолжил я, не сбавляя шага.

Мы быстро удалялись от обмершей Нанны, что далеко не сразу подорвалась и принялась нас догонять.

– Почему? – удивленно переспросила Джоранн – Хм… дашь кусочек того, что дал Нанне?

– Держи.

Четвертинка таблетки мемваса поменяла хозяина. Удивительно умело поместив подарок под язык, рыжуха причмокнула полными губами, задумчиво провела по ним же подушечкой большого пальца, следом лизнула тот же палец, поочередно помассировала им каждый глаз и наконец пожала плечами:

– Он был каким-то… странным… понимаешь?

– Не очень.

– Ну… он так говорил, так двигался, что казался пластилиновым.

– Что ты сказала?

– Пластилиновым… ты знаешь, что такое пластилин?

– Да.

– А знаешь, из чего он сделан?

– Слышал недавно.

– А что ты слышишь, когда кто-то говорит «пластилин»?

– Ты породила во мне пугающее дежавю – признался я, впервые смерив Джоранн по-настоящему внимательным взглядом – Какого цвета у тебя глаза, Джоранн?

– Небесные – улыбнулась идеальная красавица.

– Разве? – удивленно спросил призм, вглядываясь в ничуть не синие глаза рыжухи.

– Ладно – вздохнул я и снова встряхнул головой – Ладно…

– Хван… – промурлыкала Джоранн – Знаешь, почему ты мне нравишься?

– Почему? – осторожно поинтересовался призм.

– Ты не прячешь свою натуру. Все шипы и когти напоказ. Ты честный. Понимаешь?

– Нет.

– Еще поймешь… – глянув на Джоранн, я обнаружил, что она снова массирует глаза.

Чуть помедлив, я сказал ей:

– После таблетки что у тебя под язычком может присниться короткий и удивительной реальный яркий сон. Ты не запомнишь его целиком. Но то, что запомнишь – расскажешь?

– А ты дашь еще один серый леденец?

– Если твой сон покажется мне интересным.

– О… я такая выдумщица… – рыжуха широко распахнула глаза, перепугано скривила лицо – Ой… я не хотела… я просто махнула вилами… а он… он… он умер, да? Только не это…

– Джоранн – почти безжизненно произнесла плетущаяся сзади Нанна – Джоранн… ты красивая и сладкая лживая сука…

Вздохнув, я остановился у покрашенного в приметный зеленый цвет здания, что было расположено неподалеку от центра поселения. Снова не могу назвать его городом… К стене, под небольшим и красивым каменным навесом, приткнулись торговые автоматы. Я шагнул к крайнему оружейному. Кивком послал бойцов к другим:

– Проверьте чего дают. Рэк, первым делом узнай можно ли подзарядить и пополнить наши аптечки.

На «родном» острове аптечки удалось только подзарядить. А вот пополнить запас лекарств… что-то по мелочи добавили из остатков и больше ничего. Меня же волновали в первую очередь подавители иммунитета, что не давали организму взбунтоваться

и отторгнуть чужие конечности. Опять же – вдруг предложат чего-нибудь действительно стоящего?

– Понял, командир – орк с интересом подступил к торгмату, ткнул пальцем, прилип харей к засветившейся витрине.

Прижал палец и я. Скользнув по опциям, выбрал подзарядку и разместил игстрел на выскочивших держателях. Хотел уже перейти к перезарядке картриджей, но заметил удивительную надпись, что всплыла на витрине:

Доступны модификации вооружения.

И все. Больше ничего. Просто светящаяся жирным желтым надпись.

Но мне дополнительного приглашения не требовалось. Я торопливо ткнул в надпись и невольно затаил дыхание. Злая шутка? Или?

Доступно: Замена батареи Е3 на батарею Е5 (повышенная емкость, ускоренная подзарядка, количество выстрелов +20). Замена блока М1Игмет на блок Маг2ИГ (повышенная отказоустойчивость, ускорение кинетической энергии иглы на 10 %). Починка или замена блока подачи РЛ2 (текущее состояние «код желтый»).

– Ну наконец-то! – рявкнул я так громко, что шарахнувшийся призм едва не вспорол брюхо торгмату.

Не обращая на них внимания, я ожесточенно тыкал пальцем, одну за другой отмечая все категории. Да! Да! И еще раз – да!

Витрина чуток померцала и выдала оповещение:

Общая стоимость: 85 с.э.о.б. Общее время ожидания: 15 минут. Бонус: бесплатная чистка вооружения и подзарядка.

– Вперед – сказал я, вбивая палец в строку подтверждения.

Баллы С.Э.О.Б.: 249

Все же курс сэбов куда выгоднее солов. Внизу за такое с меня бы слупили не меньше трех-четырех сотен. А тут попросили меньше сотни.

Загудело. Держатели вдвинулись в торгмат, унося с собой игстрел. Щелкнуло. Витрина потухла, лишь плавал на темном фоне тикающий на убывание желтый таймер.

– Аптечку пополняют! – обрадованно прорычал Рэк – А еще тут дохрена разных энергетиков. И это – как я понял обычным добросам-социалам тут многое не получить. Только боевым.

– Логично – кивнул я, подходя к свободному торгмату и прижимая палец к сенсору – Зачем мирным гражданам пушки и боевые аптечки? Они не нужны для нарезки дерна и чистки сточных канав. Эй! Нанна!

– Да? – очнулась та и прекратила пялиться в каменную стену.

– Прогуляетесь с нами – велел я.

Именно велел. В моем голосе не было и намека на вопрос. Но Нанне, похоже, было плевать. Она вяло кивнула, бросила короткий взгляд на любимую рыжую кобылку и снова погрузилась в вялое состояние сомнамбулы. Кивнула и Джоранн. Причем куда живее.

– В аптечку предлагают загрузить более продвинутую версию боевого коктейля, командир.

– Загружай – кивнул я – Если отстрелят головы – пробежим на пару десятков метров больше.

– Да хотя бы так! Загружаю. Хван! Чего ты там покупаешь, богомола жопы кусок?! Сраные бисквиты с шоколадным вкусом?!

– Имею право – нервно щелкнул жвалами Хван – Я сука сколько падали сожрал?! Могу сладкого припасти в карман?

– В задницу! Купи лучше энергетиков! К нему бутылку самогона и кувшин компота. И я покажу как сделать сладенькое!

– Отвали.

– Эй! Не бери бисквиты! Ты же мужик! Покупай самогон и лекарства!

– Отвали говорю! Не лезь в мои покупки! У меня только сэбы появились!

Даже не пытаясь вмешаться, я оценил предлагаемый ассортимент и быстро набросал в «корзину» два десятка таблеток родной «шизы», что всегда уходила так быстро, к ним двадцать пищевых кубиков, десяток энергетиков. Оплатив, перешел к следующему торгмату и обнаружил, что для боевых сыроедов тут предлагались футболки, носки, бейсболки и отличные брезентовые куртки. Что ж… пора сбросить меховую личину островитян. К черту меха – да здравствует синтетический свитер.

Оставив большую часть одежды, купил только куртку. Переодевшись, забил рюкзак покупками и, бросив взгляд на продолжающий «колдовать» оружейный торгмат, метнулся к медблоку. Просто из интереса – раз уж городские торгматы предлагают что-то интересное и новое – может и городской медблок удивит?

К сожалению, система удивлять не спешила. Пустить пустила, даже полежать в кресле дала, но больше ничего не случилось. И диалога не завязалось. Пришлось покинуть учреждение и вернуться к торгматам, где и забрал еще теплый модифицированный игстрел.

Жадно покрутив оружие в руках, убедился, что внешних изменений ровно ноль. Даже замененная батарея повышенной емкости выглядела точно так же – и внешне и по размерам. Вроде игстрел чуток потяжелел – грамм на двести. Но и все на этом.

Я вставил в держатели «свинку».

Да я сука сюда даже свинокол вставлю! – вдруг и его модифицировать можно?

В соседний торгмат ушла моя аптечка. Очнувшись, спросил у Хвана:

– Ты себе аптечку не искал?

– Искал. Тут есть аптечки. Но система сразу выдала – не для измененных.

– Найдем и для призмов – уверенно произнес я – Обязательно найдем. Че ты там в карманы прячешь?

– Бисквиты шоколадные…

– Не говори, что ты все сэбы на это дело пустил.

– Ну… люблю жвалами похрустеть, понимаешь, командир?

– Мне насрать – буркнул я и ответил утвердительно на предложение автомата заменить боевой коктейль в аптечке – До тех пор, пока ты не забываешь покупать себе жратву или же не находишь ее в поле.

– Ну и славно – успокоено вздохнул призм и, усевшись у стены, захрустел.

Оружейный торгмат, похрюкав, предложил почистить «свинку» и подзарядить. Не более того. Я согласился. Забрал аптечку, глянул на светлое небо и приказал:

– Поднимаем жопы! Нас ждет прогулка.

Глава седьмая

До последнего момента я ожидал чего угодно – от насмешливого оклика верга, до бесшумного плевка иглой в спину.

Но не случилось.

Городок – наконец-то сумел себя заставить его так назвать! Не иначе модернизация игстрела повысила статус поселения в моих презрительных глазах. Городок Светлый Плес мы покинули без каких-либо проблем или задержек. Такое впечатление, что добросы только рады от нас избавиться и вздохнули с облегчением, едва мы миновали кольцевую стену и зашагали по почти нехоженой тропе.

Хотя с чего бы им вздыхать с облегчением? Ведь мы вели себя вполне прилично.

А еще я не забыл про назначенный ужин у барака низушков. Вернее, не о самом ужине, а о том, что этот разговор слышала городская валькирия.

То есть – они знают, что вечером сыроеды вернутся. Можно не спеша все обмозговать.

Я мужик не особо проницательный, но в данном случае уверен наверняка – прямо сейчас, где-нибудь в углу окропленного кровью добросов трактирного зала, чинно сидят за богато накрытым столиком сильные города сего и неспешно и вдумчиво обсуждают свалившуюся на них проблему в виде тройки до жопы наглых сыроедов. Они говорят медленно, цедят самогон, занюхивают тунцовым салом, не забывая при этом напускать на себя вид настоящих «решал». Любой мол вариант подойдет, надо будет урыть – уроем. Главное решить, как будет правильней…

У нас мол прекрасный шанс подготовить сраным сыроедам встречу – вот только какую?

Прибить наглых дритсеков невзирая на возможные потери и закопать где-нибудь в леске?

Сделать вид что ничего страшного не случилось и попросту забыть о сегодняшнем дне в надежде, что вскоре грязные сыроеды уберутся из их чистенького городка, прихватив с собой лесбиянок?

Решат, что сыроедов ниспослала на их головы система и явно сделала это не просто так, поэтому трио меховых придурков трогать нельзя, пусть себе резвятся, а они тем временем приглядятся внимательней…?

Прежде чем принять какое-либо решение предпочтут прояснить ситуацию в деталях и для начала пересчитают

поголовье городских добросов? И обнаружат, что бесследно пропало не две овечки, а три… Устроят еще один поисковой забег. Выяснят у системы, где в последний раз мелькал тот тупорылый парнишка, что решил сыграть в обнимашки с рыжей обольстительницей… и с радостным ужасом убедятся, что в последний раз паренек с членом наизготовку мелькал неподалеку от всех тех же Джоранн и Нанны… Вот же гребаные лесбиянки-убийцы, решат они, потирая ладошки. И взроют землю в той области – и на этот раз удача им улыбнется. Труп они отыщут. Со следами явной насильственной смерти… Тут они обрадуются еще сильнее. Дальше прогноз очевиден. Как бы я не крутил гоблинской хитрой жопой – мне этих двух не отмазать. Им припишут одно конкретно доказанное убийство – труп в наличии. Этого хватит, чтобы Джоранн или Нанну запихнуть на допрос системы – а скорей всего обеих. Там они морально потекут, быстро выложив все до последнего факта. После чего система уже обвинит нас.

Веселая перспектива…

А ведь первую жертву рано или поздно обязательно хватятся…

Задумчиво хмыкнув, я чуть ускорил шаг.

Под ногами похрустывало странное дорожное покрытие – мелкий щебень поверх истершихся бетонных плит. Кое-где виднелись жилы темных арматурин бегущих в бетонной плоти. Старая-старая дорожка, что раньше, несомненно, была куда оживленнее, раз ее так истерли ноги бредущих. Сейчас же дорога быстро зарастала. При каждом шаге растительность хлестала по штанам, вскоре на них появились зеленые разводы сока и разноцветные брызги раздавленных ягод. Кидаться на подножный корм я вовремя запретил. Нахрен. Уже был случай убедиться, что не все тут съедобно. Солдата чаще убивает понос, а не вражеский выстрел. И не время с натужными всхлипами морщить булки за брезгливо отодвинувшимся чахлым кустиком.

Оглянувшись, увидел закономерное – окончательно морально раздавленная крепышка Нанна безнадежно отстала. Она едва передвигала ноги.

– Эй! Нанна!

Крепышка с полным равнодушием взглянула на меня сквозь пряди растрепавшейся прически.

– Ускорься!

– Зачем?

Вот он ожидаемый так долго вопрос. Мы отошли от городка где-то на километр. Подходили к первым серьезным деревьям – здоровенным махинам поднявшимися на много метров от земли.

И именно тут – посреди пути – Нанна и дозрела.

– Зачем? – тускло повторила она и на этот раз взглянула на Джоранн.

В этом ее «зачем» прозвучало очень многое. Горечь, разочарование, тупое удивление, непонимание, сожаление, усталость и безразличие.

Девку можно понять при желании. Сегодня весь ее крохотный и уютный мирок был разрушен до основания – несмотря на все ее титанические усилия по его спасению.

– Лучше бы я отсосала Греджерсу – вспомнила старые слова Нанна и, всхлипнув, утерла грязную щеку – Дритт. Лучше бы я отсосала всем им по очереди. Сука! Джоранн! Я ведь любила тебя! Любила, сука ты тупая! А ты… да я даже не знаю кто ты! Ты убила того придурка специально?!

– Он полез ко мне – пояснила Джоранн с теплой доброй улыбкой – Разве нормальные добросы себя так ведут? Разве это не ублюдочное поведение пластилинового болванчика?

– Да что с тобой?! Из тебя прет что-то дикое! Ты же не была такой!

– Ускорься! – велел я пожестче и Нанна послушно замотыляла ногами в ускоренном режиме, но не заткнулась.

– Ты была такой… яркой! Солнечной! Такой… моей! Моей любимой солнечной Джоранн!

– Эй… – оборвал я ее излияния – Как далеко отсюда до Чистой Тропы?

– Еще километра полтора – машинально ответила крепышка и снова переключилась на рыжую – Ты меня хоть немного любишь?

– Нет – без какой-либо паузы качнула головой красотка.

Охнув, Нанна сбила ритм шагов, едва не запутавшись в собственных ногах.

– Тогда зачем?! Зачем ты согласилась быть со мной? Зачем ответила на тот поцелуй? Это ведь был особенный поцелуй, верно?

– Нет.

– Так нахрен зачем?!

– Чтобы ощущать ненависть и вожделение этих муравьишек с членами. Смотреть как они копошатся, обсуждают, наблюдают, протыкают меня взглядами и словами, раз не могут сделать то же самое своими членами. Ненависть смешанная с вожделением… это особая смесь, Нанна. Тебе не понять…

Крепышке понадобилось секунд тридцать машинальной ходьбы, чтобы осознать услышанное.

– Да ты больная нахрен на всю голову! – взвыла Нанна,

вцепившись себе в волосы – Ты…

Уже не слушая, я чуть повернул корпус к замеченному смутному движению у ближайшего крупного дерева.

– Призм! – из-за дерева выступила закутанная в длинный черный плащ фигура с гротескными очертаниями.

Чересчур широкие плечи, слишком маленькая голова, облепленная капюшоном, чрезмерно длинные тонкие рукава, дотягивающиеся почти до земли.

– Призм! – повторила фигура, вложив в это слово немало презрения. Голос странный. И слова ему приходится выговаривать с усилием – это чувствуется. С давно привычным, но все же усилием.

Сегодня день странных выступлений мать их?

– Призм! Очнись! – тонкий рукав уставился в грудь Хвана – Очнись! Почему ты идешь с этими изуродовавшими нас ублюдками?! Ты же наш! Ты призм! Расчлени ублюдков! И я покажу тебе мир!

– Хера себя предложение. Че за дерьмо в макинтоше? – процедил я, приподнимая ствол обмотанного шкурами игстрела и мягко нажимая на спуск.

Стрелял навскидку. Особо ни на что не надеялся. Но попал двумя из трех игл. Одна угодила в ногу, вторая вонзилась в область чуть повыше паха. Крутнувшись, подстреленный сначала подпрыгнул, а затем упал. Подскочил… и утробно охнул от угодившей в спину еще одной иглы.

– Игстрел! Игстрел! – завопил он, ворочаясь в пыли – Откуда у тебя, сука, игстрел?! Призм! Помоги! Брат! Помоги! Помоги-и-и-и-и!

Охреневший Хван не отозвался, продолжая изумленно хрустеть шоколадным бисквитом. Будто видит все происходящее на экране и послушно восторгается реалистичности зрелища. А подранок ужом скользнул по земле, исчез за деревом. Послышался стремительный топот. На миг показавшись из-за дерева, призм в плаще подпрыгнул, зацепился за ветви, змеиным легким движением ввинтился в крону, прыгнул дальше… и через секунду исчез.

– Суки! Суки! – эхом донеслось от деревьев.

– Срать! – ошарашенно подытожил Рэк, что к тому моменту успел пробежать не больше двадцати шагов.

– Посмотри на кровь. Проверь не обронил ли он чего – сказал я, цепко оглядывая округу – Нанна. Джоранн. Часто тут такое?

– Бывает, судя по разговорам – вздохнула крепышка – Дикие призмы. Ненавидящие. Убивающие. Добросы сюда не суются, Оди. И ты зря сунулся.

– Посмотрим.

– Ничего – крикнул от дерева орк – Даже капли крови нет.

– Вещи какие-нибудь?

– Ничего.

– Идем дальше – велел я – Ты там и топай параллельно тропе. Хван сместись шагов на пять вправо.

– Понял.

Я остался на дорожке. И, раз уж мы наконец-то отдалились от города на приличное расстояние, открыл интерефейс и зашел в меню заданий.

Задание: Осмотр северной семнадцатой тропы. Важные дополнительные детали: осмотр всей северной семнадцатой тропы. **Описание**: Светлый Плес. Осмотр северной семнадцатой тропы по всей ее протяженности. При обнаружении агрессивных существ – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель. **Место выполнения**: Северная семнадцатая тропа. **Награда**: 30 с.э.о.б.

– Неплохо – пробормотал я – Неплохо. И снова цифра семнадцать. Семнадцатый этнос, семнадцатая северная тропа. И все это в одном промежутке между скалистыми грядами.

– Мы в семнадцатой зоне? – предположил прислушивавшийся призм – Достаточно удобная система координат.

– Может и так – кивнул я – Может и так…

– О! – обрадованно рыкнул неугомонный Рэк, что решил чуток пробежаться по маршруту раненого урода в плаще – Узелок! Узелок-узелочек, чтоб его! Че там? Тьфу!

– Че там?

– Мишка. Игрушка плюшевая.

– Мишка? – переспросил я.

– Мишка – подтвердил выпрямившийся орк.

– Мишка? – уточнил призм.

– Мишка! – рявкнул Рэк.

– Мишка? – улыбнулась с легким недоверием Джоранн.

– Задрали, суки! Мишка, мля! Мишка!

– Мишка! – бодро пискнул узелок в лапах орка.

– О дерьмо! – перепугано шарахнулся Рэк, выронив заговорившую хрень, что мягко упала в тропу.

– Мишк-а-а-а! – дико завопили из-за деревьев и в голосе звучало безумное горе – Мишк-а-а-а!

Кажется, голос быстро приближался…

– Гребаный мишка! – взревел побуревший от стыда орк, подскакивая и занося сапог – Сука!

– Не сме-е-е-ей! – взвыли деревья – Су-у-у-у-ука! Мишка-а-а!

Орк в удивлении замер с занесенной ногой.

– Ты мочой там что-то метить собрался? – буркнул я, останавливаясь – Лапу опусти. Мишку подними.

– Мишку?

– Мишку – кивнул я, чувствуя, что слово «мишка» становится не самым любимым в моем лексиконе.

– Мишка! – поощряюще пискнуло из травы – Мишка друг! Расскажи свое горе мишке, малыш!

– Охренеть – пробухтел Рэк, поднимая с земли что-то небольшое вишневого цвета.

– Охренеть – плохое слово, малыш! Сосать тебе в аду за такое!

Тишина…

– О… – выдавил уже не побуревший, а почерневший орк – О… с-у-у-у-ука-а-а…

– По губам! По губам тебе грязным членом за слова такие!

Тишина…

Из жвал призма медленно выскальзывал почти сточенный бисквит. Джоранн замерла с протянутой рукой рядом, держа в пальцах еще кусочек угощения.

Нанна впервые за последние часы выглядела оживленной.

В лапе отмершего орка сверкнул нож.

– Прошу! Не надо! Не надо! – завопил из трясущейся древесной кроны невидимый призм – Не трогай!

– Да я ему жопу плюшевую вспорю! – захрипел Рэк, занося нож – Гребаный мишка!

– Звал? Ты чем-то обижен, малыш? – удивленно спросила дернувшая в его ладони фигурка вишневого мишки – Обделили тортиком, ушлепок ты мерзкий?

– Р-р-р-р-а-а-а-а!

– Стой! Стой! – под дерево с оханьем свалилась фигура в плаще, замотала тонкими рукавами – Прошу! Умоляю тебя, отсос тупой! Не надо!

– Вы сука сговорились что ли… – Рэк медленно приблизил острие свинокола к плюшевой спинке поразительной игрушки.

– Стой! Все! Смотри – я тут. Я сдаюсь. Да? Отдайте мишку. И я не буду мстить.

– Да я и тебе и ему жопы вспорю! Сучий мишка! Сучий призм!

– Злость – не лучшая из эмоций, малыш. Как тебя зовут? – ласково спросил плюшевый мишка.

– Рэк… – моргнул орк.

– Не имя, а дерьма вербальный кусок. Жалкий ты ушлепок, Рэк. Сосать тебе.

Застрекотал призм, медленно опускаясь в траву.

– Замри! – рявкнул я, останавливая успевшего побелеть Рэка –

Обалдел нахрен? С мишкой плюшевым посрался?!

– Он! Да он! Командир!

– Замри! – повторил я – Когда скажу – отхерачишь голову этому плюшевому дерьму.

– С радостью! – выдохнул орк.

– Не будем торопиться, друзья – выставил перед собой рукава чужак под деревом – Слушайте… я тут погорячился недавно. Но поймите и меня – я призм. Мне простительно, верно? Ведь я измененный. Понимаете? Отсюда злоба. А тут еще этот кузнечик идет и печеньками хрустит.

– Бисквитами – поправил его Хван.

– Бисквитами хрустит – подтвердила Джоранн – И сам ты гребаный кузнечик, дерьма кусок.

– Джоранн! – ожила Нанна.

– Оди – ткнул я себя пальцем в грудь – Ты кем будешь?

– Отдайте мишку…

– Я буду звать тебя лесным хренососом владеющим мишкой с разодранной жопой – задумчиво сказал я – Да… неплохо звучит…

– Зови меня Стивом! – предложил чужак.

– Стащи с башки капюшон. Подойди ближе – приказал я.

– Послушай…

– Еще одно возражение – и я ухерачу тебя. А Рэк ухерачит твоего странного мишку.

Чужак рывком сдернул капюшон.

На нас смотрело фыркающее рыло…

– Ты че за херня с ушами? – не скрывая удивления, спросил я, глядя на густой темный мех, блестящие пуговки глаз, нервно дергающийся влажный нос, желтые клыки и пару испуганно прижатых ушей.

– Не убивай! – тявкнул незнакомец со звериной харей – Мишке жопу не рви! Поговорим!

Рот больше похож на пасть. Но все же это именно рот, хотя и жестоко деформированный. Между клыков мелькает мясистый желтоватый язык. Стекают струйки слюны на старый плащ.

– Почему не ожидал выстрела при первой встрече? – спросил я мирно, цепко оглядываясь.

– Здесь он редкость. Большая редкость. А ты хитрый. Игстрел замотал тряпьем.

– Ты один?

– Нет! Нас много!

– Ложь – усмехнулся я – Ты один, верно?

Звериная харя с грустью опустилась. Неловко дернувшись, призм по-звериному взвизгнул от боли.

– Сними плащ – приказал я и отошел чуть в сторону, снова

огляделся.

Вдруг он все же тут не один…

– Эй! Эй! Зачем?! – задергался призм в старом плаще.

– Сними гребаный плащ! – рявкнул я.

И призм с сокрушенным вздохом дернул за лацкан. Вместо пуговиц пять широких липучек, что легко поддались. Плащ упал на землю. А под плащом меховая натура и просторные синие трусы. Торс похож на человеческий. Да и таз с ногами тоже, хотя ноги выделяются невероятной мускулатурой заметной даже сквозь шерсть. Плечи… плечи широченные, костистые. С них как бечевки свисают тонкие волосатые лапы с когтистыми ладонями. Толстая шея. Небольшая голова со звериной мордой.

– Ты кто? – спросил я все тем же тоном.

– Призм – развел лапами меховой уродец.

– А точнее?

– Да мне откуда знать?! Отдайте мишку… и… и…

– И? – приподнял я бровь.

– Не убивайте – чуть ли не застенчиво протявкал придурок в синих трусах.

– А шерсть в жопу не залазит? – поинтересовался Рэк – А когда садишься поср…

– Да пошел ты! Я почище тебя буду! – зарычал мохнатый Стив.

– Отдай ему сраного медведя – сказал я – А ты… натягивай свой плащ обратно.

– Спасибо. Вы учтите – я не нападал. Только кричал.

– Поэтому ты и жив еще – кивнул я – Выпьешь?

– Чего?

– Самогона с компотом.

– Да кто ж откажется?

– Заодно и прогуляемся – подытожил я – Рэк! Отдай ему сраного мишку!

– Этот гребаный мишка… – дрожащая лапа Рэка с огромным трудом вытянулась, протягивая медведя хозяину – Дерьмо…

– Ай-ай-ай – ожил на его ладони вишневый мишка – Снова плохие слова! Сос…

Поспешно сграбастав говорящее имущество, Стив пихнул его себе подмышку и прижал лапу к туловищу. Голос ехидного медведя затих и стал неразборчивым. Неумело перекосив рот-пасть в улыбке, Стив пробормотал:

– Он у меня не слишком воспитанный. Но он отличный парень! Честно!

– Этот гребаный мир давным-давно спятил – вздохнул я, запрокидывая лицо к стальному синему небу – Эй, Стив. Ты не

сдохнешь? В тебе пара игл сидит.

– Не. Я очень живучий. А иглы уже вытащил – призм клацнул клыками – Еще болит, но уже зарастает.

– Клыками вытащил что ли? – удивился Рэк.

– Клыками – гордо подтвердил Стив – И губами.

– А одна игла ведь тебе прямо в член угодила…

– Выше, сука! Выше! Вот! – Стив ткнул себя когтем в волосатое плоское пузо – Сюда!

– Какой ты… гибкий… – заметил Рэк, глядя на призма с нескрываемым подозрением.

– Ты на что намекаешь, ушлепок?! Изврат гребаный! То-то мишке моему жопу порвать хотел!

– Да пошел ты, губастый!

– Я не губастый!

– Вперед! – рявкнул я, массируя виски – Рэк! Налей ему уже самогона! И сам хлебни! Эй, Стив! Мы тут северную тропу патрулируем. Уничтожаем всякую агрессивную хрень. Ты она самая?

– Нет! Я вообще здесь прохожий! У Матери ко мне претензий нет! Чист я перед ней.

– Вот и расскажешь – кивнул я – Шагаем дальше, бойцы!

– Я как всегда – пойду вдоль, но поодаль – призм со звериной харей попытался заискивающе улыбнуться – Привычный я так.

– Давай – согласился я, глядя, как он проворно натягивает на себя странную одежку.

К чему ему одежда? С такой густой шерстью ему здешние слабые холода нипочем. Плащ только нарушит тепловой баланс. Чтобы прикрыть причиндала вполне хватит трусов. Так для чего плащ? Для сокрытия того факта, что он призм? Не прокатит этот номер – учитывая очертания фигуры. За километр в нем призма опознаешь. Так что тут скорее что-то психологическое. В одежде спокойней, приличней, чувствует себя защищенным. Из практичности же – большие карманы нашитые изнутри и снаружи. И никакого рюкзака.

– В карманах что носишь? – буднично поинтересовался я, шагая по дорожке.

– Я?

– Мне насрать на твое барахло ровно до тех пор, пока ты не вздумаешь вытащить оттуда ржавый игстрел.

– Из оружия – нож только – порывшись узкой когтистой ладошкой в кармане, призм продемонстрировал нож со странноватой рукоятью и небольшим прямым лезвием – Да и не оружие это, доброс. Хотя какой ты доброс с такой-то злой харей…

– Я Оди. Это Рэк. Хван. Джоранн. Нанна – поочередно

перечислил имена спутников – Идем поглядеть на Чистую Тропу.

– Поглядеть? Погоди. До этого не видел, что ли? Недавно вылупился?

– Ага – кивнул я – Недавно. Слушай, Стив… в твоем рассказе кое-что не вяжется.

– Ты о чем? Клясться и плюс на пузе рисовать не стану, но пока вроде не врал.

Отметив в памяти новое выражение, пояснил, лениво осматриваясь:

– Ты говоришь, что прохожий. И в то же время знаешь, что игловое оружие тут редкость. Прямо противоречие…

– Так тут везде так – по эту сторону Тропы! Везде так! А я даже и не прохожий – ведь он откуда-то куда-то идет, верно? – выговорив мудрую фразу, призм неожиданно тявкнул трижды, чесанул когтем за ухом – А я никуда конкретно не иду. Я бреду. Бродячий я.

– Бродячий бредун по эту сторону Тропы?

– Точно! Неглупый ты мужик, Оди. Слушай, а пожрать ничего нет?

– Ты уже секунд десять носом усиленно шевелишь. Учуял что?

– Жратва у вас есть – осклабился Стив – Торгматовская жрачка. Дашь жевануть чего?

– Держи – я протянул ему пару пищевых кубиков – Воду сам найдешь.

– Ручьи найдутся – кивнул Стив, осторожно подходя и забирая угощение – Спасибо!

Он с хрустом откусил половину кубика, умудрившись не уронить ни крошки. Не дожидаясь, когда он прожует, я продолжил:

– Расскажи-ка подробней о своих делах бродячих, Стив. Не конкретно о себе. А так – о мире своем в общем.

– О мире своих? – прочавкал Стив – Он у нас общий сучий… Расскажу. Добросам мои рассказы всегда по душе – если кто не побоится посидеть рядом с мохнатым призмом у газового костерка… Так вот… брожу я давно. Как в себя пришел под кустом безымянным – с тех пор, так и пошло. Но раз уж о мире моем послушать хочешь… что ж… слушай…

Стив говорил и говорил. А мы неспешно шагали и слушали. Не поручусь за внимательность остальных, а вот я жадно вслушивался в каждое слово. Редкая информация по ценности может сравниться с рассказом бродяги видящего все своими глазами, переживающего все события лично. Само собой он не может быть беспристрастным, его точка зрения тоже искажена,

причем сильно, но все же в его словах куда больше достоверности, чем в рассказе какого-нибудь домоседа доброса там и сям нахватавшегося обрывков сплетен.

Поговори сначала с торговцем у его фургона, затем раздели со сборщиком податей пару кружек пива, следом проведи вечер у костра бродяги. Именно в этом порядке. И ты узнаешь правду о жизни.

Не знаю откуда я это знаю или где это слышал – но знаю. И потому слушал внимательно.

Стив причислял себя к роду волков – без всякой, как мне казалось, на то причины. Не волк он внешне. Даже не рядом. Тут что-то более экзотичное, древолазное и безобидное. Но не суть. Суть – Стив считал что волка лапы кормят. И не видел себя оседлым. Но ему хватило разумности понять, что боец он никакой – пусть сильный, но не злобный и даже чуток боится вида крови, вывороченные из пуза рваные кишки прямо как баба на дух не переносит и все такое.

Поэтому он хоть и выбрал себе жизнь бродячую, но бродил по местам наиболее безопасным.

А таковыми здесь считаются земли по эту сторону Чистой Тропы.

Главное, для пущей безопасности, двигаться хоть и параллельно тропе, но не впритык к ней. Лучше всего шагать где-то в километре от Тропы. Это еще и выгодно в съестном плане, ведь идущее по Тропе путники все время ищут что пожрать, в результате все съедобное неподалеку – грибы, ягоды, плоды, коренья, мелкие зверушки и сладкие насекомые – выбраны почти подчистую.

Нет, если сунуться на ТУ сторону, то там куда больше вкуснятины растет и бегает. Но там же бегают дикие призмы, чесуны, зомби и совсем уж страшные твари. Что за «совсем уж страшные твари»? Он не знает. Но слухов, как всегда, по Тропе плывет много.

Верит ли он?

Верит.

Еще бы не верить!

Ведь это и понятно – все эти твари охраняют подступы к Заповедной Земле, что лежит за полями, озерами, ущельями и дремучими лесами. И там еще дальше – за великой Обережной Скалой – обретаются хозяева мира – высокие эльфы.

Потому твари и нужны – чтобы здешнего сброда не подпускать к Заповедным Землям.

А кто мы как не сброд никчемный? Жрем, срем, жрем, срем, трахаемся и больше ничего. Разве нет?

Услышав еще одно странно мудрое изречение, я хмыкнул и равнодушно спросил – с чего Стив решил, что по ту сторону тропы находятся некие Заповедные Земли и что именно там живут мифические эльфы?

Вдруг это вранье?

И тут я удивился – мохнатый призм затявкал от смеха, замахал тонкими лапами в рукавах.

Эльфы миф?

Ха!

Где ж миф, если их часто видят в крупных селениях? Снисходят они до нас, причем не разделяя призмов, людов и зверолюдов. Был бы достойным! А внешность не важна. Достойного всегда одарят благами и здоровьем, могут даровать особую магию или оружие подарить удивительное.

Эльфы не миф, а благодать на землю снизошедшая! Увидеть бы хоть раз!

То есть сам ты их не видел ни разу?

Тут призм поник и покачал ушастой головой – не пришлось. Да и не придется – он ведь все бродит и бродит туда-сюда по одному и тому же отрезку Чистой Тропы уже как много лет. И никуда дальше не уходит. В более далекие путешествия не пускается. Он свой лимит знает и преступить его уж никогда не рискнет – возраст. Тянет уже больше к привычному, чем к новому.

Возраст? А сколько тебе?

Так сорок восемь годков уж он бродит тут.

Я невольно остановился, не скрывая изумления, оглядел крепкую фигуру призма, густой мех без признаков седины, пусть желтые, но острые и крепкие клыки. Да и двигается он быстро и легко. А как по деревьям прыгает…

Поняв мое удивление, призм затявкал от смеха, развел лапами. Да. Вот так. Вот что здоровая жизнь на природе да целебный подножный корм делают – здоровья и молодости добавляют. А ведь «родился» он вполне взрослым судя по ощущениям и внешнему виду. Никак не меньше двадцати ему было – это если самый низший порог брать. А так вроде как даже и постарше был при рождении. Так что ему сейчас ой как немало годков.

Двадцать плюс сорок восемь…

То есть ему минимум семьдесят лет?

Я озвучил это и призм, осклабившись по собачьи, кивнул. Да. Все верно. Он старик.

Старик…

Я невольно вспомнил доходяг-гоблинов с Окраины и Дренажтауна – едва дотянувшие до шестидесяти, изработанные,

ко всему безразличные, они сидят на теплых стенных выступах, беззубыми деснами мусолят редкие пищевые кубы и неотрывно смотрят на нарисованные на стальной стене природные пейзажи – которые им никогда не увидеть воочию…

Но не будем все валить на здоровый образ жизни. Пусть призм нюхает цветочки и с деревьями обнимается, а не слизь серую ведрами таскает по стальном кишечнику мира, но все равно – тут наверняка сказали свое веское слово и его «звериные» изменения.

Я ненадолго круто сменил тему. И спросил – кто он по статусу? Принудительно измененный преступник? Это не мешает бродить?

Призм грустно хмыкнул, с хрустом разжевал остаток угощения и ненадолго отлучился. Ему хватило минуты, чтобы с удивительным профессионализмом выпросить у Джоранн пару шоколадных бисквитов. Уже подвиг. Вернувшись, призм коротко сказал – само собой мешает.

Для подавляющего большинства добросов он не больше, чем тварь уродливая, грешная, достойная лишь одного обращения – побивания камнями. В своих скитаниях туда-обратно вдоль тропы он то и дело натыкается на гниющие останки даже не похороненных призмов. Он постоянно видит, как только что «рожденных» призмов – корчащихся и ничего не понимающих ампутантов со стертой памятью – грузят на телеги и увозят. Или уносят привязанными к палкам – прямо как диких свиней убитых на охоте. Суки! Ведь известно куда уносят – к морю. Новорожденный призм – лучшая наживка. Этим бы гребаным рыболовам самим познать по ощущениям вонзенный в живот огромный крюк…

Выразить свои эмоции Стив не побоялся – он уже понял, что Хван путешествует с нами на равных. Стало быть, и отношение к призмам у нас совсем другое. Не каждый день увидишь, как богомола кормит шоколадными бисквитами шикарная красотка…

Как он сам выживает?

Убегает! Вот и все.

Призм ненадолго отвел звериные глаза, дернул носом. И я понял – порой он не только убегал. Порой он еще и убивал, если подворачивался такой шанс. Убивал тех, кто относится к ним как к зверью. Тех, кто считает их бесправными тварями, преступниками лишенными конечностей и обращенными в монстров справедливым вердиктом Матери. И даже если всей своей последующей жизнью новорожденный призм – если повезет выжить! – ты искупил свои неведомые грехи, о которых даже не помнишь… всем плевать. Для обычных людей ты останешься

гребаным призмом. Бросьте камень уроду в харю! Он не такой как мы! Он вонь! Он мразь! Бейте! Убивайте!

Есть ли шанс изменить статус?

Я знал, что есть – раз у Хвана получилось – но вдруг есть еще какой-то способ?

И не обманулся в своих ожиданиях.

Призм кивнул и с клыкастой улыбкой поведал – по статусу он давно уже обычный доброс. И даже вроде как житель одного из далеких крохотный селений, где может смело претендовать на небольшую личную комнатушку и легкие социальные задания от Матери. Как так случилось, что его статус поменялся? Да кто ж знает… но жил он благочинно вроде как, никому зря зла не творил, чужого не брал, в помощи на Тропе не отказывал. Вот всевидящая Мать однажды и согрела мохнатую душу внезапным системным оповещением о смене статуса и «прописке» в поселении Лисенок.

Да…

Но он жизнь менять не стал. Продолжил и дальше скитаться. Да и, честно говоря, статусом уродливого призма никто не интересуется. Но вообще, выходит, что если любой призм совершит зафиксированный Матерью или же подтвержденные достойными, по ее мнению, доверия личностями некий большой хороший поступок или же много хороших мелких, то его статус может измениться с принудительно измененного на доброса.

Всегда на доброса?

Всегда. Ну или как он слышал на «этноса». Но это, по сути, то же самое.

А много этносов он видел?

Парочку. Один этнос так постоянно встречается – тропники. Бродячий этнос не имеющий права на оседлость. Боевые злобные бродяги на запряженных лошадьми повозках, что чистят и чистят Круговую Тропу от всякой мерзости и гадости. И бродосы – одни из немногих, кто относится к призмам вполне спокойно. Не рубят сгоряча. Всегда пригласят к газовому костерку, напоят чаем, выслушают, дадут переночевать в безопасности. Потому бродосов Стив уважает. И всегда старается им помочь – неважно в чем. Будь то помощь в уборке с упавшего на тропу дерева, разгребания оползня, убийства зомби – он всегда поможет тропникам.

Понятно. Бродосы – хорошие.

Да! Бродосы – хорошие! Люди они! Люди! А не твари в людском обличье!

Может это потому, что они все время в пути? Ведь для себя он давно уж убедился – под оседлых все дерьмо стекается, пропитывает их тела и души. Умирают рано от болячек всяких,

вечно злобные, орущие. То ли дело бродячие – к ним мерзота всякая даже пристать не успевает. Они все время в дороге. В их головах не кипят городские мелкие грязные слухи – кто кому изменил, кто кого обманул… Бродяги чисты. И потому бодры, полны сил и доброго любопытства.

Я с еще большим удивлением поглядел на призма Стива. Теперь виден его истинный возраст. Он выражается не в благородной седине, а в глубоких мыслях.

Но я злобный мерзкий гоблин. Не могу не уколоть благородного старика. И потому с радостью напомнил Стиву, как совсем недавно он орал во всю глотку, призывая Хвана покончить с нами ублюдками. Ведь он призм. А мы вонючие добросы…

Стив кашлянул, подергал ушами. И пояснил – вчера он наткнулся на место побоище. Двое призмов – по сути зверолюдов – были убиты, порублены на куски. Над их телами еще и надругались – содрали одежду, понатыкали палки во все отверстия. Девушке пришлось хуже – судя по всему ей еще живой отрезали груди, срезали ленты поросшей мехом кожи, содрали скальп. И наверняка еще и изнасиловали хором – пусть она призм гребаный, но кто откажется поиметь пискливую бабу да еще и бесплатно? И плевать что она больше похожа на хорька, чем на приличного доброса.

Он час собирал куски их гниющих тел. Затем копал могилу, укладывал тела, засыпал, заваливал камнями. И все это время его старая душа кипела в ярости. Ночью чуть успокоился. Но все равно… и тут наткнулся на нас – на добросов. Причем идущих именно оттуда, куда ушли те, кто сотворил подобное зверство.

В Светлый Плес?

Стив кивнул. Оскалился.

Да. Следы тех ублюдков вели в Светлый Плес.

Сколько их было?

Трое. Трое гребаных стражников.

Вергов? Откуда знаешь?

Обувь. Запах металла от кольчуг. Но главное – обувь. Три пары сапог с особым рисунком подошвы. Мать выдает эту униформу только городским стражам. Он немало навидался этих следов за время бродяжничества длиной в жизнь. Так что знай, Оди – в твоем родном городе обитают те еще ублюдки, что творят безумное под покровом леса, а в Плесе ведут себя благочинно.

Усмехнувшись, я не стал поправлять призма. И просто задал следующий вопрос – что значит «считай зверолюды»? В чем разница?

В очертаниях. Призмы уродливы. Либо насекомыми выглядят, либо еще чем кошмарным. Если и похожи на обычных зверей –

все равно где-то перекос отыщется. Слишком тонкие лапы и широченные плечи как у него, к примеру. Зверолюды – иные. Они во всем как люди. Просто силы чуть больше, быстроты. Ну и морды звериные. Лотерея. Кто выиграл – тот выиграл.

Снова упоминание о лотерее. Эшафотная лотерея?

Она самая. Мать выносит приговор. Запускает барабан лотереи. Выпадет тебе кузнечиком родиться – так и будет. А если повезет – превратишься в того же хорька. Быстрого, сильного, пушистого и даже симпатичного. Зверолюдов все равно не любят. Но относятся к ним куда терпимей, чем к призмам.

К тому же бытует мнение, что чем серьезней грех ты совершил, чем страшней твое преступление, тем в большего урода тебя превратит Мать. А если прегрешение твое было невелико или совершено случайно – то и наказание будет мягче. Превратишься в зверолюда.

Понятно…

А те ублюдки верги – троица насильников – что еще приметное в них есть? Учуял что-нибудь?

Стив помедлил, прикрыл глаза, задумался. А затем выдал – запах самогона и копченой рыбы от всех. Но это мало что даст. А вот один из них – хромает. Несильно, но ногу подволакивает. Это не может не бросаться в глаза.

Я кивнул. Стив ответил столь же небрежным внешне кивком и не стал уточнять для чего мне такая информация. Я же, чуть передохнув, отпил пару глотков подслащенной шизой воды из фляги, дал хлебнуть и Стиву. Перебрав вопросы, задал следующий – почему игстрелы здесь редкость? Вот даже в Плесе не было в продаже игстрелов, хотя нашлись запчасти и блоки модернизации.

Призм пояснил коротко – в этой части мира не особо они и нужны. Опасностей мало, а с теми, что есть вполне реально справиться дубинками, топорами и прочим холодным оружием. Есть и луки. Арбалеты. В общем – вполне приличная средневековая жизнь. А еще есть волшебницы могущие немало. Ну и над каждым городком-селением висит по одной-две полусферы наблюдения. Они быстро наведут порядок в случае чего – будь то нападение призмов, зверей, нежити или еще кого.

А вот по ту сторону Тропы, в поселениях что расположены ближе к Заповедным Землям – там в торгматах вроде как можно многое купить из стрелкового вооружения. Если статус позволит.

А в Заповедные Земли как попасть можно?

Этот вопрос я задал, не скрывая любопытства. И не переживая – думаю, многие захотят побывать в землях эльфов. Я точно не покусился на нечто сокровенное.

Эльфов, млять… Бред! Но ладно…

Как туда попасть?

Стив рассмеялся – никак, если ты не эльф или великий герой.

Чудак доброс! Ишь чего захотел! Туда дорога закрыта. Пути перекрыты. Тропинки завалены.

Так что забудь, Оди. Ты точно не эльф. И явно не герой. Хотя с задатками – раз уж пушку раздобыть сумел. Но все равно – забудь. И живи себе спокойно. А если хочется вдруг чего получше – начинай бродяжничать. На этом отрезке Тропы можно всласть гулять всю жизнь!

Почему «отрезке»? Тропа короткая?

Нет. Тропа бесконечна. Вот только…

Остановившись, Стив покрутился, сориентировался и махнул лапой, указывая:

– Туда тянутся земли похожи на эти. Спокойно и привольно, хотя ублюдки встречаются. Но как минуешь пять скальных гряд – начнутся земли живущие под властью Плюса.

Призм показал скрещенные пальцы и продолжил:

– И туда не суйся! Добросы там… странные… суровые… ко всему иному нетерпимые. Призмов ненавидят. И сжигают их на кострах. Я так слышал. Видеть не видел полыхающих костров. Но кое-что все же видел однажды – когда первый и последний раз побывал на границе их земель. Там колья вбиты в землю. А на кольях черепа призмов насажены. Вот так вот… так что туда – только дотуда.

– Ясно – кивнул я и махнул рукой в противоположную сторону – А там что?

– Туда идти долго можно. Двадцать три гряды минуешь. Разные земли увидишь. Разных добросов насмотришься. И там не только леса – они через двенадцать гряд кончатся. Озерные места начнутся – сплошь вода! И города красивые на воде. Так скажу, Оди – в бродяжничестве соль земли – осклабился Стив и неожиданно коротко поклонился – Благодарю за еду. Удачи!

Миг…

И призм буквально провалился в колючую стену кустарника, мимо которой мы проходили. Рэк с ревом дернулся следом, но я остановил его коротким жестом и крикнул в лесной сумрак за кустарником:

– Как найти ближайшее поселение, где можно купить оружие?

– По Тропе направо до гряды! А там увидите указатель – Кронтаун! Туда идут те, кто хочет стать героем или волшебником! Или тем и другим! Но лучше быть просто бродягой!

– Удачи тебе, бродяга!

– И вам! – донеслось уже очень издалека – Свидимся на Тропе!

– Так и не расспросил я его про мишку – хмыкнул я и махнул рукой – Ускоряемся, бойцы.

– Бродяги… – задумчиво произнес орк – Мы ведь тоже бродяги, верно, командир?

– Точно – усмехнулся я – Точно…

– Я хочу стать волшебницей – уверенно произнесла Джоранн, заботливо стирая крошки с жвал Хвана, что уже даже не сопротивлялся этому напору – Пойдемте в Кронтаун?

– Обязательно пойдем – не кривя душой, ответил я – Обязательно.

– Тоже хочешь стать волшебницей, командир? – уточнил орк.

– Героем – широко усмехнулся я – Хочу стать великим героем.

Пару секунд подумав, орк кивнул:

– Понял. Значит станем героями. Чем мы сука не герои? Убиваем отменно, бухаем божественно!

– Точно – кивнул я.

– Разве что бисквиты шоколадные картину портят…

– Отвали от моих бисквитов! – Хван зло щелкнул жвалами.

– Земли живущие под знаком Плюса – пробормотал я, глядя на стену деревьев, за которыми едва-едва просматривались зыбкие очертания скалистой гряды.

«Несколько гряд».

Так вот путешествуя по Чистой Тропе, переваливая гряду за грядой – или скорее проходя через них по той же тропе – можно побывать в самых удивительных местах, судя по описанием мохнатого призма.

Пойдешь налево – угодишь в земли живущие под властью Плюса.

Пойдешь направо по Круговой Тропе – рано или поздно упрешься в некие озерные края. Что дальше? Кто знает. Иди – и узнаешь.

Но я больше интересовался не красотами гнилого мира, а нормальным вооружением и снаряжением по приемлемой для гоблина цене.

– Мы идем в Кронтаун – оповестил я бойцов, заодно скользнув взглядом и по чужой малой группе.

Нанна и Джоранн.

Стремительно подыхающая или уже подохшая группка собирателей социалов. Когда Джоранн сняла с себя маску фальшивой сонной невинности охреневшая Нанна получила

настолько сильный удар по нервным струнам, что немалая часть этих струн попросту оборвалась. А остальные сейчас разлажено дребезжат.

Одного взгляда достаточно, чтобы понять – крепышка держится только благодаря еще бурлящим в ее крови, но быстро исчезающим остаткам алкоголя и наркоты. Еще чуть-чуть… Есть два варианта. Либо она взорвется и примется дубасить Джоранн всем тяжелым, что попадется под руку, а потом сядет на жопу и начнет горько рыдать. Либо же она сразу сядет на жопу и начнет горько рыдать.

Дерьмо…

Некоторые гоблины настолько морально хрупки, что не знаешь с какой ноги и ударить по их психической стеклянной скорлупке…

– Может хоть там че нормально раздобуду? – Рэк задумчиво почесал заросшую грудь, вырвал зубами из-под ногтя кусок содранной кожи, что щедро отслаивалась на месте недавних ранений.

С меня самого шкура слазит разноцветными слоями. Чувствую себя гребаной ящерицей.

– Пора – кивнул я – Дубины котируются все меньше.

– Ностальгия же будет мучить – орк снял с пояса и взвесил в ладони старый добрый гоблинский инструмент – пластиковую дубину украшенную несколькими стальными шипами.

Хорошее оружие. Прекрасно пригвождает к полу чешуйчатых быстрых плуксов. Отменно пробивает тупые головы разных ублюдков. Отлично протыкает яйца – и раздирает их при сильном рывке. Проверено многократно. Тут Рэк прав – ностальгия мучить будет.

Осколок цветного стекла, шило, дубина, топор, свинокол – о каждом из прошедшем через мои лапы оружии я могу сказать пару искренних теплых слов над могилками тех, кого я этим оружием превратил в рваные куски дохлого мяса. И гниющие трупы с радостью подтвердят мои слова – да, да, оружие простое, но так неплохо выбило из них вонючую жизнь…

Встряхнув головой, я тихо выругался – мемвас снова уводит мои мысли куда-то далеко и слишком глубоко, да еще и расцвечивает каждую мысль своим неоновым светом. И запахи добавляет. Воспоминание о шиле пахло свежей кровью и старым потом. Дубина отдавала запашком перепуганного разбрызганного мозга. Осколок стекла пах горячим телом зеленоглазой таинственной красотке, что с хрипловатым стоном извивалась на мне в темноте борделя…

– Мы идем в Кронтаун – повторил я.

– А ужин с низушками в бараке? Так хотелось попробовать китовой ухи… и тот пухлый сисястик из низушков смотрела на меня с таким влажным намеком…

– В свете новых долбаных событий – в жопу ужин и твою сисястую – буркнул я – Сначала дойдем до Тропы. А оттуда – в Кронтаун. Хотя прикинем по расстоянию – может и придется вернуться в Плес для ночевки.

– Расстояния тут млять не маленькие – поддержал меня орк, оглядываясь из-под ладони – Если есть место для безопасной ночевки – срать на расстояния. Дойдем. Главное какую-нибудь зверушку вкусную убить. И костерок газовый отыскать.

– Разберемся – кивнул я – Разберемся…

– Стоп!

В раздавшемся за моей спиной голоске наконец-то зазвучали какие-то дополнительные чувства, а не только безразличие.

Нанна…

Она бросилась на отчаянный штурм. И бросилась с удивительной ненавистью ко мне персонально – если я не ошибся в понимании звучащих в ее ставшим таким неприятным голосе.

– Оди!

– Слушаю тебя, прекрасная жительница Светлого Плеса – улыбнулся я, поворачивая голову, но не сбавляя шага.

– Иди нахрен со своими шутками, придурок!

– У-у-у-у… – закатил глаза Рэк – Хрена себе начало явно дерьмовой беседы. Держись за булки пока не оторвало моральным ударом…

– Заткнись и ты! – Нанна едва не ударила Рэка по лицу оттопыренным средним пальцем.

Орк нехорошо улыбнулся и промолчал.

Тупая дура… она даже на заметила красных грозных огоньков в его прикрытых глазах.

Нанна киснет в своем милом пасторальном городке и всех встречных мужиков мерит по обитателям Светлого Плеса. У тех мужиков есть своя темная сторона, но они ее старательно прячут. В лесах насилуют и уродуют девок-призмов, а в городе всем мило улыбаются и терпеливо сносят оскорбления. Они ведь джентльмены…

Но Рэк не джентльмен. Он выходец из Окраины, бывший ампутант нахлебавшийся дерьма и накопивший уйму злобы. Он насиловать никого не будет, но подобной грубости от какой-то не знающей границ бабы терпеть не станет. Не в его это нраве буйном.

Если бы я не стоял сейчас рядом, орк сначала бы сломал ей выставленный палец, затем оторвал его нахрен и заставил бы

крепышку сожрать оторванный отросток, причем сначала неспешно прожевать, растереть между зубов ноготь, и только затем проглатывать.

Прожуй сто раз – один раз проглоти. Это правильное отношение к своему желудку, гоблин!

Уверен – этот жизненный опыт научил бы ее осторожней относиться к тому, что она говорит и показывает.

Ну или пожить бы ей недельку на Окраине в качестве рядового гоблина…

– Куда говоришь мы идем? – Нанна продолжала наезжать по всем ее выдуманным смешным правилам, причем, судя по позе, судя по тому, как она забежала и перегородила мне дорогу, она считала, что выглядит круто.

Я просто выставил ладонь и толкнул. Вроде бы мягко. Но этого хватило, чтобы ее развернуло и убрало с моего пути. Шагающий рядом Рэк не удержался и зацепил ее плечом. Нанна упала. Охнула. Но тут же вскочила и заорала:

– Эй! Суки! Охренели?! Я говорю – куда идете?! Куда мою Джоранн ведете? Кронтаун? Нахрен идите! Речь была о прогулке до Тропы и сразу назад!

Я еще думал, как бы наименее деликатно ответить, но меня опередила Джоранн, что удивленно распахнула глаза и спросила:

– Нанна… вот ты орешь на них, оскорбляешь. А ведь мы в глухом лесу далеко от города. И Мать здесь нас не видит – ее око далеко. А если они сейчас реально обидятся и попросту оттрахают тебя во все дыры, а затем отрежут тебе руки-ноги, вспорют живот и бросят подыхать под елку на вон тот муравейник?

– А… – сказала Нанна.

– Три здоровых чужака с острыми ножами – Джоранн наклонила голову, провела ладошкой по жвалам дернувшегося от неожиданности Хвана – А у одного из них ножи вместо рук, а может и вместо члена настоящий гребаный тесак. И ты не боишься?

– О-о-о… – тихо-тихо прохрипел Рэк, глядя на рыжую с настоящим нескрываемым уважением.

– А если этот колючий призм из-за тебя и меня жестоко оттрахает на том же самом муравейнике и перед моим искаженным от кайфа лицом будут твои изрезанные вонючие кишки, а в ушах станет звучать твой затихающий визг?

– О… – порывшись в кармане, Рэк протянул рыжухе таблетку «шизы». Дар от всего проникшегося уважением сердца. И она его приняла – с царственным безразличием сунула в карман куртки и забыла.

– Я… – сказала Нанна – Я…

Она не сводила остекленевшего потрясенного взора с рыжей подруги. Ей бы на сцену – с ее данными принцесс не играть, а вот сереньких простушек с глубоким душевным надрывом – запросто.

Дерьмо… снова во мне говорит гребаный мемвас.

Эффект «живого памятника» быстро исчезал – Нанна стояла, а мы шагали по щебневой дорожке, уходя все дальше. Между нами десять шагов, двенадцать… я считал по привычке – заразился от Баска, что раньше вечно бубнил себе под нос всякую математическую хрень.

Пятнадцать…

Побежит за нами?

Осядет на жопу и погрузится в долгие бесполезные рыдания?

Круто развернется и почти побежит обратно в Плес?

– Вы сломали мне жизнь, суки! Сломали мне мою жизнь! – выкрик Нанны был похож на крик птицы обнаружившей разоренное гнездо – Вы убили меня!

Все же зарыдает…

Вот дрогнули губы. Оплыло плаксиво лицо, сморщился как у готовящегося устроить истерику капризного ребенка, с ненавистью сверкнули глаза, нога ударила пяткой в землю и… темные осклизлые пальцы пережали ей глотку, резко дернули назад, одновременно вспарывая натянувшуюся кожу черными изогнутыми ногтями, что больше походили на когте. Беззвучно распахнув рот, Нанна подалась спиной назад и на ее глотке сомкнулись оскаленные зубы. Укус. Рывок. Ошметок плоти смятым и липким носовым платком отлетел прочь. Хотя скорее, как пробка из бутылки игристого вина – кровь ударила фонтаном и к красному потоку с утробным рывком припал обнаженный зелено-бурый… человек?

Мужчина так точно – судя по тому органу, в который умирающая Нанна с удивительной быстротой и яростью вонзила нож. Эта ярость и быстрота говорили о том, что удар ножом в пах она репетировала до этого. Может даже воображала воочию как вонзает нож в яйца уродливого призма Хвана или же в ненавистное ей достоинство гоблина Оди…

А почему ненавистное то? Чем ей мое достоинство поперек глотки встало?

Это не я заторможенно думал. Как раз наоборот – все вокруг казалось заторможенным, равно как и мое тело, а вот мой разум понесся вскачь. Мне почудилось, что телесно я обратился в черепаху и все пытаюсь прорваться сквозь слой ваты, но не могу – физические возможности не позволяют.

Но без дела я не стоял.

Ствол игстрела пошел вверх и еще не поднявшись, выплюнул одна за другой пару игл. Первая вошла в шею кусачего бурого ублюдка, что покрасил свою харю чужой краской. Вторая игла влетела в глаз подбегающего второго извращенца, чья обросшая каким-то пакостным дерьмом грудь была исполосована белыми бороздами – будто он по камням грудаком волочился. Подкрадывался, сука лишайная?

Хотя это не лишай, не почесуха. Это не скаббы. Это гребаные зомби.

Я отмер.

Мир наполнился звуком, движения перестали казаться тягуче медленными. Мозг замедлился. И это едва не сыграло со мной злую шутку – едва увернулся от мужика с иглой в башке. Что-то игла ему там порвала, когда проклюнула глазное яблоко насквозь. Что-то лопнуло из связей головных, и орущий зомби мотался из стороны, едва не падал. Но от этого его движения оказалось куда трудней предсказать. Пришлось отступить на пару шагов. И пронаблюдать как подскочивший призм одним ударом сносит зомбяку голову с плеч. Обезглавленное тело рухнуло на землю и заколотилось, выплевывая из шеи серовато-красный фонтан. Руки уперлись в землю, труп – он должен был уже сдохнуть без башки-то! – начал подниматься. Хван неумело, но сильно рубанул с двух рук, перебивая позвоночник. Руки безвольно разъехались, труп медленно задрожал. Рэк деловито и молча рубил первого кусачего ублюдка, продолжающего держать Нанну мертвой хваткой. Голову ему орк отрубать не стал – в смысле целиком. А вот сплющить ее и крупно нарубить, добавив к этому месиву рубленные руки – тут он справился, показав скромный талант кулинара-дизайнера. При это весь уделался в крови зомбячей.

Да и по мне что-то стекало.

Шагнув к затихающей на пропитанной кровью земле подруге, рыжая Джоранн нагнулась, заглянула ей в уже начавшие закатываться глаза и смешливо прыснула:

– Боже… ты так смешно булькаешь…

– Су… – выдавила Нанна – Су-к… а… я… лю… ила… те… я…

И с облегчением затихла.

Покатав во рту, Рэк сплюнул тягучим красным, утер окровавленную харю грязным локтем и задумчиво пробурчал:

– Ну и на кой хрен мы бабло на новую одежду тратили?

– Что ты! – оскорбился я – Мы же будущие млять герои! А может даже волшебницы! Должны выглядеть опрятно…

– Хы – осклабился орк и снова посерьезнел – У меня мозг болеть начинает, когда я задумываюсь об этом дерьме.

Командир… ты ведь слышишь то же что и я? Волшебницы, герои, чудовища. Так скоро до сучьих драконов и истраханных принцесс в башнях дело дойдет. Чем дальше мы от дома – тем сказочней бред! Будто мы внутри галлюцинации пускающего слюни сумасшедшего фавна закинувшегося наркотой и запившего все радужным молоком из пухлых сисек феи… Тебе херово от этого не становится?

– Не – ощерился я – Не становится. Помни главное. И это расставит все по своим местам.

– И что это главное?

– Точка зрения – ответил я, глядя на умершую Нанну – Гребаная точка зрения…

– Я не понял.

– И я – признался Хван.

– Все просто. Невероятные россказни сумасшедшего кажутся абсолютным бредом всем кроме самого сумасшедшего. С его точки зрения он рассказывает банальную, логичную и даже охереть насколько скучную правду. И не понимает, чего это слушатели крутятся юлой от ужаса и на глазах седеют. Ну или просто ржут, задыхаясь от смеха.

– Банальной и скучной правдой? Вот это безумное дерьмо – Хван крутнулся юлой, со свистом разрезав воздух шипастыми лезвиями – Хоть кому-то может показаться нормальным?

– Ага – кивнул я – С его точки зрения – все нормально. Добавь к его точке зрения его же точку обзора и получишь закономерный результат.

– Это откуда же надо смотреть, что все казалось нормальным?

И в этот раз я не промедлил с ответом:

– С вершины. Или из центра. С места куда стекается все ментальное дерьмо мира. Что-то вроде небесного Дренажтауна. Этакий сучий Центровилль надежно закрытый от поганых гоблинов и прочих уродов. Догадываетесь куда я клоню?

– Гребаные эльфы? – предположил Хван.

– И трахнутые эльфийки? – добавил Рэк.

– Волшебные высшие, что дарят любовь – прикрыла прекрасные глаза Джоранн, а ее прелестные губы скривились в сардонической ухмылке – Ублюдки…

– Вы сами подумали о эльфах – пожал я плечами и присел над мертвым зомбаком – Ну что, бойцы, какое мнение о этих тварях? Что заметили? Что удивило?

– Да дерьмо! – презрительно скривился орк, но тут же удивленно добавил, показывая левую лапу – Как успели зацепить? Пробороздил сука… щиплет…

– Быстрые! – заметил Хван и дополнил – Но я быстрее. Вопрос кто живучей – я или зомби?

– Ты – коротко ответил я, без какой-либо брезгливости оглядывая и ощупывая липкие и еще дергающиеся останки, что некогда были человеком.

Особо разглядывать оказалось нечего – голый мужик покрытый слизью. Стоит стереть слизь – под ней обнаруживается испещренная густой сетью вен кожа. Вены темные, вздутые, но быстро опадают, сдуваются. И сдается мне это связано с продолжающей слишком уж сильно вытекать из ран кровью. Сердце твари еще бьется? Прижав ладонь к ребрам слева, выждал буквально секунду и убедился – сердце бьется. Продолжает качать кровь, которой все меньше. А вот ребра на ощупь странноватые…

– Рэк!

– А?

– Срежь у того чудика мяса с груди. Ребра чтоб показались.

– Ща.

– Помогу – призм легко вызвался помочь в кровавой работенке.

Но их обоих опередила Джоранн. Присев, рыжая красотка взмахнула показавшимся в руке ножом с коротким лезвием. Одним взмахом вспорола кожу и не замедляя темпа, продолжила расширять надрез, как-то слишком уж старательно и любовно обводя им грудные мышцы дергающегося зомби со сплющенной башкой и пробитыми яйцами, в которых все еще торчал нож Нанны. На брызги крои Джоранн не обращала ни малейшего внимания. На ее лице медленно расплывалась теплая обворожительная улыбка.

Изучив первое тело – в том числе на запах – я встал и пошел на звуки препарирования, по пути укладывая в голове узнанное. Увидев мое лицо, стоящий над работающей Джоранн орк помахал раненой лапой:

– Чем там с уродом?

– Отменная физическая форма – заметил я – Именно что отменная. Мышцы каменной твердости, но без излишков, подошвы покрыты чуть не роговой коркой, а мускулы ног – там не снимая кожи анатомический атлас рисовать можно. Короче – очень сильные, быстрые и выносливые твари. Уверен, что они без всякого труда смогут бегом преодолеть немало километров. А вы чего еще заметили, бойцы?

– Попахивает от них чем-то странноватым…

– Попахивает – буркнул я – Эй! Хватит с меня сегодня разочарований, сыроеды! Где ответ на главный вопрос?

На меня удивленно выпучились две пары глаз. Джоранн продолжала увлеченно работать, аккуратно подрезая пласт мяса с груди.

– Откуда они тут взялись? – спросил я – А? Причем за нашими спинами. Откуда?

– О мля… – крутнулся все понявший орк и припал к земле – Ща…

Призм последовал за ним. Парни, усердно изображая следопытов, несколько минут впустую теряли время на бетонной дорожке, но затем удача улыбнулась им и по обнаруженной зыбкой цепочке следов они двинулись к невысокому, но густому скоплению кустарника.

– Тут лежка! – крикнул орк, стоя по колено среди кустов – Неглубокая яма. Рядом кости обглоданные прикопаны.

– А второй откуда взялся?

– Ищем…

– Он с другой стороны пришел – призм указал лезвием на ту сторону дорожки.

Глядя, как следопыты продолжают носами землю рыть, я вспомнил злые слова опытного старшего верга Мнута: «*Скабб – заразный чесоточный безумец. Ревет, весь в крови и царапинах, чешется, прыгает, крутится. Выглядит жутко. Но, по сути, обычный спятивший доброс. Дал по башке дубиной и оттащил в медблок. А что еще важнее – скаббы в засадах не сидят, тайком не подкрадываются, с ветвей и скал на голову не прыгают, подземных ловушек не устраивают.*

– А зомби?

– Делают все это и не только. Да еще и объединяются в стаи»…

Рассказ верга подтвердился на практике. Зомби умеют устраивают засады. И обладают достаточным терпением. Способны лежать в укрытии долгое-долгое время. Что это за болезнь такая?

– Еще яма! – оповестил Хван – Такая же!

– Ищите дальше! – приказал я.

– Что?

– Что-нибудь. Прикиньте на каком расстоянии от дорожки были эти две ямы. Очертите круг – и прошерстите все внутри окружности. Круг чертите с запасом. Еще хочу знать чьи там кости прикопаны.

– Сделаем.

– Мой милый августин, августин – мурлыкала Джоранн, завершая работенку.

С треском – особенным, длинным, брызжущим кровью – она

оторвала огромный пласт окончательно и, разом потеряв интерес, отбросила его в сторону. Уставились в небо едва видимые в серо-зеленой слизи соски. Мелко подрагивало под искусственным солнцем тело не желающего окончательно сдохнуть зомбяка с обнаженной грудиной.

– Понятно – хмыкнула Джоранн, вытирая лезвие ножа о большой лист лопуха – Ребра…

– Ребра – согласился я, бросив последний взгляд на ее умелые движения и сосредоточившись на ребрах.

Они были слишком широки. Я не спец по ребрам людским, но тут и спецом быть не надо – ребра выглядели слишком широкими. Настоящие костяные пластины почти без промежутков между ними. Костяной панцирь скрытый под кожей. Наверняка то же самое и со спины. М-да…

Снова посмотрев на нашу новую спутницу, спросил с нескрываемым интересом:

– Как часто нож кровью пачкала?

– Когда в Плесе жила?

– Да вроде еще и живешь.

– Я с вами – солнечно и мило улыбнулась девушка, заложив руки за спину и медленно покачиваясь – Я с вами… ты против, командир?

– Ни в коем случае – оскалился я – Только предупрежу – мы точно сдохнем.

– Все сдохнут. Просто некоторые подохнут неудачниками – седыми и выжившими из ума гребаными стариками лежащими на постелях и смиренно ждущими смерти, заодно перебирая в головах свои фальшивые достижения вроде нажитого добра, большой семьи, доброго имени и сраной репутации. А некоторые сумеют уйти красиво – вознесшись на кровавом фонтане прямо в небеса! Я лично стареть не собираюсь.

– Круто – восхитился я – Группа распалась прежняя?

– Да. Предложишь девушке рабочее сближение, командир?

– Так как часто нож кровью пачкала?

– Из-за Нанны – не каждый день – сморщилась недовольно Джоранн – А так – всегда, как только представлялся случай. Я люблю резать. Люблю смотреть. Люблю запускать пальцы в живую рану и ощущать тревожную пульсацию уходящей жизни. Я за боль и кровь. Я против обезбаливающего.

– И кого резала при случае?

– Чаще всего рыбу. Медленное потрошение и наблюдение. Иногда везло и в руки попадала какая-нибудь зверушка. Вот это было интересно. Иногда оставляла раненую тварь до утра и добивала перед тем, как надо было идти выполнять задания.

Утреннее убийство – прекрасный способ взбодриться. Да еще неплохо помогает улыбаться этим никчемным ублюдкам что только и могут намекать в разговоре о своей лживой выносливости в постели и не менее лживых размерах. Слушаешь их, улыбаешься скромно в пол, а сама видишь лишь пульсацию их вен на висках, шее, запястьях. Так и хочется легонько резануть дважды… выдержать паузу, потом резануть ее пару раз – и увидеть, как изумление в их глазах сменяется страхом и ужасом… и только тогда они становятся искренними. Понимаешь? Нет? Слишком откровенно и жутко для тебя?

– Ты не знаешь, что такое настоящая жуть – покачал я спокойно головой – Пока я вижу лишь испорченную девчонку с мелкими забавами. Девчонку, что втайне считает себя крутой. Но это не так. Ты просто блестящая конфетка с подтухшей начинкой. Но ты точно не кровавая могучая тварь. А жаль – мне бы такая пригодилась.

– Вот как…

– Мы пришли сюда прямиком из твоего рая – усмехнулся я – Из места, где можно не натягивать на лицо фальшивую улыбку, из места, где можно мучить и убивать каждый день. Тебе бы там понравилось. А может и состоялась бы одна интересная встреча, за которой я бы хотел понаблюдать…

– Вы вернетесь туда? – в прекрасных глазах засверкали искорки жгучего интереса.

– Кто знает? – пожал я плечами – Кто знает… Принимай предложение, бывшая одиночка Джоранн.

Та медлить не стала. Мгновенно приняла предложение, коротко улыбнулась и задумчиво присела над телом бывшей подруги. Достала нож. Я наблюдать не стал – не до этого. Пусть в одиночестве рисует кровавые цветы на мертвых щеках.

Мимоходом глянув на интерфейс, я зашагал на призыв Хвана, стоящего в центре очередных кустарниковых зарослей.

Нас снова четверо. И та, кто заменил Йорку, вроде бы не мечтает о тихом семейном уюте и спокойном сытном будущем. Уже отрадно. Уже отрадно…

Состав группы: Эрыкван. (2Б + 2Н) **Лидер группы**. Статус: норма. Джоранн. (Р) Член группы. Статус: норма…

– Вот – призм ткнул лезвием в землю.

Я с подоспевшим Рэком с интересом уставился вниз.

Очередная неглубокая яма. Пустая. Очередная кучка присыпанных землей костей. Вывернутый из песка обглоданный череп с остатками длинных светлых волос.

– И куда делся третий? – поинтересовался я, оглядывая окружающий нас лесистый пейзаж.

– Мудило гнойное! Ты где?! – завопил орк – Приди и сдохни!

Наверняка отсутствующий зомби нас слышал. Наверняка даже видел. Он должен быть где-то неподалеку. Отлучился на поиск жратвы к примеру – и запоздал к моменту начала драки. А вернувшись, понял, что не справится и затаится. Ну или продолжает где-то бродить в лесу.

– Двигаемся дальше – распорядился я.

– С пополнением нас – заметил Хван.

Я коротко кивнул и зашагал к дорожке, где нас ждала беспечно рисующая ножом прекрасная девушка. Там, потратив немного времени, мы соорудили волокуши из срубленных жердей, лапника и веревок. Погрузили мертвые тела. Бойцы впряглись и двинулись по дорожке. А я шел чуть в стороне, держа игстрел наготове. Где-то бродит еще как минимум один зомби…

Преодолев не больше двух тысяч шагов, мы остановились на небольшом красивом взгорке поросшем низенькими деревцами с бело-черными пятнистыми стволами. Деревца знакомые, очень знакомые, но почему-то не смог вспомнить их названия. Да и плевать на растительность – с взгорка открылся прекрасный вид на лежащую прямо под нам Чистую Тропу.

Глава восьмая

Тропой я бы не назвал эту бетонку.

Да, уже несколько раз слышал, что это скорее дорога, чем тропинка. Но все же в словах местных обитателей было много упущений. Тут не тропа. Не дорожка. Даже не дорога. Тут настоящее бетонное двухполосное шоссе, да еще и с двумя железнодорожными путями утопленными в бетонке. По сторонам чуть приподнятые широкие дорожки – вот это уже пешеходные современные тропы. Но и это еще не все – за пешеходными, на самом краю, имелись еще две дорожки. Их предназначение оказалось легко понять по нарисованным на них велосипедам, роликовым доскам и чем-то там еще мало разборчивым с нашего наблюдательного пункта.

Чистая Тропа…

Хрена себе путеводный круговой путь рассекающий лес.

Леса, кстати, рядом не было – ни одного деревца на расстоянии метров двадцати от дорожки. Лишь зеленая-зеленая трава с редкими желтыми пятнами и еще более редкими снежными нашлепками. Цветущих прямо в снегу кустиков хватало – там влекомый порывами ветерка снег и цеплялся. А ветер был сильным – я ощущал отчетливое давление в плечо, трепало одежду.

– При стальном небе и стенах порывистый и сильный искусственный воздушный поток жизненно необходим растительности – изрек вдруг стоящий рядом Хван.

– Почему? – лениво спросил я.

– Иначе древесина станет невероятно хрупкой – ответила Джоранн, прижавшись щекой к плечевому бугру призма – Деревья без ветра не живут. Как человек без боли…

Хмыкнув, я продолжил наблюдать. Выбегающая из-под наших ног дорожка уходила вниз по склону и под небольшим углом вливалась в тело Тропы, что подобно полноводной ленивой реке тянулась по широкой просеке. Из-за отсутствия леса бетонное тело Чистой Тропы казалось настоящей границей – между этой относительно мирной по слухам стороной и той – что начиналась за темной и густой лесной чаще по ту сторону. На горизонте за деревьями, в клубящемся далеком тумане, угадывались очертания высокой скалистой стены выглядящей непреодолимой преградой. Где-то там и лежат Заповедные Земли. Где-то там обитают высшие добрые создания – эльфы.

Рядом с местом слияния дорог я заметил большое квадратное возвышение – бетонная площадка с двумя навесами по краям, что

вполне могли защитить от снега и дождя, а частично и от ветра. Место отдыха. И наверняка там сыщется полусфера наблюдения.

– Командир – зевающий орк привлек мое внимание к Тропе – Гляди чего там.

– А вот и бродячий охранный этнос – сказал я спустя пару минут, вдоволь насмотревшись на медленно приближающуюся группу высоких и довольно странных фургонов, что ровным строем двигались по ближней к нам полосе – Судя по направлению – двигаются от плюсовых земель в сторону озерного края.

– Пытаешься запомнить ориентиры? – прострекотал призм.

– Карт местности в продаже не видел – кивнул я – Спускаемся.

– Как ведем себя с ними?

– Да как обычно – дернул я плечом и первым двинулся вниз.

Впрягшиеся в волокуши бойцы последовали за мной, под шорох и треск щебенки стаскивая вниз трупы. Следуя тропинке, мы преодолели метров тридцать, и я получил системное уведомление о успешном выполнении задания.

Баллы С.Э.О.Б.: 115

Следом, с тихим гудением, из края бетонной площадки медленно выползла стальная колонна снабженная визорами, сигнальными огнями и прочей системной лабудой. Аналог наблюдательной полусферы. Вполне разумно. Стальная колонна чуть помедлила, затем мигнула тревожным желтым, пробежалась красными лазерными лучами по нам и волокушам.

Немедленный сжатый вербальный доклад в свободной форме о гибели доброса Нанны, и о телах двух зараженных. (Говорить громко, разборчиво, звуковую волну на светящийся зеленым объект).

На вершине колонны зажегся выжидательный зеленый огонек.

– Во время патрулирования столкнулись с двумя зараженными гнилью, подверглись нападению в результате коего доброс Нанна была убита. Дав адекватный отпор, уничтожили зараженных. Обыскав местность, обнаружили три ямы-лежки, грамотно скрытые кустарником. То есть – где-то между Чистой Тропой и поселением Светлый Плес может бродить как минимум еще один зомби. Там же в лежках нами были обнаружены обглоданные звериные и человеческие кости. Быстрые поиски третьего зараженного результатов не дали, и мы продолжили патрулирование. Мертвые тела доставили с собой. Доклад завершен.

Секунда… другая… и перед глазами засветились новые

строчки текста.

Задание: Доставка А. Описание: Передать мертвое тело доброса Нанны двадцать восьмому сторожевому табору. **Место выполнения**: ожидать в текущем местоположении. **Награда**: 12 с.э.о. б**. Поощрение**: игровой вызов любому члену группы.

Задание: Доставка Б. Описание: Передать мертвые тела двух зараженных двадцать восьмому сторожевому табору. **Место выполнения**: ожидать в текущем местоположении. **Награда**: 24 с.э.о. б**. Поощрение**: разовый доступ лидеру группы к любому из торговых автоматов двадцать восьмого сторожевого табора.

– Плевать на Нанну, а вот трупы мы точно сдадим сторожевому табору! – я прищурился, с нетерпением глядя на медленно приближающий отряд.

– Если не будет ничего толкового – купи бисквитов, командир – попросил призм, опускаясь на корточки и принимаясь очищать жвала от налипшего мусора и крошек.

– Иди в жопу со своими бисквитами! – прорычал орк – Хорошего бухла купить надо! Башка трещит…

– Отвалите – легко и просто ответил я, проверяя свой денежный баланс – Если что и куплю – то только касающееся оружия и только для себя любимого.

– А любимый отряд преданных бойцов?

– У нас минут десять еще до их подхода – заметил я – Давайте-ка займемся отжиманиями и приседаниями, преданные любимые бойцы. И почему же сука у меня так свербит между лопатками, когда спина направлена на вон те сраные елочки?

Все как один уставились на взгорок, что был чуть в стороне от пригорка, поросшего белыми деревцами. На указанном мною возвышении росли хвойные, причем росли довольно тесно. Вместе все создавало радующий взгляд гребаный пейзаж, что станет головной мукой для любого параноидального пешехода боящегося разрывной пули в любимую тыкву – там прямо напрашивается идеальное укрытие для меткого стрелка. Хотя именно поэтому я бы там размещать свою снайперскую лежку бы не стал. Я бы скорее предпочел залечь вон там, среди высоких и постоянно колышущихся алых цветочков чуть левее высокого снежного…

– Может сходить и проверить? – призм со скрипом хитина повел плечами – Сойдет вместо приседаний.

– Быстро обернемся – с готовностью кивнул орк.

– Не – качнул я головой, сверля взглядом еловую рощицу на взгорке – Не… туда я вас детишки одних не пущу. И сам не пойду – а то вдруг пропустим наш рельсовый экспресс…

– Этих черепах? – Хван с презрением щелкнул жвалами – Ха!

Они едва ползут.

– А куда им торопиться? – заметил орк и полез на возвышение – У них вся жизнь – дорога. О! командир! Здесь торгматы!

– Бисквиты… – заторопился следом Хван – Бисквитики…

Джоранн, легко и грациозно поднялась на платформу, причем проделала это прямо перед огромными глазами призма. И проделала так, что от его внимания просто не могла укрыться ни одна деталь ее прелестного тела. Поднялась, обернулась, зажав ладони между бедрами, наклонилась, с восхищением глядя на призма, и едва не касаясь его жвал пышным бюстом. Хван, повисев в легком замешательстве, решился и, упершись макушкой в сиськи, полез дальше.

Облокотившись локтем о нагретую солнцем стену платформы, я краем уха прислушивался к комментариям орка касательно хренового мать его ассортимента, чтоб им всем сукам матки порывали, но основное внимание было поделено надвое. Я прислушивался к ощущениям позвоночника, что по-прежнему был направлен на ельник. И вглядывался в сторожевой табор, что приблизился уже достаточно, чтобы разглядеть немало удивительных подробностей.

Фургоны чередовались с широкими платформами – это стало отчетливо видно, когда табор начал проходить изгиб Чистой Тропы и некоторое время я мог видеть его частично в профиль. Фургоны и платформы идут по рельсам. А тащат их лошади. Высокие красивые создания из плоти, крови, пластика, железа и электронной начинки. Если точнее – каждое транспортное средство было запряжено в четверку лошадей. Передние две лошадки – красивые ухоженные и живые. Следующие две – что угодно, но не живые создания. Четвероногие безголовые шагающие роботы, запряженные в ту же упряжку. Судя по тому, насколько привольно бегут передние живые лошадки – они здесь чисто для декорации. Всю основную тягловую работу выполняют безголовые лошади из стали и пластика. Что вполне логично – платформы и фургоны очень массивны и нагружены будь здоров. Увидев гору прикрытых брезентом ящиков на одной из платформ и поглядев на впряженных в нее веселых лошадок, я заподозрил кое-что еще и опустил взгляд ниже. Не слишком ли широкие колеса у повозок? Да и толстые вздутия между колес наверняка скрывают в себе нечто больше, чем просто скучно крутящиеся железные ости. Нет. Подозрительный гоблин Оди уверен – и тут фальшивка. Сдохни все лошади – включая железных – платформы и фургоны вполне смогут продолжить путь самостоятельно.

– Обман, обман, обман – пробормотал я и резко развернулся.

Ствол моего игстрела уперся под нос застывшего черноволосого парня в яркой красной бандане.

– Хотел что-то, бродяга? – мирно поинтересовался я, не обращая внимания на выскочившего из-за края платформы второго бронзовокожего крепыша с короткой винтовкой в руках, что так заманчиво напоминала обрез.

– Э… – сказал парень в красной бандане.

Внимание! Вы нацелили игстрел в головной мозг представителя двадцать восьмого сторожевого табора! Немедленно опустите оружие, Эрыкван!

– Не нервничай – осторожно сказал парень – Просто чуть пошутить захотел. Ты так лениво стоял…

– Ну да – кивнул я, опуская игстрел и тут же вдавливая его в тело парня снова.

Внимание! Вы нацелили игстрел в гениталии представителя двадцать восьмого сторожевого табора! Немедленно опустите оружие, Эрыкван!

– Если Мать предупредит третий раз – заблокирует игстрел на сутки – предупредил парень.

– Ну ладно – вздохнул я, отводя игстрел.

– Все же надо и мне уже пушку покупать – вздохнул горестно орк, опуская занесенный для броска нож – Из меня метатель дерьмовый.

Балансирующий на перилах призм спрыгнул обратно и флегматично утопал обратно к торгматам.

– А ты чуткий – расцвел в еще более широкой улыбке представитель двадцать восьмого сторожевого – И что-то нихрена ты не похож на сыроеда из семнадцатого этноса. А если и оттуда – как здесь оказались?

– На трахнутых тунцах приплыли – ответил я улыбкой на улыбку.

В ответ я получил понимающую насмешливую улыбку и скорбное выражение лица:

– По вам видно. А вас тунцы не поимели по дороге? Не бесплатно же катали.

– Какой ты грязный мечтатель – вздохнул я и покачал головой – Тебя вчера сыроед интимно обидел? И ты затаил злобу?

Рассмеявшись, парень кивнул, показал большой палец. И круто развернулся, уставившись на мертвые тела. Его тон потерял насмешливость, зато приобрел сугубо рабочие нотки:

– Нанна и два зомби в обнимку?

– Точно.

– Вас самих зацепило… – это было спокойное утверждение, а не вопрос.

– Пару раз – столь же спокойно ответил я, забрасывая игстрел за плечо и хватаясь за край платформы – Уколете?

– По любому. Вы только что стали моим дополнительным оплачиваемым заданием. И получите инъекции добровольно или принудительно – как именно решать вам, бродяги. Но сам знаешь – бешеный пес долго не живет.

– Сопротивления не будет – отмахнулся я уже сверху – Да и какой дебил решится отказаться от инъекции против зомбации?

– Полно таких. Странные верования и все такое. Так кто вы?

– Ты сумел послать запрос. Твой статус не ниже верга?

– Мы верги и есть. Хотя скорее пограничники на вечной службе Матери.

Парень, чуть изучив меня и спутников, ненадолго задержав взгляд на формах облокотившейся о перила Джоранн, говорил спокойно, уверенно и удивительно грамотно для своих лет.

– Мы сыроеды – пожал я плечами – Так уж получилось, что родились именно там.

– И получили боевой статус вместе с наградами? На крайней точке Музейного Обода?

– Случился однажды там прорыв тварей – ровно ответил я – Будто крышку ада сорвало и выползло наружу такое…

– Снизу?

– Снизу. Из стальных кишок. Поперло как протухшее дерьмо. Еле отбились. Система отметила за мужество.

– Система – повторил парень – Я Тон.

– Оди.

– А Мать говорит – Эрыкван. Прозвище?

– Оно.

– А ты чего таким напряженным кажешься, Оди? Уколов боишься?

– Дальнострел есть у кого из ваших?

– Снайперка? Найдется. А что?

– Вон тот ельник меня напрягает – чистосердечно признался я, указывая глазами – Причем сильно так. Аж свербит.

Пограничник не стал задавать дополнительных вопросов. Глянул на ельник, перекинулся взглядами с внимательно слушающим, но не вмешивающимся напарником, после чего что-то тихо сказал в рукав.

– У вас связь – констатировал я, не скрывая зависть.

– Связь – подтвердил тот – Но мы бойцы и стражи. А вам бродягам для чего?

Пожав плечами, я спросил:

– Останавливаться будете?

– На полчаса – кивнул Тон.

– Посидим у костерка? Угощу самогоном и холодным мясом.

– Хорошо. Сразу как вас Мать уколет – так и сядем у костерка газового.

– Договорились – на этом пока закончив разговор, я глянул на трупы, что продолжали валяться бесхозными кусками мяса и пошел к навесу скрывающему пару торгматов.

Там ждал небольшой сюрприз.

– Да – с хрюканьем кивнул Рэк, увидев мой ошалелый взгляд – Такие вот сука покупатели…

– Охренеть – признался я, отступая на шаг и внимательно оглядывая оба торговых автомата.

Устройства были исполосованы глубокими бороздами. При этом корпуса ведь далеко не из жести. Тут стальной формованный лист. Бронированное стекло витрины. Автоматы буквально ввинчены в бетон платформы. Даже лотки выдачи прикрыты заслонками из стали и хрен откроются, пока в них не упадет твоя покупка. И вот эти стальные кубики покрыты с витринной стороны размашистыми следами когтей. Примерив ладонь, убедился, что у меня пальцы коротковаты. Тут больше похоже на звериную ярость. Кто из зверей может сотворить такое? На ум приходит только медведь. Но вряд ли тут поработал зверь.

– Призм – сказал я.

– Наверняка – повел деформированной головой Хван – Кто-то сильно хотел бисквитов.

Захрустев, роняя шоколадную крошку, призм прожевал и добавил:

– Кто-то из диких призмов.

– Это сделал Брон Барс – впервые подал голос темноволосый напарник Тона – Мать зафиксировала на видео и разослала всем сторожевым таборам.

– Поймали?

– Даже не дернулись. Брон Барс умен. И уже долгие годы лютует вдоль Чистой Тропы. Учти, незнакомец с головой раздавленного богомола – Брон ненавидит тех призмов, что имеют дела с обычными людьми. Он выпотрошит тебя.

– Или я его – ровно ответил Хван.

Рассмеявшись, крепыш развернулся и совершил удивительный прыжок – вроде едва согнул и даже как-то лениво распрямил ноги, но его подняло в воздух на полтора метра, перенесло через перила и опустило на травку-муравку в паре метров от платформы. Там он лениво опустился на лежащее на двух чурбаках бревно, хлопнул в ладоши и перед ним послушно вспыхнуло желто-синее пламя газового костерка. Стащив с плеча рюкзак, не обращая внимания на смотрящие на него трупы, он

вытащил кусок колбасы, нанизал ее на острие длинного ножа и принялся жарить. В другой руке появилась фляга.

– Пойду с мужиком о прыжках поболтаю – оживился орк, поспешно тыкая по засветившейся витрине окровавленным пальцем.

Выбрав пару бутылок с изображенными на этикетках лимонными сморщенными лицами, он с куда меньшей грацией преодолел перила и зашагал к костру. Похоже, расположенная буквально в паре шагов двойная удобная лестница ведущая на платформу и обратно сегодня так и не будет использована и ночью станет горько плакаться, жалуясь на свою невостребованность. К крепышу подсел Тон. На медленно подходящий табор они внимания не обращали. Тон тоже достал кольцо темной колбасы, покосился на широко улыбающегося орка и со вздохом отломил половину. Заграбастав мясо, Рэк откусил, задумчиво прожевал, просиял, вытащил из ножен свинокол. Здесь случилась заминка – вроде парни ленивые, но мимо их глаз оружие не прошло и явно заинтересовало. Прямо прилипли взглядами к лезвию и рукояти.

Еще бы не прилипнуть. У нас несколько трофейных свиноколов и все они выглядят одинаково. Прямое и узкое длинное лезвие, хорошая заточка, крепкая сталь, а на рукоятях немало философских изречений и выцарапанных грубых рисунков.

«Свинье прямо в сердце бью!».

«Свинке сиськи ровно срежем!».

«Смерть свиньям!».

«Гоблиноруб!».

«Во имя Понта!».

«Через жопу к мозгу прорезал трижды!».

Мне, да и остальным, было как-то плевать на все эти детские надписи и изображение мученически умирающих свинок. А вот другим подобные украшения могли показаться странными.

– Трофей – небрежно буркнул Рэк в ответ на вопрос Тона и провел себе пальцем по горлу.

Его спросили что-то еще, стрельнув при этом взглядами в мою сторону. Но орк лениво отмахнулся, давая понять, что дело прошлое и неинтересное. Ему протянули флягу. Рэк ее с готовностью принял, хлебнул чуток, покатал во рту. И снова просиял, сделал глоток чуть больше. Именно что чуть – понимает, что любящий командир может и булки порвать за чрезмерное возлияние. А вот за его чрезмерную откровенность я не волновался – орк язык не развяжет и лишнего не скажет.

Купив за один сэб банку изотоника, откупорил, облокотился

о перила и с крайней задумчивостью принялся созерцать уже подошедший табор. Рядом встали Хван с Джоранн. Призм хрустел, девушка задумчиво пыталась пропихнуть язык в горлышко бутылки энергетика. И все мы глядели на табор. Тут было на что взглянуть. Тут было чему удивиться, если не сказать больше.

Вот она дорожная основательность.

Когда ты вечно в дороге – поневоле научишься обживаться прямо на ходу.

Первым шел огромный фургон. Широченные колеса странной формы. Идущими по ободам выпуклыми полосами давят на утопленные в бетоне рельсы, наружные части колеса, исполненные из прочнейшей резины с металлической сеткой, бегут по бетонке. Фургон идет почти бесшумно и удивительно ровно – он будто скользит без малейших раскачиваний. Как плевок скользящий по унитазу.

Сам фургон представлял собой мощный стальной брусок. Буквально. Никаких зализываний, сплошные углы, из передней части выдается знакомая полусфера наблюдения – Мать всегда с ними. По мне и бойцам скользнул желтый лазерный луч – система будто пересчитала зараженных поросят. Из стальных боков фургона торчат короткие и длинные стальные прутья и трубы. Они явно приварены позже. Но приварены грамотно, в определенном порядке. И на каждом из прутов что-то или кто-то болтается. К ним подвешены на веревках и цепях тюки, свертки, крупные и мелкие сети с дровами, хворостом, какими-то железными обрезками, пакетами. Натянуты сети, что превратились в гамаки. Вповалку там спят десятки разнополых бойцов. Спят непробудным сном. Спят прямо в боевой экипировке, в обнимку с оружием.

Вот настоящая мощь и вечная готовность бродячего этноса не имеющего права на оседлость. Я скользил взглядом по пропыленным усталым людям в сетках и понимал – они никогда не знают покоя. На многих свежие бинты. У многих изодранные лица залиты медицинским клеем. Что показательно – сами они в грязи. А на оружии ни пылинки. Вооружение различное. Очень различное. Тут прямо долбаное смешение гребаных эпох.

Пока фургон тащился мимо, я успел увидеть не меньше пяти модификаций игстрелов, увидел и парочку игдальстрелов. Но, помимо этого, тут имелось дистанционное оружие странной формы. Вроде что-то смутно знакомое. А вроде и нет. Имелось и слишком уж традиционное – вон та прелестница не может быть ничем иным как помповым гладокострелом. Спит себе милашка под мышкой суровой на вид воительницы. Наступить бы ей щас

на горло ребристой подошвой ботинка и попросить ласково оружие в подарок…

Зашипел как проколотое колесо орк, прилипнув взглядом к дрыхнущему в сетке громиле, что нежно обнял металлический ранец с идущим от него ребристым шлангом. Идущим прямо к… огнемету… Да, это ранцевый огнемет и судя по моим ощущением – это нечто запредельное мощное и убойное. Экипировка громилы больше напоминает одеяние бронированного пожарника. На пластинах брони и оружии заметны царапины и вмятины.

– Хера себе табор воюет – пробормотал Рэк и глянул на меня горящими глазами – Тут есть чем заняться, командир! Я уж думал и дальше так пойдет – тошнотная добросная хрень и редкие стычки. А тут кровищей и паленым мясом пахнет…

– Ты же у костра колбасу жрал – заметил я, не скрывая переполняющих и меня эмоций, продолжая глядеть на проплывающую мимо стальную громаду.

– Ща снова пойду – вздохнул Рэк, не в силах оторвать глаз от уплывающего огнемета – Хочу такую штуку.

Я не ответил. Да орк и не ждал ответа. Он просто озвучил миру свою громкую хотелку. И продолжил дожевывать дареную колбасу. И мне кусок протянул. Я принял, жеванул, удивленно хмыкнул – вкусно!

– Из немытых зомби варим ее – заметил Тон, вставая рядом – Еще живых в котел трамбуем, солью засыпаем – и варим ублюдков. Как на вкус? Мозгами отдает?

– Пресновато – заметил я и покосился на бродячего верга – Не прокатит, придурок.

– Хм… – мудро изрек Тон и вручил мне еще одно колбасное кольцо – Пожарь. В три раза вкуснее будет. Это кабанятина и лосятина вперемешку.

– За это спасибо. А че ты такой щедрый?

– Ко всем, кто зомбяков валит, а не убегает от них – отношусь с уважением – ответит Тон и тут же спросил – Так кто ты такой весь из себя небрезгливый?

– Я гоблин – ответил я, убирая подарок в карман – Простой грязный гоблин, что шагает по этому гребаному миру.

– Шагает куда?

– К центру – улыбнулся я – К центру.

Мой ответ его не удивил. Повернувшись, он шагнул прочь, глянув на меня, пожал плечами:

– Все хотят стать героями и получить пропуск в Заповедные Земли. Все хотят. Но большинство погибает. Учти это,… гоблин.

– Учту – кивнул я – Учту.

Верг ушел. Проплыл мимо фургон – я успел увидеть немало закрытых дверей и технологических люков. Тут немало функций в этом… транспортном средстве. Снова ассоциация с крутой пожарной машиной – вроде ведь ничего в ней такого, но как только откроют все дверки и люки, окажется, что в машине скрывалась уйма предметов и возможностей. Так и тут. Рассмотреть бы подробней, но мое внимание привлекла идущая следом платформа. Вот она была прямо интересной.

Аквариум. С крышкой. Вот что было установлено на плоское и приземистое массивное колесное основание. Аквариум на колесиках. Поделенный на две части. В первом отсеке – переднем – в странном анабиозе лежат вповалку заиндевевшие нагие люди. Не люди – зомби. Они пытаются вяло двигаться, приподнимают головы, скалятся, скребут пальцами, дергают ногами. Но встать не могут. И снова затихают. Шевелится только верхний слой. Нижний – десятки зомбаков – давно превратились в слой мороженого мяса. Там ни малейшего движения. Второй отсек аквариума тоже холодильник. Но там температура явно не настолько низка. Там тоже нагие люди, но они выглядят иначе и ведут себя иначе – трясутся на удерживающих их тела цепях, корчат безумные рожи, трутся и трутся лицами и всеми участками тела о холодные стены аквариума-тюрьмы.

Тут и гадать нечего. В первом отсеке – зомби. Во втором – скаббы. Нежить и чесуны. Взяты живьем. Брошены в морозную банку. Выглядит все настолько практично, что даже как-то и внимание не особо обращается на прижатые к стенке аквариума расплющенные и промороженные сиськи крупной голой бабы, на обхватившего ее сзади звероватого мужика со слишком уж острыми оскаленными зубами. Он схватил бабу за задницу, глубоко пробив кожу, запустив пальцы в ее мясо по первые фаланги. Пытался кончить до заморозков? Наши глаза встретились – его замороженные темные ненавидящие и мои спокойные оценивающие. Куда везут тебя, мясо?

Надо будет спросить…

Третьим оказался еще один холодильник. Тоже прозрачный. Тоже не пустой. Но в нем только мертвечина – так же заботливо разделенная на два отсека. Тут сплошное месиво. Рваные куски мяса с торчащими обрубками рук и ног, прижатые к стеклу женские и мужские торсы испещренные дырами ранений, обожженная развалившаяся и замерзшая плоть, успевшая брызнуть желтым и гнойным соком на стекло, целые и разбитые, раздавленные, вывернутые наизнанку головы с содранными и порубленными лицами. Я машинально оценивал ранения, делал предположения о их происхождении – игстрел, топор, огнемет,

что-то странное, рвущее и выворачивающее плоть как дрель, а вон вырванный целиком хребет небрежно брошенный поверх горы мяса. Чем так? Мясная колода с торчащим членом и облепившее его содранное женское лицо с копной рыжей волос. Тут кожу как чулком с головы сняли. Чем? Зачем? Сомневаюсь, что это смертельный удар для зомби – сдирание скальпа или всей кожи с головы. Тут несомненная забава…

Не выдержав лицезрения такого количества мяса, достал колбасное кольцо, кусанул, протянул часть вернувшемуся Рэку, заодно уловив от него свежий запашок самогона. Коротко буркнул:

– Хватит.

– Понял – покладисто кивнул орк, впиваясь клыками в колбасу – Глянь как тут жирную суку изнархатило. Ее под колесами протащило.

– Под гусеницами – поправил я, глядя на рваные отметины небольших траков – У них есть дополнительный транспорт. Помельче в размерах. Логично…

– Надо же им как-то туши таскать – согласился Рэк – Рваные ляжки в руках таскать дело глупое. А вон следы от колес.

– Там – указал я глазами на верхушку четвертой платформы.

– Сука завидую! – спустя миг прорычал Рэк – Хочу!

– Так огнемет или его?

– Вместе!

Понимаю его. Квадроциклы. Чистенькие, явно только-только отмытые и обтертые, закрепленные в гнездах на крыше еще одного аквариума. Этот тоже забит мертвечиной – но уже звериного происхождения. Тут с трудом можно различить лапы, копыта, рога, обрывки шкур. Большей частью это уже почерневшая масса мяса и костей.

– Зачем им столько падали? – спросил оживший Хван, щелчком жвал выхватывая из нежных пальцев Джоранн очередной кусок бисквита.

– Чтобы не гнило по кустам – предположил Рэк.

– Чтобы уменьшить кормовую базу зомби – озвучил я свою догадку, медленно жуя.

– Все вместе и не только это – буркнул вернувшийся Тон – Вы кто такие?

– Че ты заладил? – скривился Рэк – Сказали же тебе – сыроеды мы! На тунцах траханных приплыли мир посмотреть! Вот смотрим!

– Вы жрете, глядя на гнилую мертвечину… любого доброса бы уже наизнанку восемь раз вывернуло. Он бы уже калачиком в траве лежал и желудочную кислоту отрыгивал. А вы колбаску

кушаете.

– И бисквиты – добавил Хван – Ты чего хотел, уважаемый?

– Трупы мы забрали. Время прививок. И спасибо.

– За что? – повернулся я.

– За это – Тон щелкнул пальцами у своего воротника.

На вершине ушедшего вперед первого фургона что-то щелкнуло ответно. Через секунду еще раз. Выпутавшись из сеток, на дорогу спрыгнули два парня и девчонка, поспешили от Тропы, легко поднимаясь по становящемуся все круче склону, двигаясь прямо к тому самому ельнику.

– Полегчало?

– В жопе почти не свербит – признал я – Что там было?

– Зомби. Крупный. Матерый. Наблюдал.

Щелкнуло третий раз. Я вопросительно глянул на Тона:

– Снайпер такой хреновый или…

– Или. Матерого зомба так легко не завалить. Даже с пробитой дважды башкой может уйти. Или дать бой и выпустить тебе кишки.

– Ясно.

– Вот тебе еще колбаса. Сам делал. Эта – из оленины. А вот пара таблеток нашей особой оранжевой шизы. Знаешь такую?

– Знаю. Спасибо.

– После запредельных нагрузок – самое-то для восстановления. Посидим у костерка?

– Сколько тебе лет? – спросил я паренька.

– А что такое? – усмехнулся тот.

– Внешне тянешь на двадцатку. Но ты старше. Гораздо старше. И чудится мне упорно, что ты позволил мне ткнуть себе игстрелом под нос. Любишь нюхать иглы?

Усмехнувшись, парень в красной бандане дернулся… и вдруг оказался в метре поодаль. Быстрота поразительная. Я сумел проследить. И он не так быстр, как таинственная зеленоглазка. Но все же… все же…

– Мне скоро сорок восемь – улыбнулся Тон – Я правая рука барона Янора, что правит нашим двадцать восьмым сторожевым табором.

– Ага… и че ты так молодо выглядишь? Втираешь что-то в харьку по утрам? О ягодицы дохлых зомби трешься личиком украдкой? Жопной слизью ротик полоскаешь в целях профилактики кариеса и возрастных изменений? М?

– За то, что отличился в одной давней заварушке я был осенен высшей благодатью – ровно ответил Тон, никак не отреагировав на мои разумные догадки – Эльфийка Таломна Осенняя даровала мне свой поцелуй в правую щеку. Ее поцелуй

высшая награда сама по себе. Но вместе с ней я получил замедленное старение и ускоренную регенерацию.

– Откровенно… чего в секрете не держишь?

– Эту историю знают все.

– В щеку поцеловала? – переспросил орк – А че не в…

Договорить он не успел – наткнулся на мой взгляд и осекся. Тон же, мужик с лицом младенца, мирно, но при этом и грозно предупредил:

– За любое оскорбление эльфов, в особенности благодетельницы Таломны Осенней – жестоко убью. Для нас это святое. Как и дорога.

– Так посидим у костерка? – буднично поинтересовался я.

– Седьмой фургон – медицинский. Вас уже ждут. После уколов – жду у костерка. И я тоже стану задавать вопросы.

– Про трахнутых тунцов?

– И про них тоже.

– Легко. Бойцы! На уколы марш!

– Проверь статус заданий.

– Успею – покачал я головой, прекрасно понимая, что каверзная система только и ждет чем озадачить едва-едва отстрелявшихся гоблинов.

И мне как-то не хотелось получить задание заключающееся в патруле обратно до Светлого Плеса.

Фургоны и платформы, вообще весь колесный табор остановился разом. И механические лошадки встали на счет «Раз!». Живые вот сразу не сообразили и шагали пока не натянулась упряжь. К ним тут же подошли, поднесли и воды и странные наголовные мешки. Лошади благодарно кивали и нежились – их обихаживали в несколько рук жесткими щетками, осматривали копыта, заглядывали в глаза, чесали хвосты и гривы. Нам, грязным гоблинам и насекомым, просто махнули рукой, еще раз указывая направления – мы же тупые. Зевая, скребя в животах и затылках, вперевалку, мы добрались до седьмого медицинского. Я ничуть не удивился, когда из толстого основания очередного стального колесного бруска со звонкими щелчками выдвинулись одна за другой дырчатые ступеньки, а в боковине контейнера открылись четыре двери. А всего на одной стороне фургона пять медблоков, если судить по количеству дверей. Пять с этой. Пять с той. Всего десять. В головной части расположен высокий столб, а на нем фуражкой надета полусфера наблюдения. Что ж… без надлежащей медицинской помощи бродосы не остаются.

О пополнении расходных материалов передвижных медпунктов тоже можно не задумываться – система о себе родной не забудет. Где-то есть у них стоянки подлиннее, для пополнения

запасов.

Или нет…

Над нами мелькнула тень. С легким стрекотом на крышу медицинского фургона опустился далеко не маленький беспилотник. Спрыгнув обратно на землю, спиной вперед пропрыгал несколько метров и жадно уставился на стальную пропеллерную птицу.

Да. Квадрокоптер. Квадрат два на два или чуть больше. Под странно изогнутым крестовидным фюзеляжем два длинных стальных ящика. Щелкнуло. Оставив контейнеры на фургоне, беспилотник приподнялся, чуть сместился и мягко опустился на два других ящика вылезших из невидимых отсюда щелей. Еще раз щелкнуло. Едва слышно загудели винты. Беспилотник поднялся метров на десть и по прямой заскользил над деревьями, продолжая подниматься – и летел он в сторону едва заметной скалистой стены, что виднелась на горизонте. К Заповедным Землям стрекоза умчалась. Эльфы не забывают своих верных слуг. Одаривают их омолаживающими поцелуями и регулярными поставками жопных уколов…

– Белый – пробормотал едва слышно Рэк – Лекарства, наркота и прочая хрень.

– И две диагональные красные полоски под брюхом – дополнил я.

– Белый с полосками – доставка лекарств – кивнул Рэк.

– О чем шепчетесь, гоблины? – с интересом крикнул издалека Тон, забравшийся на соседний фургон и наблюдающий за отлетом стальной птицы.

Этот обманчиво молодой верг просто вездесущ. И этим опасен.

– Гоблины потрясены, бвана – отозвался я – Железяка летает! Ух-ух! Может это магия?

Поморщившись, Тон махнул рукой и отвернулся. Не удовлетворили его мои ответы. Ну и хрен с ним. Взлетев по ступеням, улегся на изогнутое ложе и расслабился. Давай, добрый доктор, проверь – не зомби ли я?

Видимо было во мне что-то от зомби – раз в меня трижды воткнулись иглы. Причем одна вошла глубоко под правую лопатку и оставалась там секунд двадцать. Я уже занервничал немного, но игла неохотно вышла, оставив после себя ощущение некоего обжигающего сгустка. Будто шарик подожженный запихнули в грудную клетку. Манипуляторы продолжали висеть надо мной, и я не дергался, спокойно дожидаясь продолжения. И оно последовало – меня укололи еще трижды. Причем никаких поясняющих системных указаний не последовало. Но я надеялся

на лучшее – как никак официально я больше не гоблин бесправный, а гордый представитель семнадцатого этноса, что обитает на богом забытом крохотном островке где-то на краю Музейного Обода. Так что пояснения быть должны. Ожидания не обманули.

Эрыкван (ОДИ) (2Б + 2Н) Общее физическое состояние: норма. Рекомендации: Повторение курса восстановительно-усиливающего комплекса инъекций СТУС-4М. Инъекция МАКЗО-4. Инъекция питательной смеси П1. Инъекция питательной смеси РегМит1. Состояние и статус: ПВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ2 (Р). ЛВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ2 (Р). ПНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ2 (Р). ЛНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ2 (Р). Торс: норма. Рекомендация: инъекция РефТ2 (Р) + пероральный прием препарата Млеко (Р)**Дополнительная информация**: легкая интоксикация, повышенная желудочная кислотность. Оказание медицинской помощи – бесплатно. (Р). Инъекции лекарств и обезболивающих – бесплатно. (Р). Инъекция иммунодепрессантов – бесплатно. (Р). Инъекция усиленной дозы витаминов – бесплатно. (Р).

– Ага… – крайне задумчиво произнес я, глядя на появившееся интереснейшее дополнение рядом с моим сыроедским имечком.

(ОДИ).

Уверен, что еще недавно его не было – в Светлом Плесе проверял статус. Но недавно о моем прозвище уточнил один бдительный верг-бросос. И вот раз – прозвище прописалось у меня в цифровом «досье». Запомню.

А еще я себе изжогу нажил. И останься я гоблином – системе было бы плевать на мою сраную изжогу. А тут вот заботу проявляет, предлагает чем-то в пасть прыснуть. Ладно. Примем. А для головы, кстати, ничего не порекомендовали. Ну и хрен с ним…

Из медблока я вышел не только подлеченным, но и пахучим – под конец меня подержали в пахнущем химией облаке. Затем обмыли из спреев, смывая осевшую химию и потеки чужой и своей крови. Залили царапины старые и новые клеем, вежливо пожелали хорошего дня – на самом деле! – и проводили на выход. Вот это сервис…

В карантинном медблоке Светлого Плеса такого радушия я что-то не заметил. Мы на самом деле приближаемся к цивилизации. И с каждым нашим новым шагом опасностей и трудностей все больше.

Убедившись, что меня, как всегда, выплюнули первым, спустился и целеустремленно зашагал к следующему фургону –

часть боковых панелей ушли в основание, открыв доступ к нескольким плотно стоящим торговым автоматам. Вот сейчас и посмотрим, насколько широко мне улыбнется удача…

Удача…

Удача гоблина…

Да когда она вообще нам улыбалась?

Внутри фургона имелось четыре стоящих вплотную торгмата. За прозрачной закрытой стенкой – еще четыре. Вот только доступа к тем четырем мне не обломилось, а в тех, что были доступны, обнаружился абсолютно стандартный набор. Ну как стандартный… плотный достойный набор. Любой мужик будет рад, поняв, что может по смешным – реально смешным ценам – прикупить тут разноцветные футболки, белье, брезентовые прочнейшие штаны трех расцветок на выбор, крепкие на вид ботинки, мокасины, бейсболки, дождевики, куртки, полные картриджи к игстрелам, возможность подзарядки, возможность чистки, на выбор несколько вполне хороших ножей, шил, кастетов, металлических и пластиковых дубин, пластин брони – пластиковая, стальная и еще какая-то странная. Тут же нашлись наплечники и металлизированные высокие трехслойные воротники. Не я придумал – написано так. А на картинке изображен довольно ухмыляющийся мужик в шейном защитном корсете и грустный зомби пытающийся оный корсет безуспешно прогрызть.

Но как башкой в таком ворочать? Вниз не глянуть, вверх не посмотреть, даже просто шею повернуть – и то тяжеловато будет.

Да я и задумываться не стал брать или нет – я не зря рассматривал спящих и бодрствующих бродосов и хорошо запомнил, что на них было, а чего не было.

Шейных корсетов трехслойных металлизированных на вергах не было. Во всяком случае этой модели. У многих я заметил что-то выглядящее куда более прочным и внушительным.

Приобрести что-то надо – ведь бонус от задания уже использован.

Купил на четыре сэба восемь пачек шоколадных бисквитов…

Покинув брусок потемневшей стали, не успел утвердиться на земле, как рядом со мной оказалась улыбающаяся Джоранн, что нарочито мягко, но решительно потянулась к пачкам в моих ладонях.

– Я передам – промурлыкала она.

– Прикармливаешь? – поинтересовался я, отдавая добычу.

Рыжая прижала палец к губам, убрала большую часть пачек в рюкзачок и поплыла к платформе, куда уже успел вернуться призм, что всем своим видом выражал огорчение – видимо запасы

тамошних бисквитов подошли к концу.

Я подниматься не стал. Обогнул платформу рядышком, померился чуток взглядами со стальным болванчиком системы и уселся на бревно рядом с шипящим газовым костерком.

– У тебя есть еще! – восторга в голосе призма было так много, будто ему не только дешевую химию со вкусом шоколада показали, а что-то куда более соблазнительное.

– Для тебя у меня всегда найдется еще – меда в голосе Джоранн было много. Тяжело не влипнуть в эту сладость. Но мне какое дело?

– Выпьешь? – устало вытянув ноги, спросил усевшийся рядом Тон.

– Не – покачал я головой – Хватит с меня уже алкоголя.

– И наркоты… – добавил тот после крохотной паузы.

– Ты про мою легкую интоксикацию?

– Про нее самую. Нахрена гробишь организм? И где достал?

– Во время заплыва дельфины подарили.

– Слушай… мы же договорились – отвечаем честно и без утайки. Ты мне – я тебе.

– Что-то не помню я такого. Тебе солнце бандану напекло, верг?

– Ладно… но все же… Мать в такие дела не лезет, тем более ты этнос, а это даже чуть круче статуса доброса.

– Да ладно? – впервые удивился я и сел ровнее.

– Не знал?

– Да кто бы сказал.

– Запомни на будущее. Если вдруг предложат стать добросом – типа почетного гражданина города и так далее – сразу шли их в сраку скаббов.

– Спасибо. Инфа полезная. А почему этнос круче добросов?

– Потому что этнос – развел руками парень – Вроде как почти вымершая народность, что в давние времена обратилась к Матери с просьбой о спасении. И спасение было даровано. Мать добра. А добросов… их куда больше. Их сука куда больше…

– Ты ведь сам этнос – заметил я.

– Мы тоже этнос – кивнул он коротко – Так откуда наркота? Учти – если соврешь, я узнаю.

– Проговорился – усмехнулся я, уставившись ему в глаза.

– Ты о чем?

– Ты сказал – «я узнаю». Значит кто-то тебе скажет. Если бы гордился умением читать в глазах, мимике и словах – сказал бы, что поймешь, если я совру. Но ты, герой, наделенный поцелуем, сказал, что узнаешь…

– Эй! Насчет эльфов и Матери я предупреждал!

– Да мне насрать! – отрубил я, продолжая сверлить его взглядом – Мне насрать на твои предпочтения, на твои пристрастия, желания и хотения. Почитаешь кого-то – почитай. Но меня уважать стальных богов и лобзающих героев высших не заставишь! Я гоблин! Мне насрать на все и на всех! Буквально! Я срал на головы обычных граждан, восседая на небесном стальном унитазе! Ссал на них! Смывал на них кровавый пот, стоя в небесном душе! А они продолжали смотреть на висящий под стальным небом срущий и ссущий на них паучий замок с уважением и страхом! Где-то в тех краях я и получил наркоту – подарок многолапых пауков жрущих яйца жавлов, заедающих мясом мозгососов, бродящих под дождями из кислоты! Шатаясь от рвущей мой мозг наркоты, я бродил по залитым дерьмом стальным улицам, перешагивая через безруких и безногих бедолаг-ампутантов, чьи руки и ноги забрала за неуплату Мать! Да, твоя любимая и щедрая Мать! Запомни тупой дрочила на эльфов – твоя любимая мамаша та еще гребаная сука! И твои гребаные траханые и весной и осенью эльфийки – такие же! Я еще не видел их – но уже уверен в этом! В этом сраном мире нет богов! В этом сраном мире все через жопу! Горстка высших в небесной высоте срет и ссыт на ораву голодных, умирающих от лишаев и гнойных нарывов дебилов, которые продолжают восторженно улыбаться небожителям и благодарить за посылаемые им в рожи плевки! И ты один из этих дебилов! Ты в вечном пути и в вечном сражении. На твоей тупой роже крупными буквами написано, как ты сука гордишься своими подвигами, своим преданным служением… но что ты получил взамен? Продленную молодость? Десяток дополнительных лет жизни? Звучит охеренно, не спорю, кто не хочет жить дольше? Вот только сдохнешь ты тут же – в бесконечной круговерти на этой тропе! Однажды и на твою хитрую прокачанную жопу найдется шипастый стальной болт матерого зомби – и он порвет тебя на куски! И сожрет! От тебя найдут кусок недоеденной жопы – и может похоронят, а может просто забросят в аквариум с мертвечиной. И все! И не придет сраная эльфийка рыдать на твою могилу ни осенью, ни летом. И Мать твоя про тебя больше не вспомнит! Знаешь почему? Потому что ты превратился в бесполезный отработанный материал! И твое место займет следующий дебил, которого однажды поцелуют! А может ему даже разрешат отсосать розовый пухлый член улыбчивого эльфа Зимнего! А тот эльф, глядя как с усердием ему насасывает, будет со скукой думать о так задравших его церемониях… но ведь низшее быдло надо хотя бы иногда поощрять… так и быть – пусть пососет еще на пару минут дольше. Ведь он так надрывал жопу…

Понял?! Понял меня, герой?!

Бревно заскрипело под пальцами верга. С хрустом отошел пласт отодранной коры. Медленно, очень медленно, он опустил голову, некоторое время смотрел на свои пыльные ботинки. Наконец сказал:

– Знаешь, что удивительно, сыроед Эрыкван по прозвищу Оди?

– Что?

– Мать говорит, что ты не солгал ни в едином слове. Более того – половину твоего эмоционального рассказа она снабдила пометкой «Подтверждено». А эта пометка ставится лишь в одном случае – когда сама Мать была свидетелем событий.

Важная инфа…

Важный функционал… как заполучить такой себе? Стать бродячим вергом? Вряд ли рядовым такое дают. Тут прямо надо быть героем или хотя бы правой-левой рукой барона…

Тон же поднял лицо и продолжал:

– Получается, что Мать видела тебя в каком-то небесном замке? Существуют пауки гуляющие под дождями из кислоты и жрущие яйца каких-то жавлов? Где это все? Я вечно кручусь по ободу мира… но о таком даже не слышал никогда. Разве что в Заповедных Землях… но разве ты был там?

– Нет.

– Откуда ты, Оди?

– Ты знаешь ответ.

– Приплыли с острова на трахнутых тунцах?

– Точно. И других ответов от меня не будет, пока не получу интересных сведений от тебя.

– Спрашивай – в этом ответе звучала решительность.

Усевшись удобней, Тон сделал большой глоток из фляги, сказал несколько слов в рукав. С ближайшего фургона ему швырнули пару колец колбасы. Он поймал брошенное, даже не оборачиваясь – просто дернул коротко занесенной назад рукой. Протянул одно кольцо мне. Предупредил:

– Через семь минут трогаемся. У меня к тебе предложение, странный сыроед.

– Какое?

– Отправляйтесь с нами по Тропе. Вы же хотели посмотреть мир…

– Зачем тебе это?

– Я тоже хочу знать больше о мире. И думал, что знал многое. Но… как оказалось я крупно ошибался. И ведь ты, похоже, задел лишь край известного тебе. Может в пути расскажешь что-нибудь еще.

– Может и расскажу – ответил я невнятно, вгрызаясь в колбасу – Но…

– Но?

– У меня есть простая и заветная цель – добраться до Заповедных Земель.

– Земли Завета – грустно усмехнулся Тон – Так их еще называют. Туда рвутся все герои…Но попасть туда смогут лишь избранные из героев. Из тех, кто совершил огромное количество подвигов….

– Красиво назвали. Туда и мне надо. Вывод прост – надо стать героем. Ты расскажешь мне, как это сделать быстрее всего и что это вообще такое – герой?

– Да.

– Тогда дожевываем колбасу и отправляемся – подытожил я – Слушай… а вы мне дробовик неучтенный не продадите?

– Нет.

– А есть такой?

– Нет.

– Значит, есть. И что сделать, чтобы ты мне его продал или подарил? Хочешь поцелую в щечку? Сразу в свой возраст вернешься…

– Нелегкий будет путь…

– А что скажешь про мохнатого урода Стива?

– Мелкий бродячий паршивец. Пользы больше, чем вреда. Есть подозрение, что он иногда убивает добросов. Но не доказано. А что?

– Видели его недавно.

– Он жив?

– Был жив, когда ушел со своим мишкой…

– Этот гребаный мишка – поморщился Тон – Нашел ведь что прихватить с собой из Зомболэнда.

– Откуда?

– Территории Эксперимента. Находятся за Озерным Краем. Если хочешь быстро совершить много подвигов и стать героем – тебе туда. Но сдохнуть там легче легкого, гоблин Оди. Там ад. Настоящий гребаный ад, где смерть поджидает на каждом шагу.

– Расскажи подробней – широко улыбнулся я.

Знакомый короткий гудок заставил содрогнуться – такой же сигнал система подавала там – внизу. Здесь это оказался сигнал отправления. Табор пришел в движение…

– Забирайся на крышу головного фургона и своих туда гони. Я присоединюсь после обхода.

– Жалкий гоблин будет на месте, бвана. Мы не подведем бвану!

– А-а-а… – изрек Тон и крупными шагами поспешил вдоль Тропы к хвосту табору.

Со стороны ельника трое вергов тащили дергающийся прозрачный мешок. Внутри билось мускулистое обнаженное тело зомби. Оскаленные зубы, вырезанные глаза, пробитая голова и грудь, обрубленные культи рук и ног, лужа крови в мешке под содрогающимся телом. И несмотря на такие раны зомби продолжал жить. А в ране в его голове искрила какая-то воткнутая хрень – не иначе электрошокер. Прямо в открытый мозг разряды… и он все еще жил. Матерый зомби…

– Хрен поймешь кем лучше становиться – героем или зомби – заключил я и поспешил за бойцами.

Глава девятая

Табор шел медленно.

Невыносимо медленно.

Но при этом вереница фургонов и платформ двигалась постоянно – без скидок на погоду и время суток. В результате за сутки бродосы проходили немалое расстояние.

Вечное движение. Я не знаю, как бродячий этнос жил в прежней жизни, но сомневаюсь, что они двигались даже ночью. А тут пришлось – их любимая Мать не знала пощады к измотанным детишкам.

Рядовые бродосы спасли в подвешенных к фургонам сетках и гамаках, привязываясь для надежности. Весь свой личный скарб они держали при себе или же в крохотных камерах хранения находящихся в специальном фургоне где-то в центре табора. Там же – в центре – шло два фургона со спальными капсулами. Только там можно было получить уединение и безопасность, только там можно было наконец-то вытянуться на ровной мягкой поверхности и отрешиться от всего. Но подобное роскошество было доступно только ветеранам, что давным-давно застолбили за собой все имеющиеся капсулы и не собирались их кому-то отдавать. Зато капсулу можно было завещать другому бродосу и в случае смерти хозяина, счастливчик немедленно вступит во владение желанной территорией. Как знакомо… пауки наследовали игдальстрелы. Бродосы же наследуют жилые капсулы… Капсул всего шестьдесят – по тридцать в каждом из двух фургонов. Тогда как бродосов втрое больше. И не все из них бойцы – как оказалось, у них имеется свой технический персонал занимающийся фургонами и механическими лошадьми, свои ветеринары и конюхи, посвящающие все время живым существам – уходом за лошадьми, вакцинацией некоторых животных. Дополнительная бригада в полтора десятка крепких мужиков и баб занимались исключительно черными работами – рубка больных деревьев, рытье канав в подтопленных местах, переноска древесины, мертвечины, камней, ремонт кирпичных сводов в тех местах, где ручьи и реки проходили прямо под Тропой, очистка забившихся русел… работы у них хватало. Им приходилось тяжелее всех и потом остальные нередко приходили на помощь собратьям по вечному пути. Наряды на работу им выдала либо система, либо же разведчики – перед идущим и идущим табором всегда двигалось минимум две двойки разведчиков, куда назначали опытных приметливых бойцов. В тылу двигалось еще одно звено разведчиков – числом в шесть

лениво шагающих бродосов, ветераны вперемешку с новичками.

В таборе имелось два помывочных фургона – душевые кабины, туалеты и прочее. В кусты бродосы не срали и первым делом и нам запретили – не то, чтобы я рвался облегчаться на природе, мне как-то плевать, я ведь гоблин, но судя по серьезным лицам тропников для них это было крайне важно. Так что выдавливать из себя сокровенное пришлось в стальных кабинках, глядя через окошки на тянущийся мимо пейзаж.

Где-то в центре двигался еще один точно такой же с виду фургон. Я обратил на него внимание, когда понял, что к нему то и дело подскакивают запыленные разведчики, пропадают ненадолго в дверях, снова выскакивают и торопятся прочь – причем редко пешком, все большей частью на имеющемся транспорте. Тут трудно не сообразить, что именно сюда стекаются все доклады. Небрежные расспросы дали быстрый результат – это личный фургон Барона Янора, главы двадцать восьмого сторожевого табора. Задняя половина фургона – личные покои. Передняя – что-то вроде рабочего офиса, где он проводит львиную часть времени суток, анализируя стекающуюся информацию, выдавая рабочие наряды, наказывая, поощряя, общаясь с системой, делая заказы на доставку медикаментов и прочего и прочего и прочего… Одним словом – самый занятой бродос. Поэтому более мелкими проблемами занимались его ближайшие помощники – Тон и Стефан.

Первого я уже знал.

А второй помощник был лет шестидесяти на вид, но удивительно крепкий, ничуть не растерявший мышечную массу, с ухоженной седой бородкой, массивной золотой серьгой в ухе, широкополой шляпой… и с удивительно быстрой правой рукой, что с невероятной скоростью выхватывала из открытой кобуры автоматический крупнокалиберный пистолет. Стефана звали больше Ковбоем, и он охотно откликался. Стрелял метко. Очень метко. В этом я вскоре убедился – ранним утром после нашей первой ночевки на стальной крыше обоза. К слову, мы удивили даже привычных ко всему бродосов, когда отказались болтаться в сетках и с блаженством растянулись на стальной крыше головного фургона. Гоблинам нижнего мира к стальной постели не привыкать. Тяжелее пришлось Джоранн – избалованная красотка долго ворочалась, но нашла выход, соорудив себе постель из верхней одежды и рюкзаков, а ноги закинув на пузо призма. Хван не возражал… они вообще стремительно сближались.

До заката и отхода ко сну я успел немало узнать о быте и распорядке табора. И окончательно убедился, что это не просто

шарахающиеся по тропе бродячие верги. Нет. Тут все куда масштабней и сложней. Они выполняют функции лесников, егерей, инженеров, стражей, врачей, бойцов… Это сложная многоуровневая организация. Неудивительно, что к ней придано столько транспорта – из того, что я заметил.

Четыре колесных квадроцикла. Два гусеничных с прицепами. Четыре верховые живые лошади. Не меньше десятка велосипедов. Один мотоцикл. Весь моторный транспорт – электрический. Лошади жрали что дают, а давали им всего от пуза.

Дополнительно – крановые манипуляторы, лебедки. Два небольших разведывательных летающих пропеллерных дрона, гусеничный робот с камерой и фонарем – его запускали в узкие трубы под Тропой.

Все непросто у бродосов…

Запасы табор пополнял несколькими путями.

Доставка дронами со стороны Заповедных Земель – боеприпасы, медикаменты, пищевые рационы, одежда, снаряжение, химия.

Заправка на коротких остановках у пятачков безопасности вдоль тропы – закачка в цистерны воды, бытовой химии, зарядка батарей и прочее. Там же сливалась грязная вода и дерьмо – и я сука прекрасно знал, куда именно все это дерьмо отправится! Все дерьмо мира стекается в Дренажтаун…

Плюс охота и собирательство – бродосы умело охотились, выбивая «лишних» зверей, собирали грибы, ягоды, корешки и прочую хрень из разряда «дары природы». Затем, на велосипедах отрываясь далеко вперед, вместе с разведкой уходя на несколько километров, варили и коптили все это на газовых костерках, имея при себе самодельные коптильни, жаровни, сковороды, выпариватели и кастрюльки. В итоге получались обалденная колбаса, копченое мясо, варенье, соленые грибы, самогон, настойки. Мои бойцы – да и я сам – с радостью вкушали эти вкусности без остановки.

И тут свой талант проявили Джоранн и Хван.

Когда вкуснотень заканчивалась, рыжая спускалась и со своей улыбкой просто пробегалась по нескольким фургонам – и возвращаясь спустя полчаса сгибаясь под тяжестью набитого копченостями рюкзака. Тут все понятно – попробуй откажи этой волоокой гурии с хрипловатым голосом. Откуда у меня в голове слово «волоокая»?! Что оно вообще значит?! Мемвас… гребаный мемвас… он дарит мне странные слова и странные воспоминания.

Хван… он в таких масштабах не набирал, но после походов за едой никогда не возвращался с пустыми лезвиями. Действовал он

примерно так – цепляясь шипами за сетки и решетки, поднимался на какой-нибудь фургон, садился на корточки рядом с жующей бродосной молодежью и, медленно шевеля жвалами, долго пялился на них своими страшными глазами. А потом спрашивал с чувством – «Вкусно?». После этого призму давали колбасы и всем видом давали понять – вали уже отсюда, гребаное насекомое! А то кусок в горло не лезет… Действовал этот метод только с зеленой порослью тропников. Ветераны лишь посмеивались – хотя все же делились чем-нибудь с призмом. Как я заметил – у бродосов вообще было ноль предубеждения к призмам. Они относились к ним как… как к чему-то заурядном. Разве что молодежь вздрагивала – но и они быстро привыкнут. И объяснений такой привычности и равнодушию не надо искать – Тропа… тут всякое встретится и не раз.

Рэку никто ничего не давал…

Я не ходил. Но так и так в нашу медленно появляющуюся берлогу регулярно наведывался Тон, приводя с собой друзей и принося вкусности. Так что и мы с Рэком не совсем паразитами были…

Берлога…

В первый вечер появилось тряпье и сетка для фиксации рюкзаков. На утро, когда заморосил дождь, два молчаливых бродоса-трудника установили короткие металлические шесты, натянули тент, опустили пластиковые стены, бросили внутрь несколько тонких матрасов. Так возникла берлога. И судя по удивленным взглядам ветеранов – такая честь выпадала далеко не всем встречным добросам. В ответ на любопытные взгляды мы лишь почесывались и ехали себе дальше.

В любом случае глядели на нас с легким уважением и одобрением. И по очень простой причине – едва мы получили место куда бросить рюкзаки, я заставил всю ораву раздеться почти догола, вооружил дубинами и ножами, согнал вниз и погнал вперед по бетонке. От табора мы не отдалялись, действуя по простой действенной схеме: на максимальной скорости бег на триста метров, после чего энергичная отработка показанных мною ударов дубинами и ножами, отработка падений, отжимания, приседания, две минуты отдыха – и снова вперед. Джоранн «сдохла» на втором раунде. Свалилась растерявшим всю красоту хрипящим кулем. Мы подняли ее и потащили на руках. Пробежав триста метров – бросили небрежно в пыль и принялись отрабатывать удары. Под самый конец рыжая, утирая с губ тягучие нити слюны, поднялась и подключилась. Судя по горящим глазам – ража она не растеряла. Тело сдалось, а вот душа продолжала пылать. Хорошо. Это хорошо.

Вторым «сдох» призм. Этот просто остановился как сломанный механизм. Из щелей на загривке бил пар, от Хвана пыхало жаром, он со свистом и клекотом загонял в грудь воздух, стоя на коленях и упираясь в бетонку лезвиями. Мы с Рэком потащили уже двоих – я пер призма, орк тащил Джоранн, держа ее за странные места и через силу ухмыляясь. Рыжая с шипением кляла его и поливала ругательствами, но он продолжал тащить и лапать, тащить и лапать. Ну да – за все надо платить. Либо беги сама, либо дай сиськи помять. Выбор за тобой…

Спустя два часа мы остановились. Джоранн стоя на карачках блевала в придорожные кусты и, не поднимая головы, показывала средний палец стоящему над ней новичку-бродососу, что жалобно канючил о недопустимости загрязнять природу блевотиной. Хван хрустящим калачиком валялся неподалеку. Мы с Рэком, грязные, исцарапанные, а орк даже покусанный рыжей, едва стояли на ногах. У нас еще хватило сил запихнуть новичков в помывочные, принять душ самим и вернуться на крышу головного фургона, где мы на час отключились, держа под рукой отмытые дубинки. Когда вернулись туда Джоранн с Хваном – не знаю. Но когда я проснулся, они лежали вповалку рядом.

Вот с этого момента – нашей тренировки – мы завоевали первое уважение бродосов. Не то чтобы оно мне было надо – посрать – просто я отметил это в памяти. Зная, что у той или иной общины вызывает уважение или презрение – можно многое понять.

Первый вечер мы провели в обществе Тона, сидя вокруг едва мерцающей старой батарейной лампы. И первый вечер рассказывал больше я. Не называя мест, входов и имен, я ровным голосом описывал Тону совершенно повседневную жизнь обычных гоблинов-работяг. Описывал лабиринты стальных коридоров, перекрестки, рассказывал о видах плуксов, о том, как с ними воевать, чего следует опасаться, как отличить их по цвету чешуи и выработать простую тактику. Плуксам я посвятил пару часов. Затем жующий и жующий Рэк – хотя я не отставал – взялся рассказывать реальные страшилки связанные с глупыми гоблинами и плуксами. Еще несколько часов пролетели незаметно. И всухую – к огромному разочарованию орка алкоголь я запретил. Нехрен. На жалобный вопрос «почему так?» – пояснил, что сегодня была только разминка. Завтра все будет куда серьезней, так что пусть бойцы готовят жопы. И, не дожидаясь очередных вопросов, объяснил и это – вряд ли нам так уж часто выпадет такой шикарный шанс как поступательное передвижение вперед на транспорте, безопасность и обильная кормежка. Поэтому шансом надо воспользоваться по полной

программе.

Утром, когда зарядил дождь и нам поставили тент, дав бойцам чуток перекусить, снова погнал их вниз, жестко предупредив – вчерашней лажи мне не надо. Сегодня пусть каждый покажет вдвое большее усердие…

Через четыре часа я поднимал их наверх по очереди, скрипя зубами от дикой боли в перегруженных мышцах. Рэк пытался помочь, но он и себя то еле поднял. Шатаясь, я наполнил водой утром приготовленные бутылки с порошкообразной смесью. Белковые и пищевые кубики, шиза, витамины. Перемешал, влил в каждого по два литра – не забыв и себя – и рухнул рядом с тентом. Мне было больно, меня тошнило, меня трясло, меня лихорадило от перегрузок… мне было хорошо.

– Вы сука даете – покачал головой сидящий бродос, свесивший ноги с края и жующий колбасу – Вы сука даете…

– Мы даем – согласился я, переваливаясь на спину и глядя в далекое синее стальное небо – А дерьмо…

– Что там?

– Накат…

Я уже был профи в этом деле. И подкативший флешбэк опознал сразу. Мемвас пробил очередную дыру в блокаде разума. Или же готовился скормить мне очередную бредовую галлюцинацию…

Сидя в дальнем углу зала, вынужденно присутствуя на очередном тягомотном выступлении или чего-то в этом роде, я не скрывал зевоту, не обращая внимания на укоризненные взоры стайки благообразных старушек усевшихся через проход от меня. Сегодняшняя цель не явилась. И это плохо – цель можно было достать всего в двух местах. Здесь на выступлении. И у цели дома – в небесной башне с многоуровневой сложнейшей защитой. Придется поломать голову над решением этой проблемы. Но может цель все же оправдает мои надежды и явится… Откинув голову на мягкую спинку, я мгновенно задремал, не теряя при этом связи с происходящим вокруг. Выступал он… тот, чью биографию, чьи действия, чьи предсказания и реально безумные высказывания и обвинения каждый день обсуждала вся планета.

Скандальнейшая личность обещающая спасение.

Подобных ему в прошлом было много. Но таких – еще ни одного. Именно он, совсем недавно, глядя на всех с высокой трибуны, громогласно пообещал спасти те океанические племена и общины, что сейчас стоят по пояс в разъедающей кожу соленой воде на своих родных островах, что стремительно уходили под воду. И он не солгал – была потрачена огромнейшая сумма, но все до последнего туземца были эвакуированы и доставлены в

безопасность. Но просто спасти мало – их ведь еще надо чем-то кормить. А эти представители древних цивилизации не приучены и не умеют работать. Они привыкли получать все от природы даром. Но он пообещал, что прокормит каждого, кто будет бодрствовать. И пока жалоб к мировой общественности не поступало…

Над сценой зажегся приглушенный свет. Под дружные аплодисменты и восторженный свист, он вышел на сцену бодрым быстрым шагом, живо оказавшись у трибуны. Коротко глянул на архаичные наручные часы, пригладил зачесанные назад волосы, оглядел весь зал и без каких-либо приветствий начал говорить.

– Сначала сегодня я хотел поговорить о лжецах. О лицемерах. О тех, кто называет себя защитником природы, но при этом является ее губителем. И многие из этих лицемеров находятся здесь в этом зале. Хотите я назову их имена?

Залу потребовалось меньше секунды, что взорваться дружным и жадным «ДА-А-А-А-А!». Но это лишь крохотная часть зрителей. Минимум миллиардная аудитория сейчас прилипла к экранам. Все идет в прямом эфире.

Оценив реакцию, выступающий коротко кивнул:

– Что ж. Я назову лишь два примера. Хотя в зале немало этих… – он не договорил, остановившись на самой грани оскорбления, но недосказанное порой говорит громче сказанного.

Я оживился, заерзав в кресле. Цель не пришла, так хоть полюбуюсь на избиение клоунов.

– Симона Бревирг. Рьяная защитница природы, делающая упор на экономию воды. Потрясающе активная и вездесущая! Вы все знаете ее. Вот она – его палец указал на сидящую в переднем кресле женщину в годах, с высокой седой прической – седина искусственная. Я видел, как она шла к своему месту, видел ее кожу, а еще у меня были копии ее медицинских записей. Поэтому я мог утверждать со стопроцентной уверенностью – какой бы почтенный возраст не значил в ее документах, биологическое состояние ухоженного и многократно химически взбодренного организма гораздо моложе. Я бы сказал, что этой бабушке с искусственной сединой не больше тридцати лет, если брать в расчет только состояние организма. Но судя не в этом был ее грех, не из показной седины было упомянуто ее имя.

– Я был впечатлен недавным страстным выступлением Симоны Бревирг! Она проклинала тех, кто не экономит воду. Тех, кто тратит на личные нужды больше рекомендованного количества. И я был в восторге… но тут мне показали нарезку из нескольких публичных видео, и я был… разочарован… – последнее слово было наполнено холодом и брезгливости. Такие ощущения

обычно возникают в морге – Посмотрим вместе!

Я зевнул. Обычное публичное избиение. Его всегдашний фокус. Стало быть – он решил начать не с главного. На видео не было ничего необычного – на первый взгляд. Какая-то кулинарная передача. На видео обряженная в голубенький фартук Симона, белозубо скалясь в камеры, умело мыло гусиное яичко в раковине, счищая с него остатки говна. Во время отмывки она щебетала и щебетала в камеру, щебетала и щебетала сука старая, все щебетала и щебетала на протяжении пяти минут пущенных на ускоренной перемотке. Смешным писклявым голоском она рассказывала про происхождение какого-то древнего валийского рецепта воинской яичницы и все мыла, и мыла сраное яичко. Наконец воду закрыли, а запись была остановлена.

– Я попросил подсчитать примерное количество. И мне посчитали, оценив напор и ширину струи. Знаете сколько воды было потрачено на отмывание одного гусиного яйца? Сто сорок один литр. Знаете рекомендованное ежесуточное количество воды на душу населения? В этом регионе – сорок литров. Во многих других – в два раз меньше. Но в большинстве жилых игл и башен принудительное нормирование – двадцать пять литров воды в день и не капли больше. А тут на одно яичко ушел сто сорок один литр воды. И нет, мы проверили – в студии не имеется закрытой системы очистки и циркулирования. Потраченная вода ушла в канализацию – и без того переполненную.

В зале раздался гул становящихся все более злых голосов. Тут ведь собрались не только благообразные старушки. Здесь хватает низов общества – не самых-самых, но живущих как раз там, где вулканические прорывы канализационных сетей происходят регулярно, а в день люди получают не больше двадцати литров относительно чистой воды.

– Так же мне сообщили, что буквально вчера госпожа Бревирг приказала прислуге поменять воду в ванне, где собралась купаться ее любимая внучка. Знаете почему? Потому что воды коснулась рука прислуги. Ну да – грязные лапы низшего сословия посмели лапать хрустально чистую воду и тем самым осквернили ее. Сколько еще литров воды ушло в канализацию? Вроде мелочь… но ведь госпожа Симона Бревирг собралась баллотироваться на пост связанный со спасением природных ресурсов… место ли там такой как она?

Я ухмыльнулся. Карьере старухи пришел конец. А вон и она – вскочив, она что-то хотела сказать, но наткнулась на холодный насмешливый взгляд и, поперхнувшись, заспешила к выходу для ВИП-гостей. Двое охранников поспешили следом.

– Еще сильнее меня удивил случай с принятием водопадных

рокочущих ванн, где немало тонн почти чистой воды были отравлены пенной цветной химией. Кто принимал водопадные ванны в накопителе дождевой воды расположенном на шестой нижней крыше сто двести пятнадцатой жилой башни? Скажем так… если в течении следующих скажем пятнадцати секунд на счет Атолла придет действительно внушительная сумма с серьезным количеством нолей…

Один из служащих за экранами у сцены поднял руку через десять секунд. Судя по крайне довольной улыбке на его лице – сумма была действительно внушительной…

Выступающий – и по совместительству мой загадочный наниматель – резко хлопнул в ладоши. Шум как отрезало. Оглядев зал, он наклонил голову и спросил:

– Чем человек лучше лобстера? И я жду конкретики в ответах, а не размазни вроде «у людей есть самосознание, высший разум и прочее и прочее». Это в расчет не берем! Почему? Я отвечу с легкостью – потому что, по сути, всем нам плевать есть у кого-то там разум или нет. Задумайтесь – вы с одинаковой готовностью подаете милостыню нищему и отламываете кусок бутерброда бродячей кошке или собаке. А кто-то с куда большей охотой делиться последним с животными, а не с людьми. Где тут преобладание разума? Нет никакого преобладания! Но раз все живые существа заслуживают жалости, то, чем тогда человек лучше лобстера? Недавно меня пригласили в ресторан. Хороший, действительно хороший и очень дорогой ресторан. Нам обещали неплохую финансовую поддержку, и я согласился прийти. И что же я увидел? Во время нашей неторопливой беседы, кланяющийся из вежливости улыбчивый повар прямо при нас разделывал огромного живого лобстера. Он показал нам его, потом под струей воды хорошенько потрудился над его панцирем жесткой щеткой, после чего вооружился ножом и, загнав лезвие в место соединения туловища и хвоста, провернул, разрезая лобстера пополам. Специальными ножницами он принялся кромсать хвост, а верхнюю вполне живую половину бросил в прозрачный лоток перед нами – видимо, чтобы мы могли насладиться каждой секундой агонии разорванного пополам создания. Увидев выражение моего лица, собеседник поспешил меня уверить, что лобстеры ничего не понимают и вообще не чувствуют боли. Так ли это? Ложь! Они чувствуют боль! И страх! Ужас! Потерю! Инстинкты гонят их прочь, заставляют бороться за жизнь и судорожно скрестись в гребаном прозрачном лотке, доказывая свою свежесть… Я повторю свой вопрос – чем человек лучше лобстера? А просто представьте, только представьте, что однажды к вам станут относиться как к лобстеру! Как к свинье! Что кто-то, считая вас

неразумным низшим существом, возьмется резать вас живьем на части – причем не особо заботясь о том, чтобы отправить вас на тот свет как можно быстрее и безболезненнее…

Зевнув, я поглубже сполз в кресле. Дерьмо и скука. Веселый расстрел лживых старушек закончился. Началось очередное заумное фанатичное выступление…

Посплю еще полчаса. А затем начну планировать на вечер вылазку в одну из самых защищенных небесных башен мира…

Поморгав, тяжело сглотнул, смочил пересохший рот водой и снова вытянулся. Надо поспать пару часов – день еще не кончился. Ой не кончился…

* * *

Во время обеденного затяжного дождя бойцам отсидеться не удалось. Я позволил им неплотно перекусить, чтобы восполнить образовавшийся дефицит нутриентов. И дал немного отдохнуть. Сидя под тентом, мы пили сладкий чай – прямо до зубной боли сладкий. Кто с медом природным бродосами в лесу собранным, а кто с сахаром, коего у тропников тоже оказалось немало.

Мед собранный у диких пчел – причем с максимальной осторожностью и исключительно по разрешению Матери.

Я был действительно удивлен, узнав, что рядом с каждым обнаруженным пчелиным ульем системой устанавливалась полусфера или столбик наблюдения с круговым обзором, а на обширной площади вокруг тропниками густо сеялись семена медоносных растений. И не раз и не два бродосы находили потом рядом с ульями мертвых призмов или медведей – система честно предупреждала их всеми доступными способами, но, если глупые твари не слышали предупреждений – стреляла и убивала. А тропникам только и оставалось что прийти на вызов, забрать труп, пополнить боезапас и сменить батареи сторожевого устройства, ну может еще собрать чуток уже сочащегося наружу янтарного меда… Реже им случалось спешно прибывать на тревожный зов, где они находили разоренный улей и уничтоженную систему наблюдения с опустевшим боезапасом. А рядом обычно валялись несколько трупов призмов преимущественно насекомовидного типа. Почему-то их все время безумно тянет на сладкое… тут все покосились на хрустящего бисквитами Хвана, держащего между руками-лезвиями большой стакан с соломинкой – а внутри больше меда, чем чая.

Такая вот забота о пчелках…

О пчелках…

Я предпочел чай с сахаром. И не преминул заметить сидящему рядом Тону, что у сыроедов плиточный чай куда лучше по всем параметрам. И не солгал. Тон мне не поверил. Я предложил пари, и оно было со снисходительностью принято. На кон поставили что есть. Я предложил картриджи к игстрелу, но он указал на мой свинокол.

Пожав плечами, я легко согласился, но трофейный нож оценил высоко и меня поняли – он уже знал, как мы заполучили свои необычные ножи. Тон порылся в закромах и выставил горшочек с медом, контейнер с кусковым сахаром, плюс согласился прикупить из их «особых» торгматов для меня чего-нибудь из еды и питья на сумму в тридцать сэбов.

Это насколько же он от ножей фанатеет, раз готов предложить такую сумму? Я гоблин простой, гадать не люблю, поэтому просто спросил – и угадал. Тон собирал коллекцию колюще режущего и желательно, чтобы к каждому образчику его коллекции прилагалось и подробная биография оружия – где и как создано, сколько жизней оборвало и страданий принесло, кому принадлежало. Свинокол вписывался идеально.

На этой волне я попытался продавить доступ к торгматам вооружения и снаряжения – хотя бы через Тона – но наткнулся на твердый отказ. Это обман Матери. А печеньки из особых торгматов воровать – не обман? Тоже обман. Но еда… это еда.

Хрен с ним.

Поспорили. Чтобы все было честно призвали четырех ветеранов и те насмешливо заверили, что не собираются склонятся на сторону Тона лишь по той смешной причине, что он из их этноса. Все будет честно – победит самый достойный чай.

Выставили котелки. Все выжидательно уставились на меня. Порывшись в рюкзаке, я вытащил последнюю плитку чая, завернутую в полиэтилен. Протянул старшему из ветеранов. И сместился к краю тента, где и уселся под его прикрытием, но с хорошим обзором на тянущуюся мимо местность. На начавшееся за спиной священнодействие внимания не обращал.

Мы уже преодолели одну скальную гряду и приближались ко второй, двигаясь со скоростью быстро идущего опытного ходока. И скорость продолжала плавно увеличиваться, что не осталось незамеченным. Тон пояснил, что Мать призвала ускориться – впереди какое-то происшествие на Тропе неподалеку от очередной гряды и срочно требуется помощь бродосов-инженеров.

Лес поредел. Он все еще густо рос на пригорках, но в низинах уже зеленели луга. А кое-где я увидел ровные прямоугольник

столь же зеленых рисовых полей. Колосящиеся поля посреди снегов… тут не обошлось без подогрева земли и воды. Мать любит добросов. Мать любит сыроедов. Отметив в голове еще один вопрос, что следовало задать, я продолжил ленивое наблюдение, заодно медленно разминая ноющие мышцы. На рисовых полях кланялись добросы. В широкополых конических соломенных шляпах, просторных черных закатанных штанах, разноцветных рубашках, они усердно работали и явно получали от этого немалое удовольствие. Улыбок не видел, но не заметить соломенные навесы по краям полей с расстеленными там скатертями и соломенными же матрасами было невозможно. Да и по движениям, по жестикуляции крохотных фигурок многое становилось ясно – живущие там добросы счастливы. За полями виднелось очередное поселение – густо стоящие белые домишки с дерновыми крышами. Высилась знакомая на вид стела. На вершине самого высокого холма какие-то развалины – тоже знакомо. А еще дальше к горизонту сереет соленое море. И где-то там, километрах в пяти-шести – наверняка найдется очередной островок.

Рядом уселся ветеран Ярмос с лицом столь густо иссеченным шрамами, что от бровей остались лишь жалкие седые кустики, а поврежденными губами он шевелил с трудом, оттого говорил коротким рублеными фразами.

– Зачем острова? – спросил я, глядя, как рядом с очередным пяточком безопасности несколько тропников ведут оживленную торговую дискуссию с прибывшими местными жителями. У ног торгующихся стояли открытые корзины и мешки. Тропники предлагали различные лесные дары и мясо. Местные могли предложить рис, что-то бобовое, домашнюю зелень, рыбу и много чего еще.

– Музей – коротко ответил Ярмос.

– Кто их посещает эти музеи?

– Я был мальчишкой. Когда начал служить на Тропе.

– Ага.

– Мой старый наставник Микос рассказывал, что во времена его молодости по морю ходили последние два корабля.

– Ага…

– Они возили желающих мимо островов с этносами. Выдавались бинокли, на экранах показывали жизнь разных этносов. Их обычаи. Их традиции. Танцы. Другое.

– Вот теперь понял – медленно произнес я, переводя взгляд в сторону моря – А что теперь?

– Однажды корабли ушли – коротко ответил Ярмос и, посчитав лекцию завершенной или же просто устав говорить,

легко поднялся и бросил напоследок – Ты выиграл спор. Твой чай лучше.

– Ты же еще даже не пробовал.

– Запах. Он скажет все.

– А я говорил Тону – усмехнулся я.

– Откуда чай?

– Остров сыроедов. Семнадцатый этнос.

– Я запомню.

Он ушел. Минуты через две раздалось ругательство. И рядом плюхнулся Тон, бережно держа в руках горячий стакан. Еще один предложил мне. Сладкого чая уже не хотелось, а мочевой пузырь, булькая из живота, называл меня гнусной садисткой жопой и требовал, чтобы я немедленно посетил туалет. Сумев усмирить восставший внутренний орган, я отхлебнул чай и прикрыл глаза от удовольствия. Ароматно. Вкусно. Крепко. Хорошо.

– Когда выигрыш заберешь? Сахар и мед скоро принесут.

– Успею – ответил я, не собираясь спешить ради каких-то там вкусностей. Вот если бы речь была о чем-то связанном со снаряжением или оружием… но я еще не оставил надежд что-то выцарапать у Тона. Не может же быть, что у тех, кто вечно имеет столкновения с разными тварями и вооруженным сбродом, не завалялось где-то неучтенки. Причем такой, чтобы ей мог пользоваться любой… Не верю и все тут.

– Чаек с родного острова сыроедов… не подскажешь как туда попасть?

– Тебе к тунцам. Они подскажут.

– Ага… а на плоту или лодке никак?

– Вы же от Тропы никуда. Или во время отпуска планируешь?

– У бродосов не бывает отпусков. Никогда. И с Тропы нас Мать отпускает с огромной неохотой. За большое подвиг или действительно усердную работу можешь получить многое. Но не отпуск. Изредка Мать может отпустить на сутки – отвести состарившуюся лошадь в прибрежный городок, например. Или же проводить заплутавших трусливых добросов до дома.

– Не пользуетесь этим?

– Чем?

– Договориться со знакомыми добросами, чтобы те прикинулись слезливыми трусами и выпросили себе провожатых из числа тропников. Проводить их до города шустрым темпом, а там, не попадаясь на глаза системе, оттянуться, выспаться в нормальное постели, искупаться в море ледяном, посидеть в трактире нормально…

– Ты че такой умный, гоблин Оди?

– Значит так и делаете – хмыкнул я – Слушай… неудобный

вопрос для такого фаната системы как ты, но не могу не спросить – гоблина гложет любопытство.

– Чай еще остался?

– У меня нет. Спроси у Рэка или Хвана.

– Спрошу. И ты спрашивай.

– Вот ты так хвалишь заботливость системы…

– Мать щедра и добра. И заботлива.

– Тогда почему на всех вас всего шестьдесят личных жилых капсул, а остальные бродосы должны спать в сетках или на холодном металле?

– Мы меняемся. У меня есть личная капсула, но последний раз я там спал неделю назад. Я имею право пустить гостя.

– Я не об этом. Уже успел заметить, что тропники забоятся друг о друге. Вы семья. Странная, но семья.

– На себя и своих посмотри. Вы не странные?

– Почему капсул так мало?

– Четыре года назад мы… подвели Мать.

– А подробней? Не заставляй вытягивать все клещами.

– Один из бродосов сошел с ума. Его зовут Ракл.

– Зовут? Он жив?

– В бегах. Найдем – убьем – судя по жесткому ответу Тона, убивать будут медленно.

– И что он сделал?

– Притащил спеленатую тварь, открыл морозильник зомби. Заблокировал створки заранее подготовленными стойками. Освободил матерых тварей – в тот день их было много. Мы взяли целое гнездо. Дело произошло ночью. Тех, кто увидел и попытался его остановить Ракл убил. Освобожденные зомби быстро оттаяли, пришли в себя, убили еще десяток тропников и разбежались. Мы как раз проходили мимо вон того городка – Тон указал рукой на оставшийся позади городишко окруженный рисовыми полями – И само собой зомби ринулись именно туда. К месту, где так много сладкого живого мяса. Мы бросились следом, но не успели совсем чуть-чуть, и бойня все же состоялась. Матерые зомби быстры, Оди. Очень быстры. Они забрали в тот день столько невинных жизней, что наказания не могло не последовать.

– А причем тут капсулы живые?

– Это и было наказание. Из шести жилых фургонов четырех мы были лишены.

– Минус сто двадцать жилых капсул – понял я – Сто двадцать кроватей и защищенных от непогоды мест вы были лишены доброй Мамочкой… охренеть…

– Наказание справедливо! Тебе не понять – мы подвели Мать!

Сильно подвели! И понесли заслуженную кару.

– Туда погляди – ткнул я пальцем.

Под дождем, в мокрых сетках, спали бродосы. Они привычно закутались в пластиковые полотнища и оставались сухими, но это почти не защищало от порывов ветра.

– Вы служите верой и правдой. Но за один проступок уже четыре года спите не как люди, а как обезьяны.

– Наказание справедливо – повторил бродос – Мы искупим. Осталось немного.

– И откуда ты это знаешь?

– Оповещения, статус и прочее. Сторожевой табор – сложная штука, Оди. Со своей организацией, уровнем и кармой. Все непросто.

– Ясно.

– Еще вопросы?

– Куча! – улыбнулся я – Но пока только один – куда везете зомби и мороженую мертвечину? Почему не сожжете из огнеметов? Их же не спасти уже. Или?

– Матерых не спасти – покачал головой Тон – Да и прочих… шансы очень невелики. Это одна из главных задач табора – доставить пойманных зомби в конечный пункт нашего назначения – Зомбилэнд. Там мы разгрузимся, развернемся и двинемся обратно по Тропе.

– Погоди… так вы не идете по всей длине Чистой Тропы?

– Никто не идет. Разве что какой-нибудь безумный доброс решивший отправиться в такое путешествие. Но он не дойдет – есть много мест, где опасность даже на Тропе настолько велика, что просто не пройти. Пример – Зомбилэнд.

– Зачем везти туда зомби? Скаббов. Мертвечину?

– Скаббов мы высадим сегодня к вечеру. Мать спасет их. Погрузит в холодный долгий сон. А зомби и мертвечину… так рассказывать или?

– Или – вздохнул я с сожалением, вставая – Пора размяться.

– Еще одна тренировка за день?

– Точно – кивнул я, делая знак бойцам.

Хитрожопые гоблины сделали вид что не заметили моего жеста. Пришлось рявкнуть:

– Подъем! Собрались отдыхать вечно?!

– Мы же сегодня уже – попытался Хван, но тут же сдался и начал вставать – Ох сука…

– Если некуда силы девать – помогите инженерам – предложил Тон – С нас достойная награда едой и питьем.

– Ладно – после секундной паузы кивнул я – Когда нужна помощь?

– Через час вышлем бригаду вперед – к проблемной точке.

– Мы с вами.

– Договорились.

– Можно отдыхать? – с лучистой надеждой в совсем не синих, но почему-то небесных по ее мнению глазах, спросила Джоранн.

– Да хрен – буркнул я.

– Славно – выдавила из себя улыбку рыжая и тоже поднялась.

Последним встал мудрый Рэк, знающий, что силы надо экономить.

– Полное снаряжение с собой – скомандовал я – Рюкзаки оставьте. Рэк налепи аптечку. В последнее время ты о ней что-то забываешь.

– Чешется под ней.

– Прилепи.

– Понял.

– Вперед, бойцы. Бетонка ждет.

– Бег?

– Бег, прыжки, перекаты. Вперед!

Проследив как бойцы спускаются, охая от боли в конечностях и задницах, я глянул задумчиво на продолжающего наслаждаться горячим чаем Тона:

– А этот Ракл – где он?

– Где-то там скорей всего – Тон указал вперед по курсу – В Зомбилэнде. Там гребаный хаос. Там легко скрыться.

– Если я вдруг принесу тебе его голову – ты продашь мне хорошее оружие?

– Оружия до жопы и в Зомбилэнде.

– Даже так.

– Но если ты принесешь мне голову Ракла… а если ты приведешь его живым… наша благодарность будет велика, сыроед Оди. Очень велика.

Молча кивнув, я накинул куртку, прихватил оружие и начал спускаться по мокрой холодной лестнице, спеша присоединиться к переминающимся на бетонной ленте бойцам.

Очередная тренировка. Все тело вопит – не надо! И именно поэтому – надо.

* * *

«Проблемой» оказалась грязевая мощная затычка в кирпично-бетонной трубе под одним из участков Чистой Тропы. В результате по одну сторону тропы появилось настоящее озеро, которому некуда было деваться – путь к морю был отрезан.

Стылая тягучая грязь сыто отрыгивала и чавкала в темноте трубы. По нашим ногам текла ледяная масса. Долго тут не простоять – нам выдали резиновые высокие сапоги, но ледяной холод делал свое дело. Скоро ножные мышцы скрутит судорога. Хуже всего пришлось призму – на него сапоги не налезли, и он остался в ботинках. И сейчас гниду трясло, он с хрустом стучался шипами плеча о кирпичный свод. И при этом легко удерживал на весу Джоранн, подставив под ее попу повернутое плашмя лезвие. Сил призму не занимать.

Метрах в двух от нас, рядом с перегородившей трубу грязевой стеной, копошились четыре инженера. Они попросили нас пока ничего ни в коем случае не трогать, не дергать и не тянуть. Потом повторили все еще раз – видимо, сомневаясь в умственных способностях гоблинов. Никто из нас не рассердился – даже Рэк легко сдержал свои эмоции. Во-первых, мы жутко уставшие и сил злиться просто нет. Во-вторых, не понять серьезность ситуации не сможет только поистине тупой – если все эта хрень сейчас поползет, а затем лопнет, нас сметет грязевым селем, переломает, сотрет в кровавую кашу о кирпичные стены и небрежно выплюнет в русло. После чего свежий рыбий корм отправится в море… Так что мы стояли и ждали, когда четверка инженеров решит, что и как делать.

Глядя на мотки веревки и мелькающие в их руках фонари, я невольно улыбался – вспомнилось почему-то наше с Йоркой бурлачество. Когда мы, одетые лишь в смешные шорты, голодные, слабые, стояли и готовились вытягивать из странной стены не менее странный блок какого-то механизма. Тогда я еще не понимал всего масштаба этого вселенского безумия. И таращился на мир невинным взглядом новорожденного гоблина с небольшими отклонениями. И вот спустя дни и недели я тут – вооруженный, сильный и охреневающий от этого изуродованного и все еще стального мира, снова готовлюсь поработать бурлаком.

А тут других вариантов и нет. Насколько я понял, когда инженеры разберутся откуда начинать, мы вместе привяжем тросы и веревки к спутанной массе грязевой затычки, после чего привяжем вторые концы веревок к стоящим у начала трубы квадроциклам и дернем. Сначала силой механизмов. Если их не хватит – поможем сами. Снова бурлачим…

Один из бродосов воткнул в тягучую грязь лезвие лопатки, налег, взрезая бурый пласт. Тот нехотя начал отгибаться, обнажив заклиненный поперек трубы ствол дерева. Примерно такой же ствол стоял под другим углом и вместе они образовали косой крест. А вон спутанные ветви между основными перекладинами. И эти ветви, числом в три штуки, идут как-то слишком уж…

– Назад! – крикнул я.

– Что такое? – дернулся один из парней, испуганно отпрыгнув от булькающей грязи.

Попытался отпрыгнуть – он по бедра в грязи, поэтому просто дернулся.

– Слишком правильная конструкция!

– Что?

– А? – удивленно наклонил головой третий.

И лишь старший из них сообразил. Бросил быстрый взгляд на частично вскрытую грязевую затычку, увидел то, что увидел я и рявкнул:

– Всем назад! Живо!

Он же показал пример, медленно начав отступать. Лопатку в его руках сменила модель неизвестного мне игдальстрела с торчащим сбоку длинным и толстым картриджем – игл на пятьдесят самое малое. Остальные последовали за ним, развернувшись и тяжело двигаясь по булькающей жиже. Молодцы. Послушные ребятки. Послушные… но сука медленные…

Темная рука вынырнула из грязевого месива и ухватила последнего за запястье. Дернул. Инженер согнулся, заорал от испуга и… надсадно замычал прямо в рот вынырнувшей из грязи обнаженной девицы, что вцепилась зубами ему в губы. Резкий рывок… и мычание перешло в дикой силы крик, повернувший парень продемонстрировал прекрасный оскал ничем больше не прикрытых зубов. Торопливо жуя ухваченный кусок, зомбячка ударила выпрямленной ладонью как копьем. Ударила по внутренней части бедра. И тут же приникла к хлестнувшему фонтану крови. Обнаженное мокрое тело ритмично содрогалось, мускулистые ягодицы то показывались, то снова уходили в грязь.

Второй инженер достался следующей голой бабе, что не стала играть с жертвой и просто свернула ему шею. Но больше сделать ничего не сумела – мне наконец-то перестали перекрывать обзор и я начал стрелять одновременно со старшим из четверки бродосов. И он стрелял с куда больше скоростью – буквально поливал зомби и грязевую стену ливнем стрел. Мне приходилось быть куда более экономным и, чередуя игстрел и «свинку», я двигался к противнику, всаживая иглы в шеи, головы, между ребер, стараясь поразить органы и не обращая внимания на конечности. Обогнавший меня Рэк ухватил одну из тварей за волосы, резко дернул на себя, отрывая от трупа. Шатнувшийся вперед призм взмахнул лезвием и орк повалился на спину, держа в руках отрубленную голову. Во вторую тварь воткнулся брошенный Джоранн нож. Вернее скользнул по лбу, взрезав кожу.

Почти промах. Но кровь залила глаза и, бросив еще почему-то живую хрипящую жертву, зомбячка попыталась протереть глаза. У нее получилось проморгаться. Она обрадованно вылупилась, зарычала и… получила в глаз две моих иглы. Задергавшись, рухнула, на нее навалился орк, призм всадил лезвия в грудину и с треском принялся выламывать ребра. Я же помог выбраться из грязи третьему бродосу и толкнул его к выходу. После чего прицелился и прострелил шею «рождающемуся» из стены крупному зомби, что уже получил в грудь и живот немало игл от старшего инженера.

– Что за пушка? – не скрывая зависти, спросил я, перезаряжаясь.

– Игспрей – ответил тот и, дождавшись, когда я снова начну стрелять, тоже спешно перезарядился – Там!

– Вижу – кивнул я, стреляя по смутно наметившейся в грязи голове.

Покончив с противниками, мои бойцы подступили ближе к стене, чуть подождали и, когда заторможенный от пребывания в ледяной грязи зомби вытянул к ним лапы, обрубили их. Призм всадил лезвие в шею, а второе в живот. Чуть поворочал ими в ране, цепляясь шипами и дернулся назад, пытаясь вытащить зомбяка из грязи. Не вышло – лезвия вырвались из ран, таща с собой какие-то кости и метры кишок.

– Дерьма то сколько – покрутил головой Хван и ударил снова.

Мимо меня проплыла гримасничающая отрубленная голова некогда красивой девушки с мелко нарезанными в полосочку щеками. И когда Джоранн успела? Сейчас не время для хобби…

– Если за ту хрень трос зацепим – выдернем? – спросил я у инженера.

– Да – уверенно ответил тот – У самого низа. Вокруг ствола.

– Рэк! Трос на ту елку! За самый конец!

– Ща! Только добью хренососа!

– И сразу отступаем! Джоранн! Назад!

– Я еще не…

– Назад! И тащи с собой ту тварь брыкающуюся!

– Поняла!

– Зацепил!

– Все назад! Рэк! Не топи мужика, а вытаскивай и тащи с собой!

– Да ему губы выжрало! Смысл?

– Тащи!

– Тащу…

Убедившись, что из грязи быстро проявляются силуэты еще как минимум трех зомби и понимая, что в темноте с ними

бодаться нам не с руки, я толкнул инженера в плечо, подхватил из грязи скользкую стальную змею троса и начал пятиться, прикрывая тащащих живое и дохлое мясо бойцов…

* * *

Вечером, держась в сознании лишь благодаря энергетикам и любопытству, вытянувшись во весь рост на крыше головного фургона, закутавшись в меха, я внимательно слушал рассказ Тона о Зомбилэнде и чем больше он рассказывал, тем сильнее я убеждался в том, что я ошибался.

Я ведь думал как? Я думал, что с этим прогнившим миром что-то сильно не так. Что это последствия какого-то недавнего сбоя.

Но я ошибался. Нет.

Судя по рассказу бродоса Тона – этот мир сошел с ума давным-давно. И маховик безумия продолжал раскручиваться и раскручиваться…

Ведь разве могли люди создать такое находясь в здравом уме? Нет! Не могли! Это противоречит всему разумному, всему логичному! Это дерьмо! И этого не может быть! Но у меня нет причин не верить Тону и кивающим ветеранам, что сидят неподалеку и занимаются оружием. А стало быть – Зомбилэнд самая настоящая гребаная реальность. Безумная, извращенная сволочная сука мать ее реальность…

В каком же безумном мире я очутился…

Или это я безумен, раз не вижу правильности во всем этом дерьме? Может во мне что-то не так?

Как бы то ни было – здравствуй, Зомбилэнд.

Гоблины спешат насладиться твоими красотами.

Ведь гоблинам давно пора стать героями!

Конец пятой книги.